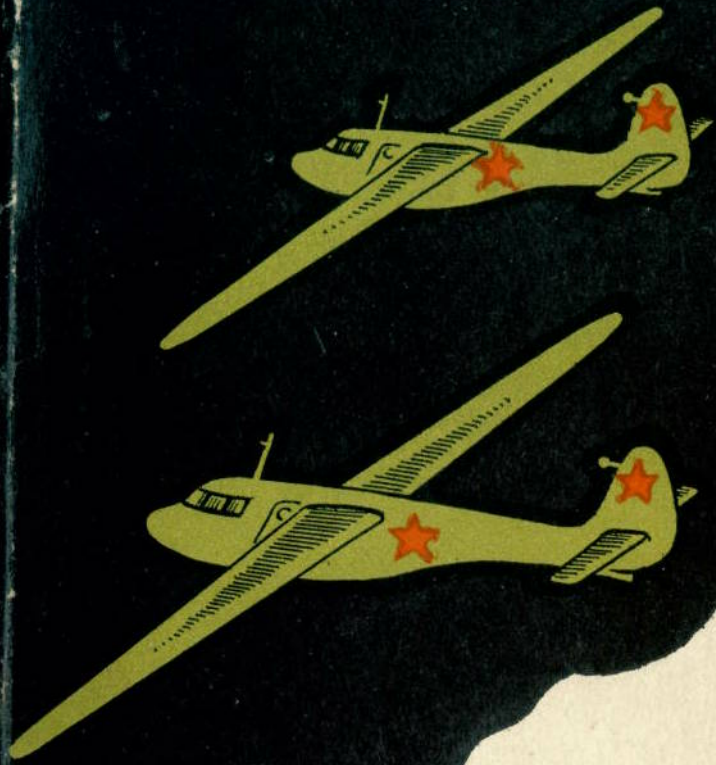

45к.

В. Казаков

А-7
уходят
в ночь

В. Казаков

А·7
уходят
в НОЧЬ

Повесть

Москва
Издательство ДОСААФ СССР
1981

Казаков В. Б.

К14 А-7 уходят в ночь: Повесть.— М.: ДОСААФ,
1981.— 143 с.

45 к.

Писатель, участник описываемых событий, рассказывает о летчиках-буксировщиках, десантниках-планеристах — воспитанниках Саратовской школы военных планеристов, совершавших дерзкие и отважные рейды в тыл врага в начале Великой Отечественной войны на одном из участков Юго-Западного фронта.
Для массового читателя.

К $\frac{11205-049}{072(02)-81}$ 14-81 1304010000

ББК 9(С)27

© Издательство ДОСААФ СССР, 1981 г.

ОТ АВТОРА

На трассе Саратов — Омск нас прижал циклон, и в одном промежуточном аэропорту вертолет поставили «на якоря». Как ни уговаривали мы руководителя полетов, он наотрез отказался выпустить экипаж в небо. Немного остыв, я присмотрелся к седеющему сановитому руководителю, и что-то в лице его показалось знакомым. Попытался вспомнить: где я встречал этого человека? Когда? Напряг память, омолодил его в мыслях. Ничего не получалось. Но вот он склонился над бумагами, шевельнул ушами — и я узнал: «Муха!» Самый маленький из группы «корсаров»...

— Мухин!

Он вскинул на меня глаза, медленно приподнялся, вытянул руки и пошел, как неуклюжий медведь на охотника.

— Теперь уж о полете и думать брось! Сегодня ты мой гость, даже если разведется! Дай обниму, годок! Дай чмокну!

Вечером, увидев в его квартире празднично сервированный стол, я понял, что и завтра вряд ли улечу. До рассвета мы говорили, говорили, и беспокойным, настороженным вставал передо мной родной город военных лет, модели в рассказах друзья, иногда перехватывало горло, если вспоминали тех, от кого осталась только память.

Сороковые годы. На вершухе Соколовой горы угнездилась школа военных планеристов. Молодые горячие парни утюжили синий воздух на потрепанных десантных планерах, готовя себя к полетам в тыл врага. По штатному расписанию отряды делились на эскадрильи, звенья, летные группы: первая, вторая, третья, но сами ребята не хотели называться так прозаически, больно уж многое свершали советские люди. «Чкаловцы», «Братья Павки Корчагина» — нелегально самоименовались группы. А еще были «корсары» со своей стенгазетой «На бордаж!». Эту группу не особенно жаловало командование, но все равно смотрело сквозь пальцы на романтическую игру больших мальчиков.

А ты помнишь нашу клятву? — спросил Мухин.

Вопрос, конечно, был праздным. Юность не забывается. Костер в ночном лесу, у которого была сложена клятва, светит мне всю жизнь.

А клятва, вот она:

«— Наш бриг — Россия. Клянись защищать его флаг до последнего эха жизни.

— Клянусь!

— Что для тебя свято навеки?

— Родина! Мать! Дружба! Верность! Небо!

— В огне, в воде, в аду протянешь ли другу руку?

— Клянусь!

— Если понадобится шагнуть в преисподнюю?

— Буду первым!

— Если капитан послал и сказал: «Надо!»?

— Вернусь живым и отвечу: «Сделано!»

— Достаточно ли у тебя сил выполнить клятву?

— Если их не будет, значит, нет и меня.

— Твой девиз?

— Пусть вечно чистым будет наш океан!»

Сейчас клятва кажется многословной, высокопарной и немного наивной, но тогда...

— Бурно жили! — вздохнул поседевший «корсар» и поставил рюмку доньшком вверх. — Наполеон говорил, что нет лучше солдат, чем шестнадцатилетние: они не знают, что такое страх и смерть. А нам было по семнадцать! Ты вот к писателям причислен. Попробуй! Ведь ни одной строчки. Обидно!

И я попробовал написать о комсомольцах сороковых годов, пилотах Саратовской военно-авиационной планерной школы воздушно-десантных войск.

ПОЧТИ МАЛЬЧИШКИ

ВОЕННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В воскресный день Сенной базар похож на растревоженный улей: сунь палец — ужалят. Так думал Ефим Мессижник, подходя к толкучке, в которой действительно сновали подозрительные типы, жирующие на бедах войны.

— Чаво надо? Чо имешь? — заступил дорогу небритый парень и, лениво подождав, пока Мессижник презрительно измерит его взглядом от сломанного козырька смятой военной фуражки до сапог-гармошек, исчез.

— Кто угадает карту, получит за рупь три красненьких... Три по тридцать за рупь! Попытай счастья...

В кармане у Мессижника три солдатских пайки хлеба, взял, когда ехал на товарную станцию разгружать вагон с запчастями для самолетов. Думал, задержится — пожует. Не пришел вагон. На обратном пути остановил Ефим полторку у Сенного базара, слез, пошел хлеб на табак для ребят сменять.

— Па-а-труль! — заголосила баба, обвешанная стиранными солдатскими штанами.

Вмиг поредела толпа, и будто рассек ее надвое истошный вопль. В «просеке» Мессижник увидел курсантов из военно-планерной школы, где он работал по найму заведующим складом запасных частей. Знакомые ребята Владимир Донсков и Борис Романовский, в новенькой полевой форме, с красными повязками на рукавах, придерживая ремни карабинов у плеча, медленно двигались прямо на него...

— Ты чего здесь потерял, Фима? — спросил Донсков.

— Да вот... посмотреть, — не сразу нашелся Мессижник. — Хотел хлеб на табак разменять.

— Не связывайся с охломонами. Мы уже двоих самогонщиков выловили. Куда сейчас?

— Домой пойду, Володя.

— Тебе хорошо, а нам здесь торчать до захода. Служба!.. Ну, пока, Ефим!

— До завтра! — попрощался и Романовский.

Курсанты сочувственно посмотрели вслед Мессижнику, их сверстнику, которого никогда не возьмут в армию.

Он уходил, чуть припадая на правую, короткую с рождения, ногу.

... К вечеру с юга пополз туман, медленно растекаясь по берегам Волги. Блекли случайные огоньки затемненных улиц, наохлились и полиняли домики в Глебучевом овраге под Соколовой горой. Город затягивался серым покрывалом, тонул в настороженной тишине.

Быстро темнело. Владимир Донсков и Борис Романовский неторопливо поднимались в гору по узкой тропке, виляющей в зарослях бересклета и акаций.

Донсков шел, нагнув голову, но ветки то и дело пытались сорвать натянутую до ушей пилотку, царапали руку, выставленную перед лицом.

Романовский проходил кустарниковые туннели согнувшись.

— Вов? Ты серьезно задумал насчет «мертвой петли»?

— Заяц трепаться не любит.

— А рассыплешься?

— Мне же сегодня цыганка сказала, что умру на мягкой перине.

Вспыхнул прожектор, белым глазом прошарил кусты, и над военным городком повис тревожный вой сирены.

— Володя, прибавь газ! — Романовский легко толкнул товарища снятым с плеча карабином.

Они прибежали в казарму и сразу натолкнулись на дежурного командира.

— Парный патруль прибыл из города. На Сенном базаре задержаны два спекулянта и сданы в комендатуру. Больше происшествий нет! — доложил Донсков.

— Как самочувствие?

— Нормально.

— Тогда в строй!

Здание гудело от топота солдатских ног. Хлопали дверки ружейных пирамид. Сухо щелкал затвор, приклад стучал о бетонный пол — боец в строю.

— На сей раз тревога не учебная! — сказал дежурный командир, и в шеренгах затих последний говорок. — Наше подразделение выделено для облавы на ракетчиков в районе нефтеперерабатывающего завода. Делимся на три группы. Первую возглавляю я. Вторую — лейтенант Дулатов. Третью — старшина летной группы Корот. Машины подойдут к воротам.

Ожидая автомашины, курсанты стояли около казармы и смотрели в темное небо. Редкие облака текли по нему серенькими грядками, закрывая неяркие крошечные звезды.

— Первые на подходе!

Бомбардировщики, прерывисто воя моторами, проплывали над Соколовой горой и выходили на скрытый туманом город. Они летели невысоко, было видно яркое выхлопное пламя двигателей. Через несколько минут в южной части города загрелись взрывы. С земли пытались нащупать самолеты прожекторами, но лучи не пробивали туман и, безуспешно поцарапав его, затухли.

Прекратились и взрывы. Немецкие самолеты кружились над городом в странном бездействии. Не вздрагивала земля, не круглились шапки зенитных разрывов, только нудный вой моторов заполнял небо.

Но вот из пелены тумана вынырнули ракеты и выпустили зеленовато-красные космы. Там, где вспыхивала ракета, самолеты вешали на парашютиках светящиеся бомбы и, ориентируясь на них, бросали фугаски и зажигалки.

Все новые и новые самолеты тянулись к городу, пролетая над аэродромом. На крыше казармы, у установленного там скорострельного пулемета ШКАС, завозился наблюдатель. В темноте заплескали пучки огня, и голубоватая нить трассирующих пуль потянулась к самолету. Она прошла в стороне и потухла. Из строя курсантов метнулась темная фигура, за ней — вторая, полезли к наблюдателю.

— Дай-ка я! — послышалось с крыши.

Следующий бомбардировщик шел чуть повыше. На крыше замерли. Секунда, вторая — и самолет выйдет из зоны обстрела.

— Давай! — почти хором закричали курсанты.

Пулемет застучал дробно и деловито, голубая трасса уперлась в заднюю кабину самолета, оттуда ударила малокалиберная пушка немецкого стрелка. Один снаряд сбил водосточную трубу казармы, от другого разлетелись в щепы перила пулеметной площадки. Курсанты бросились под стены. Но пулемет на вышке не замолкал, и вот крыло самолета занялось огнем.

— Отвоялся, фриц! — довольно сказал старшина Корот. — Кто стрелял?

С крыши неторопливо слез Владимир Донсков, за ним почти скатился по лестнице Борис Романовский.

— Дай лапу! — старшина пожал Донскову руку. — Поощрим!

— Не забудь и Бориса, он тощий, ходатайствуй перед поваром о двойной порции гуляша.

— Обедитесь, — проворчал Корот, но ходатайствовать пообещал.

С притушенными фарами подошли машины.

Автомобили с курсантами неслись по затемненному Саратову, освещая дорогу синими подфарниками. Иногда впереди описывал красный круг фонарик патрульного — головная машина отвечала троекратным миганием. До крекин-г-завода доехали с ветерком, попрыгали из кузова и быстро построились по группам.

— Рассредоточиться вокруг намеченных объектов и ждать второй волны. Сигнал — свисток! — почти шепотом передавалась команда.

Вторая волна дальних бомбардировщиков «Хейнкель-III» вышла на город с точностью до минуты. А немного позже корпуса завода, бензобаки, подъездные пути осветились бледным светом выпущенных с земли ракет. Туман смазывал очертания зданий, цистерны расплывались в нем густыми пятнами.

Вывел трель командирский свисток.

Курсанты поднялись из засад, с винтовками наперевес двинулись вперед, сужая огромное кольцо. Ямы, залитые нефтью с водой, покореженные баки, кучи щебня и полусгоревших бревен разъединяли неплотные цепи людей, и они, чтобы в темноте не потерять друг друга, сбивались в небольшие группки.

В сторону моста метнулась ракета, слышались выстрелы. Ракета брызнула звездочками и, будто пойманная чьей-то рукой, мгновенно затухла.

Группа старшины Короты подошла к подорванному нефтебаку. Поврежденный бомбой несколько дней тому назад, он стоял бесформенной черной громадой. Фонарики осветили рваные бока. Стальные листы, взметнув острые края, нависли над воронкой, заполненной нефтью. Чрево бака ухнуло эхом близкого взрыва. Романовский остушился и начал сползать в яму, бормоча ругательства. Под узким лучом сверкнула маслянистая поверхность, и сильные руки кого-то из товарищей вытащили его.

— Угораздило растяпу! Весь в мазуте... В чем на полеты завтра пойду? — ворчал Романовский.

— Не завтра, а уже сегодня.

— Разговорчики! — цыкнул Корот.

Тройной свист — знак отбоя — остановил ребят. Они и не заметили, когда в небе стало тихо...

„МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ“

Учебные полеты на аэродроме военно-планерной школы подходили к концу. Горячее солнце медленно теряло высоту. Летчики-буксировщики планеров вываливались из кабин, под широкими крыльями У-2 с удовольствием вытягивались на пожухлой от жары траве. С рассвета они горбились в кабинах, прочесывая струями землю на взлетах и посадках. В воздухе их порядочно укачивали нисходящие и восходящие потоки, да еще планеристы дергали за стометровые тросы иногда так, что казалось: вырывают душу. Теперь все. Последняя сцепка подходит к аэродрому с маршрута, последний планер отрабатывает пилотаж, да и какой там пилотаж: виражи, пологие спирали, то есть те элементы полета, которым воробьях учит своих птенцов через несколько дней после рождения. И летчики, лениво шурясь, снисходительно поглядывали на планер.

Смотрели на планер и двенадцать ребят из группы лейтенанта Дулатова. Молодому инструктору показалось странным необычное возбуждение курсантов в конце летного дня. Особенно старался Борис Романовский: он не медиатором, а пальцами рвал басовые струны домры и хриповато, с надрывом пел, стараясь привлечь к себе внимание:

Рев мотора. Звон трос...
Уплывают в небеса
Бригантины на сказочных крыльях.
Месяц острый, как коса,
И на полных парусах
В черный омут летит эскадрилья...

Но курсанты, обычно любившие слушать немудреные песни Бориса, сейчас явно не обращали внимания на оравшего во всю глотку певца. Некоторые сдвинули пилотки на глаза, кое-кто повернулся спиной к инструктору, и все старались скрыть, что глаза их усердно косят в небо.

Воздух взорвался гулом, над летным полем низко прошел истребитель, выписывая двойную управляемую бочку.

Командир планерного отряда капитан Березовский, маленький, плотный, с кавалерийским разводом обутых в обмотки ног, аж подскочил на месте:

— Лиха-ах! Видит же, что аэродром работает!

— На фронт торопится. Им, счастливицам, все дозволено. Летчики! Не то что мы, как лошади в фаэтон запряженные,— позавидовал командир звена буксировщиков старший лейтенант Костюхин, детина — косая сажень в плечах, в блестящей кожаной куртке, модных бриджах и начищенных до блеска сапогах.— Антон Антонович, не пора ли закругляться, твои планеристы прокисают уже?

— Ну да! — возразил Березовский.— Ишь задрали головы вверх, тоже, поди, завидно!

Курсанты смотрели не вслед истребителю, и первым из командиров об этом узнал лейтенант Дулатов.

— Побачьте, товарищ лейтенант! Посмотрите!— Дулатов обернулся на голос и встретился глазами со старшиной группы Коротом. Тот моргнул, рыжие брови метнулись вверх, и Дулатов непроизвольно поддался знаку: тоже поднял голову.

Под сиреневым облаком планер А-2, выйдя из спирали, вздрогнул крыльями и опустил нос. Разгоняясь на пикировании, он рвал воздух, и комариный гуд расчалок заполнял небо, переходил в приглушенный свист. Еще три-четыре секунды такого падения, и не выдержат подкосы, оторвутся крылья старенького летательного аппарата. Дулатов сжал кулаки, сдерживая себя, повернулся к Короту:

— Что он задумал, разгильдяй? Э-эх, дурак! Донсков?

— Так точно — Володька! — тихо ответил Корот.

Да, в кабине планера сидел курсант Донсков. Через летные очки он внимательно следил за движением стрелки прибора скорости.

«... Спокойней, старик! Нарастает свист. Пора! Бери на себя штурвал. Ну, действуй же! Не резко, плавненько, а то сложатся крылышки, как паруса в штиль. Запели ванты-расчалки, ухнула вниз земля. На плечи давит килограммов триста. Тяжеловато с непривычки. Надо напрячь живот — будет легче. Для этого лучше закричать:

а-а-а!.. Ну что разорался? Кровь уже отливает от головы. Ты повис на ремнях, а твой планер царапает шершавое облако зеленым брюхом. Еще чуть штурвальчик на себя! На голову обваливаются поля, сыплется домишки Саратова. Крутятся земля, вертится! Только шарик-то не голубой, а испачканный кисточками первоклашек: блеклые оттенки, размазанные зеленые пятна... А чего так жалобно закричали шпангоуты? Не должно быть! Не должно, а если? У-фф, кажется, обошлось! По-рядок! Интересно, что думалось Чкалову, когда он пролетал под мостом? Был ли он таким же мокрым, как ты сейчас? Вряд ли. Наверное, ты пожиже характером, парень. Ну-ну, без оскорблений!.. Все!»

Планер вышел к черте горизонта. Встала на место земля, земличка, земляничка, вынырнула из синьки, как залотистый карась. С носа капает, а он все равно нюхает запах шершавого сиреневого облака. Оказывается, вы лирик, Донсков! Ну, обругай себя... И все-таки облако похоже на сиреневый куст в дедушкином саду..

С земли все видели, как планер прокрутил петлю, пошел на вторую, потом сделал резкий нырок и, выйдя в горизонтальный полет, развернулся к аэродрому.

— Его превосходительство самоубийца раздумал уходить к пратоцам! — услышал лейтенант Дулатов голос Костюхина и почувствовал за спиной тяжелое дыхание командира отряда Березовского. Паровоз поднимает давление пара и плавно трогает с места, капитан «раздувает пары» и срывается, как камень, выпущенный из пращи. Дулатов не успел мысленно закончить неуклюжей аналогии. Капитан выскочил из-за его плеча, и над полем повисла протяжная команда:

— Станови-ись!

— Равня-а-йсь! Сми-ирно!

Курсанты планерного отряда вытянулись в четком строю и замерли. Предвкушая интересное зрелище, от самолетов спешили летчики. Они подковой сгрудились позади Березовского и тихо разговаривали со своим командиром Костюхиным.

Планер выполнил четвертый разворот, скользнув на крыло, приземлился и посадочной лыжей длинно прогладил траву. Около посадочного «Т» покачался, положил на полотнище знака левое крыло. Летчики одобрительно загудели.

— Курсанты лейтенанта Дулатова, пять шагов вперед — арш! — скомандовал Березовский. — Кру-гом! Стойте и ни шагу к планеру! Пусть новоявленный ас тащит его в одиночку. Разрешаю поддержать только крыло. Кто?

Бросилась вся группа.

— Отставить!.. Назад! Все на-а-зад!

Но к планеру мчался Борис Романовский.

— Двое суток ареста этому спринтеру за глухоту! — отрубил Березовский.

Борис подбежал к планеру и не схватился за конец крыла, а подпер плечами подкосную штангу. Из кабины вылез Владимир Донсков и встал под другое крыло. Они поднатужились, сдвинули планер, медленно потащили его к старту.

— Все видели! Боцман лейтенанту шепнул! — пропыхтел Романовский. — Вечером счищу ему ракушки с кия!

— Думаешь, можно было скрыть? Чепуха! Ну как, Боря?

— Ты знаешь, у меня аж дух сперло! Сам-то трухнул хоть капельку?

— Если б капельку, до сих пор коленки вибрируют.

— Сейчас «береза» включит ревун и будет драить тебя, как медяшку! Ну, взяли, еще раз взяли, са-ама пошла!

Они подтащили планер, и Донсков подошел к Березовскому с докладом, но тот махнул рукой и указал пальцем место перед строем.

— Надо ли объяснять, товарищи курсанты, в чем нарушил летную дисциплину Донсков?.. По вашему молчанию вижу — не надо. Это уже хорошо... Курсант Корот!

— Я!

— Снять с нарушителя летное обмундирование, ремень и обмотки.

— Есть! — Корот подошел к Донскову, но тот уже раздевался сам. В комбинезон завернул шлем и обмотки, затащил сверток ремнем и бросил в руки Короту. Теперь он стоял перед строем в майке, в широких, не по талии, старых хлопчатобумажных брюках и кирзовых ботинках. Березовский оглядел его сильную, атлетическую фигуру, и незаметная усмешечка наметила скобки у тонких губ.

— Брючный ремень снять!

Хохотнул и громко ударил себя по бедрам старший лейтенант Костюхин.

— Правильно, капитан! — сквозь смех проговорил он. — Пуговицы бы еще ему обрезать. Курица летать захотела! Оставьте синьору шлем, пусть рыцарем протанцует до острога!

— Старший лейтенант!

— Молчу, молчу, только посмотрите: он ведь орлеанскую деву изображает!

Корот подступил к Донскову и наткнулся на яростный взгляд серо-зеленых отчаянных глаз:

— Не посмеешь, Боцман!

— Приказ, Вовка. Давай пояс. Штанцы поддержишь руками.

— Отойди по-хорошему.

Березовский видел посеревшее лицо курсанта, вздущиеся желваки, напряженные мышцы полусогнутых загорелых рук. Прядка русых волос прилипла к мокрому лбу, под прямым носом блестели бисеринки пота. Крепкая грудь бугристо напряглась. Казалось, тронь — и взорвется человек, как протуберанец. Предотвращая неладное, Березовский крикнул:

— В чем дело, Корот?

— По уставу не положено снимать этот ремень! — тяжело вытолкнул слова Донсков.

— Слышали, товарищи курсанты? — подходя к нему поближе, сказал Березовский. — Он, солдат, может позволить себе нарушение, а я, капитан, — нет! Почему же? Давай, голуба, на равных служить. Ты устроил карусель в воздухе, хотел сломать себе голову и упечь меня в тюрьму, а я тебя наказываю тоже не по уставу, а по своему. Не хочешь? Не так воспитан?.. Трудно тебе будет с двумя лицами жить. Найди свое, Донсков. За цирк — десять суток ареста. Проводите, лейтенант, своего пирата на гауптвахту, да не забудьте у быстрого певца дому отобрать. Наигрались!

Над полем лопнула и рассыпалась красными звездочками ракета. Ушли к самолетам летчики, запустили моторы, порулили к стоянкам. Курсанты, подперев плечами крыльевые подкосы, потащили планеры к ангарам. Быстро темнел сиреневый вихор облака над аэродромом.

Березовский догнал шагавшего впереди старшего лейтенанта Костюхина и похлопал по крутому плечу:

— Зачем оскорбил курсанта, Юрий Михайлович? Не каждый орел беркутом называется, но все же он орел. Еще раз и — беседовать будем у командира!

Костюхин остановился, виновато наклонил голову:

— Пардон, Антон Антоныч! Знаешь, иногда какая-то козявка меня изнутри кусает — сам не рад. Извини!

Вечером начальник политотдела батальонный комиссар Маркин, замещавший уехавшего на долгосрочные курсы начальника школы, слушал командиров.

— По курсу летной подготовки делать эту фигуру на планере А-2 не положено, — говорил Дулатов. — Большой риск. Планеры отработали все возможные и невозможные ресурсы, могут рассыпаться от средних перегрузок, а он летал без парашюта. Смелость безрассудная, слепая.

— И поэтому обязательно наказуемая, — вставил Березовский. — Все, что мог по уставу, я Донскову выдал.

— Да, бригантини, так, кажется, Дулатов, называют ваши курсанты планеры, требуют капитального ремонта, — сказал Маркин. — Меня интересует психологический аспект происшествия. Как реагировали курсанты? Как восприняли?

Командиры переглянулись, замялись. Дулатов дипломатично молчал, предоставляя слово старшему. Березовский выпалил:

— Ему двенадцать стаканов компота приволокли на гауптвахту. Вот как!

Маркин беззвучно смеялся. Косматые седые брови поднялись. Он вынул платок, вытер глаза, прокашлялся и весело сказал:

— Компот действительно психологический. Здорово восприняли ваш урок. Ох, сколько работы задаст нам ребятя! Вечная загадка! А ведь мы были не такими шустрými, если не считать лихих кавалерийских атак на пустой желудок, плавания по-собачьи в грязи Сиваша, командования полками в семнадцать — двадцать лет и другой мелочи. А?.. Вот скажите, Дулатов, каким вы думаете воспитать своего планериста? Что должен знать, уметь пилот, окончивший нашу школу?

— Отлично летать... ну и стать настоящим красноармейцем.

— Давайте вспомним историю. Немцы провели удачную десантную операцию по захвату неприступного с

моря острова Крит. Успех обеспечили планеристы, под покровом ночи бесшумно высадив отборные батальоны прямо на голову защитников Крита. И вот. Мы создали первую школу военных пилотов-планеристов для подготовки бойцов с особыми качествами. Так, Березовский? Именно так! А чему учим? В основном летать. Мало обращаем внимания на специальную и психологическую подготовку. Забываем, что для выполнения боевой задачи в ребятах должны сплавиться бесстрашие и точный глазомер летчика, отвага десантника, тактическое мышление пехотинца, дерзость и смекалка разведчика и огромное, я подчеркиваю, огромное стремление к риску. Мы должны воспитывать в курсанте это стремление, чтобы он летел на задание и по приказу и сам свался, просил доверить ему самое ответственное и сложное. Вот минимум!.. Он летит в ночь, не ожидая милосердия. Щупает холодными рассудочными глазами черноту, ищет сигнал посадки. Садится, обязательно мастерски, на неведомый кусок земли, разгружается, без сожаления поджигает планер и становится пехотинцем, партизаном. Солдатом или командиром — зависит от обстоятельств, а бойцом самого переднего края — обязательно! Вот и подумайте, как подготовить нам такого воина, инициативного, способного действовать в одиночку и в большом коллективе одинаково разумно.

— Я чувствую в ваших словах косвенное оправдание поступка Донскова, — сказал Березовский.

— Не совсем поняли, капитан. — Телефонный звонок прервал Маркина. Прежде чем взять трубку, он досказал: — Таким, как Донсков, наша одежда тесновата, и они, естественно, стремятся из нее выпрыгнуть, но не очертя голову, скажу я вам... Алло! Да, я у телефона... Здравия желаю! Слушаю внимательно... Понял! Встретим! Сводку отослали... Понял. — Он положил трубку на рычаг. — Говорил с Москвой. К нам едет инспектор Центрального штаба партизанского движения полковник Стариков. Командировка длительная. Поняли? Чувствую, скоро на крылья наших ребят ляжет тяжелая нагрузка...

— А насчет Донскова — действовал он не очертя голову, а разумно. Вот нате бумажечку, разберитесь в загадочном шифре. — Маркин протянул Дулатову листок.

Дулатов сосредоточенно изучал небрежно написанные цифры и сокращенные слова.

— Интересно, — сказал он. — Полный расчет «мертвой петли» на планере А-2.

— Той петли, которую сегодня сделал Донсков. Бумажка попала мне в руки позавчера, а я не придал ей должного значения. Разбейся Донсков — и на том свете я прощения бы себе не нашел. Надеюсь, ваши пираты больше не будут крутить крендели на непилотажных планерах? — сухо сказал Маркин.

— Приму меры. Мне стыдно, товарищ комиссар, за игру своих подчиненных в этих... пиратов. Донсков их пичкает гнилой романтикой. Решительно прекращу!

— Вряд ли удастся. Иногда мечты детства остаются на всю жизнь. Между прочим, среди пиратов были не только жестокие, кровожадные Морганы и Флинты. Капитан Блад, выписанный Рафаэлем Сабатини, — человек, готовый пойти на смертельный риск во имя чести, ради помощи товарищам... И знаете, Дулатов, все-таки каждый в жизни должен иметь бригантину!

— У курсанта Корота это, бесспорно, комбайн, плывущий по золотому полю, — улыбнулся Березовский. — А если заставить Романовского нарисовать корабль, то над палубой у него бы торчала заводская труба, а капитан крутил штурвал токарного станка!

Когда Дулатов ушел, Маркин спросил Березовского:

— Почему вы один среди командиров носите обмотки? Вам же хорошие сапоги дают.

Капитан молчал.

— Может быть, экономические трудности, ведь вы шестой в семье?

— Нет, товарищ комиссар. В прошлом месяце у одного курсанта в полете размоталась обмотка и попала в тросы управления. Почти до земли шел, но все обошлось благополучно... В небе я хочу быть на равных с ними. Там что командир, что боец в одинаковых условиях должны быть. Так я.. поношу пока.

Маркин глубоко затянулся дымом, закашлялся и в сердцах бросил окурочек в пепельницу:

— Чертов табачище! Воли не хватает перестать травить себя. Ваш отряд готов к переходу на тяжелые планеры?

— Почти.

— Такого слова в военном лексиконе нет! Сводку

информбюро слышал? На фронте нашим приходится туго, немец прет на рожон!

— Подготовку максимально ускорим, товарищ комиссар.

— А люди? Выдержат? Пойдем в общежитие наведаемся.

... В казарме они остановились у стенной сатирической газеты «На абордаж!» и невольно залюбовались отлично выполненным акварельным рисунком. За штурвалом маленького синего судна стоял огромный капитан с лицом курсанта Донскова, голый, прикрытый лишь концом паруса.

В АНГАРЕ

В субботу вечером, будучи дежурным по гарнизону, лейтенант Дулатов шел по аэродрому и увидел в одном из окон ангара электрический свет. Решил проверить, кто нарушает светомаскировку.

Легкая полусферическая крыша помещения для планеров удерживала густые острые запахи нитроокрасок, эмалитового клея и смазки. Дулатов с удовольствием вздохнул и осторожно двинулся по гулким бетонным плитам. Заметив светло-розовую полосу под дверью токарного цеха, он замедлил шаги, подкрался на цыпочках и прислушался. В цехе работали напильником по мягкому материалу. Шуршание напильника сняло настороженность, с какой он шел сюда. Теперь Дулатов догадывался, кого увидит склоненным над тисками, и все же дверь открыл потихоньку, без скрипа.

Жестяной абажур бросал яркий сноп света на растрепанные каштановые волосы, худые плечи и большие руки. Плавными расчетливыми движениями полукруглого напильника обрабатывалась фасонная эбонитовая деталь. Легкие неторопливые движения и та особая непринужденность мастера, колдовавшего над деталью в тисках, остановили Дулатова. Через минуту он постучал согнутым пальцем по листу дюрала, прислоненному к стене.

Острым краем напильника мастер нанес штрих, опустил деталь и довольно хмыкнул. Положил инструмент на верстак, вынул из кармана наждачную бумагу, осмотрел ее поверхность. Чем-то она его не устроила, и он достал другую, завернутую в тряпицу. Потом резким движением

ослабил тиски и на широкую вытянутую ладонь, взвешивая, положил нож. По короткому массивному клинку скользнули блики и потухли в глубине матовой плексигласовой рукоятки.

— Романовский!

Нож, соскользнув с ладони, глухо ударил о цементный пол. Лицо Бориса Романовского в мгновение побледнело. Дулатов смотрел в бегающие растерянные глаза курсанта. Романовский досадливо махнул рукой, вытер пот со лба и взял нож.

— Не понимаю? — сказал Дулатов, глядя на странное изделие.

— Отцентрирован до грамма. С характером ваньки-встаньки, — быстро сказал Романовский и метнул нож в дальнюю стену. Резко свистнув, клинок прошил доску, застыл не качнувшись. Романовский вытащил его, протянул Дулатову.

— Попробуйте.

— Разве сумею?

— А вы бросьте, бросьте!

Дулатов повертел нож, почувствовал, как тяжела сталь клинка, полюбовался радужным набором ручки.

— Жалко, если расколется, но пусть вам неповадно будет заниматься такими поделками! — И он с силой пустил нож в обитую жестью стенку. Нож опять пронзительно свистнул, а Дулатов вопросительно уставился в довольное ухмыляющееся лицо курсанта.

— Два особо расположенных отверстия в кресте рукоятки подвывают в полете. А закалял сам! — со скрытой гордостью сказал Романовский и с трудом выдернул клинок из стены.

— Вы знаете — это лишнее. Я имею в виду свист. Десантнику ведь нож дается не для парада. Уберите отверстия... А в общем, шагайте за мной к командиру отряда! — приказал Дулатов. — Пошли. За сколько продаете?

— Своей работой не торгую, — угрюмо откликнулся Романовский, еле поспевая за инструктором.

— Меняете? На что? В вашей тумбочке я видел пустую бутылку. На водку? Летали бы так, как пилите железки!

— По-вашему, железка? Пусть. Только не каждому сделать такую.

— Почему нож всегда летит острием вперед?

— А это уж секрет фирмы... Могу сказать только одно: при тренировке можно издали попадать в тетрадный лист.

— Вот на таком листике и напишите объяснение о своих делишках и всех самоволках. Двух суток ареста оказалось маловато?

— Я не писака!

— Что? Поговорите еще! — Дулатов остановился и повернулся к Романовскому. — Каков тон! А? Каков тон! Знал всегда вас послушным, вежливым, а за последнее время... Да ведь уже комиссару известно о ваших самовольных отлучках из расположения части.

— Самоволок не было. Поклеп.

— Вас отпускал старшина летной группы Корот. — Дулатов опять пошел вперед. — Но он такой же курсант, как и вы, не имел права это делать без моего согласия. Может, вы и устава не знаете? Дайте нож и подождите здесь!

Романовский остался перед закрытой дверью в кабинет командира отряда, прислонился к стене, расслабил опущенные руки.

Капитан Березовский внимательно рассматривал нож.

— До авиации я был классным металлостом, Саша, а признаюсь, таких вещей не делывал. Не потянул бы. Ювелирная работа. На экспорт! Жаль, если экспортируют на базар.

— Отказывается.

— Как он попал в цех?

— Свой ключ. Рабочие ушли, а охрану еще не выставили.

— Отпусти парня. У них скоро ужин.

— Романовский, шагом марш в казарму! А за незаконные поделки взыщут! Ишь повадились! — грозно крикнул Дулатов, приоткрыв дверь в слабо освещенный коридор.

— Сорвался на дискант, голуба! — укоризненно сказал капитан.

— По-хорошему уже не получается!

— Уже? За три месяца инструкторской работы порох отсырел? Чаю хочешь? — Березовский вытащил из-под стола холодный эмалированный чайник, налил себе в кружку темный завар. — Я вот, прежде чем гаркнуть,

представляю, будто орут на меня. И часто успокаиваюсь. Не потому что злость мгновенно проходит, а просто стыдно становится. Инспектор из округа однажды на меня кричал, слюнями брызгал, так я хоть и умылся, а как вспомню — до сих пор оплеванным себя чувствую.

— Иногда ваш голос далеко слышно.

— Да не сердчай! Голос слышно! — с удовольствием повторил Березовский. — Я же артист, Саша! Фигурой вот не вышел, Костюхин за глаза «крючком» зовет, а голос, правда, добрый. Если прислушаться, поймешь: употребляю его как инструмент, стараюсь играть в такт. Командиру очень тонкий музыкальный слух нужен, если правду говорят, будто в каждой душе есть своя струна. Не оборвать бы... — Березовский сделал крупный глоток и отставил кружку. — Вот комиссар мечтает сделать из этих ребят «бойцов особого качества», а я, прости, смотрю на них как на сирот. Жалко. И многие действительно будут сиротами к концу войны... Твой курсант зачем сделал нож?

— Для продажи или обмена. Позавчера в сандень у Романовского бутылку из-под водки в тумбочке обнаружили.

— А может человек, испытывающий наслаждение в труде, быть торгашом? Вот и проверим. Завскладом запчастей и авиаматериалов Мессножник принес Донскову сверток. В нем угадывались две бутылки. Мне об этом стало известно, и я распорядился поискать. В казарме — нет. А назавтра Донсков и Романовский просят в увольнение. Донскову недосиженные сутки на гауптвахте я заменил нарядами вне очереди, поэтому права на отпуск он не имеет. А может быть, имеет, потому что вчера ты объявил ему благодарность за отличную технику пилотирования. В общем, мы их отпустим, а ты с Коротом посмотришь, куда они пойдут.

— У Донскова в городе мать.

— Знаю. Работает в исполкоме. Домой он не пойдет: сейчас август и под любым кустом ресторан. Две бутылки им много. Может, девчат-зенитчиц пригласят? Так вот, Саша, если ребята с девицами будут, поступай корректно, в любом другом случае действуй по обстановке.

— Слежка?

— Не нравится?.. Чтобы вырвать сорняк, надо за него

ухватиться да, на беду, не спутать с полезной травой. Хочется тебе или нет, а завтра ты пойдешь.

— Но...

— Лейтенант Дулатов!

— Есть!

— Спокойной ночи, Саша.

Дулатов ушел, а капитан Березовский склонился над планом летной подготовки. Отряд переходил на тяжелые планеры А-7 и Г-11, но не хватало буксировщиков. В помощь стареньким самолетам Р-5 и СБ для воздушных сцепок прислали трофейный бомбардировщик «Хейнкель-111» и два истребителя «харрикейн», но на них еще не переучились летчики. Сплошные «но» тормозили работу, а инспектор Центрального штаба полковник Старилов жал, требовал ускорить подготовку пилотов. Березовский считал настойчивость полковника предтечей скорых и серьезных заданий, к которым еще не были готовы курсанты. Выпускать в ночь только что оперившихся ребят он не мог, хотя «стремление к риску», о котором говорил комиссар Маркин, переполняло многих. Плоховато шла спецподготовка. Из трофейного оружия «мазали» по движущимся мишеням, некоторые, как слепые котятка, ходили по азимуту, физические слабые отлынивали от вольной борьбы. Он понимал, что война заставляет утрамбовывать год до месяца, но не мог подавить в себе внутреннего протеста, если это касалось семнадцати-восемнадцатилетних мальчишек, которых невозможно в столь короткое время сделать бывальными мужчинами. А надо! За счет воскресений, которых так мало, за счет ночей, которые так коротки, за счет каждого часа отдыха. Надо сделать настоящих бойцов, иначе он, гвардии капитан Березовский, будет поставщиком пушечного мяса.

— Вот так-то, голуба! — проговорил он вслух, забористо ругнул себя за потраченное на невеселые думы время и, выдернув из ящика стола словарь, стал разбирать инструкцию по летной эксплуатации истребителя «харрикейн», составленную на английском языке.

За распахнутым окном гудела ночь, взбудораженная моторами, исполосованная прожекторными лучами и вспышками стартовых ракет. В небе бодрствовали летчики-буксировщики. Непривычным прерывистым ревом отличались двигатели трофейного «хейнкеля», на котором

тренировался старший лейтенант Костюхин. На самолете перекрасили знаки, заменили надписи под приборами, сняли вооружение и броню, а вой моторов так и остался волчьим.

ПО СЛЕДУ

Корот, ссылаясь на плохое самочувствие, упорно отказывался от предложения инструктора Дулатова.

— Не пойду, товарищ лейтенант. Чего портить парубкам отдых? Хлопцы гарные, правду говорю. А если и выпьют малость — греха нема.

— Хочется тебе или нет, а ты пойдешь, Корот, — сказал Дулатов. — Все!

И вот они идут по кромке лесопосадок. Дулатов пытался не упустить из виду Донскова и Романовского, но Корот остановил его и пообещал найти их по следу. Он шел впереди, слегка ссутулив плечи и опустив лобастую голову, густо покрытую тугими светло-рыжими завитками. Гимнастерка обтянула широкую, одинаковую в плечах и талии спину, толстые ноги, обернутые голубыми обмотками, осторожно ступали по мягкой траве. Дулатов, всматриваясь в землю, никаких следов не замечал и поэтому, немного обогнав курсанта, с интересом поглядывал на него. Идущий по следу Корот поразительно напоминал работающего Романовского. Так же распахнуты от удовольствия глаза, только с блестящими черными крапинками в зрачках, та же непринужденность мастера, только в походке, бесшумной и быстрой. Колхозник с равнины за несколько месяцев учебы впитал в себя «науку следопыта», хотя был еще и не шибко грамотен. Изредка подергивая коротким красноватым, облезшим на солнце носом, Корот и хмыкал так же удовлетворенно, как Романовский. Но в широченных, неюношеских плечах, в длинных опущенных руках, в толстых пальцах, полусжатых в кулак, у Короты чувствовалась скрытая, дремлющая сила. Он нагнулся, в выражении его лица что-то хищное почудилось Дулатову, и лейтенант отстал на несколько шагов. «Какому пиратскому богу молится этот?» — тоскливо подумал он.

За лесопосадками простиралось желтоватое гречишное поле. Скрываясь за последними кустами, они увидели

маленькие фигурки Донскова и Романовского. Курсанты двигались к редкому орешнику на берегу Волги.

Корот остановился, попросил разрешения курить.

— Или в перелеске или на берегу сядут, — слюнявя край самокрутки, невнятно пробормотал он. — Не сбрешу про Володьку, а Борька чудной. Выдали нам по пятнадцать пачек «Северной Пальмиры», папироски баловство, так я за них выменял у Мессижника пять фунтов самосаду, а Борька опять же — плексиглас. Потопаем, товарищ лейтенант, теперь можно.

Пошли напрямик. Корот старался не ломать стебли гречихи и, когда не получалось, оборачивался, подбирая выпавшие зерна, тяжело вздыхал. Дальше шел странно, высоко поднимая колени. Дулатов старался идти вслед.

— Товарищ лейтенант, вчера транспортник из-под Сталинграда прилетел, мы ему пробойны заклеивали, так летчик болтает, что двадцать первого августа в районе Абганерова немчюра сильно вдарила по первому оборонительному обводу наших войск. Это верно?

— Официально не слышал, — буркнул Дулатов и, глядя на пятнышко пота, проступившее на гимнастерке между мощными лопатками Короты, меняя тему разговора, спросил: — Почему курсанты зовут вас Боцманом? И сколько вам действительно лет, Корот?

— Думаєте, темно, ховаю годки? Так выгляжу потому, — Корот поднял руки с растопыренными пальцами, — што их с малолетства из земли не вынимал. От солнышка до темноты работал. А Боцманом... я ж старшина их, команду над ними держу. Володька кличку приклеил. Подходим к орешнику. Тихо!

Сначала они услышали разговор, потом увидели Донскова. Он прикручивал к ветке проволоку с котелком на конце. Корот упал в прошлогодние прелые листья, Дулатов прилег рядом, стараясь не испачкать обмундированья.

На маленькой зеленой полянке Донсков и двое незнакомых солдат со значками десантников на петлицах разжигали костер под котелком и открывали ножами консервные банки. Борис Романовский чистил картошку. Картофелины летели в котелок, вышибая оттуда брызги.

Один из десантников снял гимнастерку, расстелил по земле. Второй, остролицый, поставил на импровизированную скатерть бутылки с мутноватой жидкостью, банки,

кружку. Уселись в кружок. Романовский и Донсков спинами закрыли гимнастерку с разложенными припасами. Дулатову виднелись только буханка черного хлеба и эмалированная кружка. Большая рука подняла кружку, и Дулатов увидел ее доньшко над мощным кадыком десантника. Будто бильярдный шар дважды передвинулся под кожей, и пустая посуда опустилась на место. Десантник с кончика ножа снял губами сероватый кусок, а нож метнул в ствол орешника. Коротко свистнув, клинок впился в дерево. Десантник с набитым ртом радостно замычал и захлопал в ладоши.

— Вот это копьё! За такой подарок наш «батя», кроме «спасибо», и наркомовские сто грамм поднесет. Чарку мастеру! — сказал он, проглотив закуску, налил в кружку из бутылки и протянул Романовскому.

Корот удержал пытавшегося встать Дулатова.

— Разве запрещается пригубить горилки в отпуске? Поглядим, побачим, товарищ лейтенант, — прошептал он.

Солдаты пили, ели, громко разговаривали. Остролицый рассказывал, что первыми парашютистами были африканские негры. Держа над головой пальмовые ветки, они прыгали с обрывов и скал, плавно опускались на землю. Десантник без гимнастерки взахлеб хвалил своего командира, его справедливость, силу ума, смекалку. Дулатову очень хотелось послушать, а что скажут про него. Летаёт он не хуже других инструкторов, курсантов понапрасну не обижает. Сюда пришел по приказу. Да ведь для их же пользы, чтобы не спутать сорняк с полезной травой, как говорил капитан. Если он учился два года, то их надо поставить на ноги за шесть месяцев, да еще со спецподготовкой. Нет, недоброго слова они про него сказать не могут. Вот только кричал он вчера на Романовского, так не со зла, а хотел показать строгость. После такого нагоняя курсант должен пережить, а Романовский пошел в рощу собирать светлячков в коробочку...

Зазвучала домра. Романовский пропел куплет, а потом четыре сильные глотки выбросили, как из мегафона:

В бессильной ярости греми костями, смерч,
Искать не будем бухты мы у скал...

«Спелись, черти! — подумал Дулатов. — Не впервой, значит. Друзья по застолью. А я-то, остолоп, считал их порядочными ребятами! Правильно говорил капитан...»

Дулатова отвлек от мыслей резкий прыжок десантника без гимнастерки. Из сидячего положения, не касаясь земли руками, он отпрыгнул метра на полтора в сторону и пригнулся, растопырив узловатые руки. Почти так же вскочил и Донсков. В его правой ладони что-то блеснуло. Намного выше ростом, он навис над десантником, готовый ударить. Неуловимым движением тот подался вперед, крикнул, и Донсков упал ему в ноги с выкрученной назад рукой.

Избиения своих курсантов Дулатов допустить не мог. Он вскочил и бросился вперед. Увидев перед собой разъяренного лейтенанта, десантник отпустил Донскова и схватился за гимнастерку. Но и Дулатов потянул ее. Хлеб, лук, банки полетели на землю, звякнула о что-то твердое бутылка, в нос ударил сладковатый запах. Десантник дернул, и в руках Дулатова остался рукав гимнастерки.

— Корот, ко мне!

— Смылись! — развел руками Корот.

Дулатов пощупал одежду и покраснел. Он постарался сделать строгое лицо и сухо обратился к Донскову:

— Где же ваши собутыльники?

— Почему собутыльники? У одного не было увольнительной, вот и сбежали.

— Курсант Корот! Вы отведете Донскова в санитарную часть, где определяют степень опьянения.

— Я трезв.

— Выясним... А пока ликвидирую увольнение и приказываю отправиться в часть!

— Товарищ лейтенант, нюхните! — Корот совал в руки инструктору отбитое доньшко бутылки с каплями влаги. — Солодом пахнет. Сладкое!

Дулатов брезгливо отмахнулся: «Идите!»

Спустившись с обрыва к Волге, он разделся. Поплескавшись в парной воде, вылез на берег, улегся на горячем песке. На глаза попало зеркальце, вынутое из кармана вместе с документами. Дулатов поднял его. В стеклышке отразилось грустное смуглое лицо, скуластое, большеротое. На прямых жестких волосах и длинных ресницах капельки. «Никакой значительности нет в твоей рожице, Александр Ахметович. Корот и то значительней смотрится, солиднее. Усы, что-ли, отпустить?»

Ему хотелось обдумать случившееся, обдумать неторопливо и основательно. Он брал в пригоршню песок,

пропускал его между пальцами тонкими желтыми струйками. За несколько раз насыпал перед собой бугорок с острой вершиной. Мысли путались, и он резким движением ладони разрушил песчаную пирамиду. Долго и бездумно смотрел на подлесок, подступивший к самому обрыву. Потом улыбнулся: если чуть-чуть пофантазировать, молодые деревья очень походят на его ребят. Вон кряжистый дубок, его корни крепко держат землю от осыпи, листья еще редкие и маленькие, а кора уже шелушится, как у старого мудрого дуба. И если дубок напоминает Короту, то вон тот упругий ясень — Донскова. У деревца крепкие длинные ветки, из таких выгибают хорошие боевые луки. Ясенева жестковатая крона звенит под мягкими порывами ветра, как спущенная тетива.

Дулатов разыскал в подлеске и «Романовского»: издалека трудно было разобрать, какой породы это дерево, оно заслонялось другими, было все время в тени, и поэтому ствол, тянущийся вверх, был тонким, хрупким. Дереву не хватало силы, и только на самой макушке оно сумело выбросить несколько неказистых веточек.

Романовский лежал в кустах, уткнувшись лицом в сложенные руки. Над ним звенели комары, путались в густых каштановых волосах, липли к шее и рукам, но он не поднимал головы, не шевелился. Если бы затих лес, не тенькала пеночка в орешнике, не журчал поблизости ручей, можно было бы услышать глухую брань, которой Романовский отвечал на свои горькие думы.

Почему удрал? Что заставило ломиться через кусты, падать, обдирать колени? В чем он провинился, чтобы так трусливо скрыться? Ни в чем! И все же, когда увидел перед собой инструктора, какая-то неведомая сила подняла и заставила бежать.

Он быстро опомнился. Ну и что? Ведь скрылся, не вернулся! Так же беспричинно оторопел, когда лейтенант застал его в ангаре. Сказать бы о разрешении начальника цеха работать до выставления сторожевого поста, а он не сказал. Не сумел объяснить, для чего делает нож, Володька поругал его тогда, обозвал. И правильно. Трус!

В орешнике опять то же острое чувство мгновенного страха. Нет, не зря заставляет Владимир прыгать в воду с десятиметрового трамплина. Пока летишь, умираешь дважды. И это чувство у него с детства.

Борис вздохнул, сел, стряхнул сухие листья и комочки земли с домры, которую даже в паническом бегстве не забыл прихватить, и тронул струны. Тонко, жалобно откликнулся резонатор.

Домру сделал отец. Грубые пальцы рабочего кузнечного пресса выточили каждую дощечку, лаская, отполировали гриф, на самодельном токарном станочке вырезали фигурные колки. И когда инструмент засиял лаком, отец протянул его сыну: «Мои клещами только подковы гнуть, а не играть. Так что струны сам натягивай, Борька. Подарок тебе. И положено, брат, обмыть!»

И «обмыл». Пьяным отец был каждую субботу. Приходил домой и поднимал пудовый кулак на мать. Почему — недавно стал догадываться Борис. А тогда, обозванный «байстриюком», в ужасе забивался под койку и свивался в клубочек. «Не прощу-у!» — ревел отец.

В воскресенье батя опохмелялся, просил прощения у матери, а сыну позволял разбирать именной «смит и вессон» — револьвер, подаренный лично Климентом Ворошиловым за ликвидацию банды. Это было самой большой радостью Бориса. Потом они пели. Первой песней, которую разучил Борис на домре, была «Каховка». От нее батя мягчел, надевал выходную робу и шел в заводской сквер снимать свой портрет с доски Почета.

Но вскоре опять приходила суббота. Рос Борька на материнских слезах. Трезвый отец научил сына красиво работать, а субботние батальи поселили в мальчишке страх перед силой, перед «авторитетом», перед всем неожиданным и непонятным.

Ясным июньским утром сорок первого года воинский эшелон увез отца на запад. Недалеко уехал солдат-доброволец от дома, попал под бомбу, упал — будто споткнулся, да не встал, навсегда прижался к родной белорусской земле...

Лебеди черные стаей
Нам принесли письмецо...

— Так и не встал он, в муравушку втоптаный... Эх! — Борис отложил домру, сорвал травинку, задумчиво жевал.

...С десантниками было проще, чем думал лейтенант Дулатов. И Донсков и Романовский встречались с ними не для пьянства. И пили не самогон, а домашний солодовый морс, обменянный на хлеб у Мессижника.

В школе курсанты-планеристы обучались приемам вольной борьбы. Занятия проводил старший лейтенант Костюхин, неплохой борец и методист. Но подошло время, когда Донскова уже не удовлетворяли академические уроки Костюхина, в них отсутствовали боевые приемы. Тогда он завел знакомство с мастерами рукопашного боя из соседней десантной части. Солдаты-десантники имели опыт диверсионной работы в тылу врага, были хорошими товарищами. Борис по их заказу делал ножи. Иногда на встречу приносили и простую еду, потому что атлетов-парней не мог насытить довольно скромный солдатский паек, а курсанты питались значительно лучше. В показе приемов борьбы десантники не скупились. Лейтенанту почудилось, что Донсков кинулся на солдата с ножом, но это была алюминиевая ложка.

Романовский поднялся, вытер рукавом глаза. Цепкими пальцами пощупал костистые плечи, худую грудь и тяжело вздохнул:

— Эх, дубина! Стеньга гнилая!

Подняв домру, он поплелся в военный городок.

Так же неторопливо возвращались Донсков и Корот. Первым заговорил Донсков:

— Скажи, Бодман, ты почему не обозначился, не пошумел в кустах?

— Я ж выполнял приказ.

— Лучше б ты лопнул от усердия!

— Неправильно гутаришь. Выполнить приказ — святое дело! У нас принято: батька сказал — умри, значит помереть должен. Тут для меня батя — любой командир. Да и не дотумкал я, что лейтенант горячку спорет. Я ж давно понял, для чего вы по кустам хороводитесь. Тренируешься? Уроков Костюхина тебе мало?

— Он ленив, зажирел, и не пойму: или многого не умеет, или не хочет показать. Скоро соревнования. Постараешься взять реванш?

— Слова такого не знаю, догадываюсь. Силы у меня больше, а ты верток. Дожму я тебя, Володька.

— Давай, Бодман, давай, только пупок не надорви! — Донсков ударил Короту по плечу. — Службист ты и, кажется, выскочка! Рыжие любят сколачивать карьеру... А с Борькой вот плохо.

— Чего?

— Не твое дело! Веди в санчасть.

НАЧАЛО ИСПЫТАНИЙ

ШАГ В СТОРОНУ

Самолет заморгал огоньками: «отцепляйся!» Донсков дернул кольцо буксирного замка, и планер словно остановился в небе. Ушел к земле утробный звук двигателя. Внизу неяркие фонари посадочной полосы.

Разворот.

Теперь по заданию надо выключить консольные огни и освещение кабины убрать до самого малого. Донсков повернул колесико реостата.

Прямо в лицо светит желтый месяц, выбеливает нос планера, лобовые кромки длинных крыльев. Глаза привыкают к небу. Оно уже не черное, на густо-синем экране играют тени. Беспорядочно бегут причудливые облака, закрывают на мгновение глазастые звезды, и как бы подмигивают далекие загадочные планеты.

А ближе всех тонкая, согнутая пружинка луны. Можно ухватиться за кончик, покачаться. Только опять закрывает ее большое неторопливое облако и медленно наполняется серебристым светом. Кажется, висишь под ним тихо, как парящая птица. Океан... Пацаном Володя Донсков мечтал прорываться сквозь штормы, в компании отчаянных татуированных парней брать на бордаж неприятельские корветы, поднимать свой флаг на реях победенных судов. Мечту навевали книги, читанные запоем и без разбора. Но однажды он спросил отца: «А куда все время плывут облака?» Оказалось, что жизнь неба таинственна, люди, покоряющие пятый океан, умны и дерзновенны, они, как и моряки, прокладывают путь по звездам, но они ближе к ним. Люди — птицы... И постепенно сплывались в мальчишеских думах парус и крылья.

Второй разворот.

Теперь облака плывут на планер. Рожденные морским бризом, горной вершиной или крестьянской пашней, все они разные, непохожие, как судьбы людей. И если у каждого человека есть своя звезда, то в облачке должна быть частица души пилота. Донсков помнит белое, мягкое, как пух бабьего лета, облако. К нему он запускал свой первый змей. С тем облаком уплыло детство. Потом приплыло синее облако. Он любовался им, подолгу ожидая, когда ветер вынет его из крутых прокоп-

ченных туч, ловил его в куржавой наледи Волги, терпеливо ждал, когда облако высветлится солнцем.

Он догнал синее облако в гондоле учебного аэростата. Догнал, не почувствовав свободы полета. Аэронавт — пленник неба, а не его хозяин. Нестись по воле воздушного потока, подниматься и опускаться по капризу температур, садиться там, где не хочешь, — незавидная доля. Но по молодости ему не положены были крылья, и помощником аэронавта он прилипал к тучам, травил газ из шара, уходя от молний к земле, сбрасывал балласт, чтобы с землей не столкнуться.

Третий разворот.

И вот смутное небо сороковых годов. Снились черные облака, замешанные на выплаканных слезах людей, мерещилась на лобовом стекле спираль прицела, узились глаза. Явь была прозаичней: неполных семнадцать! Значит, гонят тебя из военкомата, закрыты двери летных училищ — жди, жди, жди! Он не стал ждать, а приписал в метриках несколько месяцев. Получил штурвал и крылья, но без мотора.

Четвертый разворот.

Летчики смеются: «Курица — не птица, планерист — не летчик!» Или, скромно потупившись, загадывают, пряча усмешку: «Не летчик, а летает, не собака, а на привязи. Кто?» А старший лейтенант Костюхин на подметках сапог рисует изображение планера, таким образом попирая достоинство планеристов. И в чем-то они правы. Какой же ты пилот, если не по своей воле возносишься к облакам, если не от тебя зависит полет крылатого аппарата, если ты в вечном плену гравитации? Сможешь ли разить врага на беспомощном планере? Чем отличается планерист от аэронавта? Только выбором направления. А как его выбрать правильно?

Пора выравнивать планер.

Над ним, где-то в стратосфере, появились светящиеся облака. Легкие, как тени, они сгустятся, засветятся жемчужно-серебристым светом. «Из чего они состоят? — ломают головы ученые. — Из скопления космической пыли или частиц воды?» Пожалуй, из пыли метеоров. Многое, красивое и удивительное, создает вода. Радугу или море, например. Но красят море не только струи, играющие со светом, а и могучие волны. Серебристые облака имеют блеск металла, волны похожи на сви-

новые глыбы. И там, и там — крепь. Так и настоящий человек красив не лицом...

Беспорядочные мысли одолевали Донкова, но не мешали точно пилотировать планер. Приближались посадочные костры, Лизнуть бы поле прожектором, но по заданию нельзя. Донков потянул на себя штурвал и почувствовал касание земли. Импульсное торможение замедляло бег планера Легкий клевок — остановка. Пока подойдет трактор, есть время посидеть в кабине, посмотреть с аэродромной горы на город.

Немецкие стратеги планировали захватить Саратов 10 августа 1942 года и просчитались — сейчас сентябрь. С тринадцатого они штурмуют последний оборонительный обвод Сталинграда, рвутся в город. А Саратов громят с воздуха, пытаются разрушить мост через Волгу, перерезать артерии сталинградцам. Только не получается.

А город не спит. Где-то там, на Шелковичной улице, и его дом, мать, ждущая весточки с фронта, крошечная сестренка Майка. Отец почему-то долго не пишет. Где ты, папа?

Послышалось фырчание старого «фордзона». На этом тракторе, собранном курсантами из железного лома, фордзоновским был только капот, чудом не сгнивший на свалке. Но он давал право веселым планеристам часенюшко припевать:

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До ангара ты нас прокати...

Выбрасывая искры из выхлопной трубы, трактор пятился к планеру. Задняя фара пучком света уперлась в буксирный замок.

— Э-ге-ге-гей, Володька, вылазь, цепляй трос! — кричал дежурный «петруша» Корот.

Ночным полетом Владимира Донкова начались трехдневные соревнования планеристов. Мысль провести соревнования вместо инспекторского смотра подал Маркин. «Для предстоящей операции нам нужно отобрать всего несколько человек. По-настоящему лучших все-таки выявит соревнование, а не общий смотр, — сказал он. — При смотре мы видим только бойца, а здесь громко застучит сердце комсомолки, появятся задор и молодецкое упрямство!» С комиссаром согласился полковник

Стариков, и члены комиссии по проверке боевой подготовки превратились в спортивных судей.

Судьи знали дело и были необыкновенно придирчивы. Уже под утро закончились полеты на точность приземления грузеных планеров по кострам, и лейтенант Дулатов узнал, что никто из его группы не вошел в пятерку лидеров. Он прорвался в кабинет Маркина, хотел заявить протест, но его вежливо выставили в коридор, где он попался на глаза комсоргу школы, и тот дал прочитать ему только что принятое решение комитета:

«Комсомольцам, показавшим очень низкие результаты, предложить временно снять с гимнастеров значки Ленинского комсомола. Решение теряет силу, если отмеченные товарищи достигнут хороших результатов на следующем этапе соревнований».

По этому поводу экстренно выпущенная стенная газета «На бордаж!» приспустила траурный флаг с надписью: «Вы опять оскандалились, «корсары!» Правда, в отдельной заметке, подписанной всеми членами комсомольского бюро, выражалась надежда, что питомцы лейтенанта не подведут организацию при стрельбах из трофейного и старого оружия.

И вот песчаная осыпь обрыва Соколовой горы уставленная фанерными силуэтами немецких солдат. Из-под черных касок, похожих на ночные горшки, смотрят искаженные злобой рожи, а чуть выше полоски, изображающей ремень, — белый кружок мишени. В эти кружки нацелены стволы пулеметов.

— Огонь!

Не торопясь, деловито старшина Корот жмет гашетки «максима», и на осыпи, за черной каской фанерного солдата, вспухают и сразу опадают песчаные холмики. Стук пулемета, пламя на его рыльце, мерцающий след пулевой трассы всколыхнули память Короты. «Получай, сволочь! Глотай, поганый Выюн!» — шепчут его белые губы.

— Три! — кричит судья справа. Это значит — из пяти полновесных очков уже сняты два за длинную очередь. Судья слева молчит: он не увидел нарушений в изготовке к стрельбе. Зато из окопа перед мишенями поднимается щит, на котором сиротливо чернеет единичка. Всего одно поражение цели!

Корот встает сначала на колени и, чуть повернув на-

литую кровью шею, прикрывая рыжими ресницами виватинку в глазах, исподтишка смотрит на Дулатова, нервно вышагивающего за линией подготовки. Дулатов демонстративно отворачивается и долго рассматривает город, задернутый прозрачным маревом.

— Дук-дук-дук, — стучит «гочкис» в руках Бориса Романовского. Из середины мишени летит щепка. Простым глазом видны пробоины на темной фанере.

— В пупок! — восторженно кричит стрелок и испуганно зажимает рот ладонью. Но поздно. Несмотря на снайперскую стрельбу, судьи снимают с Романовского пять баллов за плохую дисциплину.

У Владимира Донскова на огневом рубеже заел немецкий МГ-34.

— Устранить неисправность! — приказывает судья.

Всего четыре движения руками. Носовой платок скользит по вынутому затвору. Просматривается гнездо. Причина найдена: затвор упирался в камешек, попавший туда, конечно, «случайно». Судьи довольно улыбаются и за быстрое устранение задержки добавляют четыре очка призовых. Не пропадают у них улыбки и после стрельбы.

Когда отстрелялись из «виккерса» и отечественного ПТР по силуэту танка, лейтенант Дулатов уже не бегал и не кусал ногти. На лице появилось и застыло до конца стрельб независимое выражение: дескать, знай наших!

«Корсары» по сумме очков уже подпирали «чкаловцев» — лидеров соревнования. И тем досаднее был «ноль», полученный Коротом и Донсковым на гонке преследования.

Корот на большой скорости вел «хорьх», а Донсков должен был из окна автомашины поразить автоматным огнем появляющиеся мишени. Трасса «преследования» извивалась по берегу Волги. «Хорьх» то буксовал в мокром песке, то резал колесами воду мелких заливчиков и поднимал фонтаны брызг. Донсков трясся на заднем сиденье, сжимая в руках взведенный ППШ. Он до боли в глазах всматривался в пролетающие за бортом кусты; кусты прыгали вверх и вниз, сливались в сплошную серую ленту, разрывались, и тогда мелькали желтые куски обрывистого берега.

— Не гони, — попросил Донсков.

— Скорость заданная! — возразил Корот, но все-таки немного сбросил газ, и Донсков увидел над кустом бересклета белый щит. Он высунул ажурный ствол автомата из окна, сблизил пляшущую мушку с белым пятном, и тут брызги из-под колес хлестнули по лицу. Автомат ойкнул одиночным выстрелом и замолк. Зато уж Донсков отвел душу на сконфуженном Короте.

К следующим мишеням Корот подвел автомашину почти вплотную, рискуя выворотить колеса на береговых каменных увалах. Но наблюдающие разгадали уловку экипажа и показали мишени всего на две-три секунды. Автоматные пули срезали только несколько веточек.

— Мазила! — пробасил Корот и смачно сплюнул за борт.

Последняя надежда вырваться вперед оставалась в многоборье, которое начал юркий маленький курсант по прозвищу Муха. Он преодолел штурмовую полосу быстрее всех. Чувствуя за спиной дыхание длинноногого верзила, казалось, готов был выпрыгнуть из обмундирования. Верзила уже настигал. Малыша выручил бум: «дите» свалилось с бревна, видно, ушиблось и безнадежно отстало. Муха, истратив силы, не мог перемахнуть яму с водой. Он спрыгнул в нее, ткнувшись руками в донный ил, на коленях выполз и мокрый, весь в желтой глине, но с улыбкой до ушей, хлопнул по плечу дежурившего у ямы Короты.

С винтовкой наперевес Корот рванулся к подвешенным чучелам. Два проткнул штыком, а третье долбанул прикладом так, что оно сорвалось с веревки. И опять с губ слетело имя «Вьюн!», перемешанное с ругательствами. Корот огромными прыжками проскакал стометровку, чуть не свалил Донскова, сидевшего у развернутой полевой радиостанции, выпалил:

— Третья плита. Сюрприз. Толовые шашки. Вопредел, бисова мать!

Донсков мягко положил руку на телеграфный ключ, и слова Короты, кроме последних трех, полетели в эфир в виде точек и тире.

За двадцать километров от аэродрома, на берегу реки Курдюм, радиogramму принял сам лейтенант Дулатов и приказал Романовскому:

— Найти плиту номер три. Подорвать толовым зарядом. Внимание — сюрприз!

Борис Романовский взял сумку с толом, на карте нашел ориентир № 3, по стрелке ручного компаса определил направление. Он бежал через тальник, потом пересек поляну, заросшую серой колючкой, и у старого пня нашел плиту. Сел на пень отдышаться. Отдувался и приглядывался, что же за сюрприз?

Между двух квадратных железобетонных пластин зажат стальной лист трехмиллиметровой толщины. Комбинированная плита не лежит, а стоит, подвигнутая куском водопроводной трубы. Значит, заряд должен быть подвесной. Романовский на глаз определил толщину железобетонных пластин, кроме того, учел и маленькую хитрость готовивших «сюрприз»: между пластинами и стальным листом оставлен зазор. Если рассчитать заряд на плотное прилегание, то после взрыва одна из пластин отпадет, но останется целой.

Через несколько минут бруски тола, прикрученные бечевою, плотно прилипли к центру плиты. Романовский достал из кармана медный детонатор и моток бикфордова шнура.

Из кустов ивняка вышел младший лейтенант-сапер, приглашенный в судьи от десантников.

— Не торопитесь! — Он проверил заряд, заглянул в записную книжку, благосклонно кивнул: — Расчет вы произвели в уме? Молодец! Рвите!

После взрыва «сюрприз» лежал на земле с приличной дыркой.

Эстафета продвинула группу лейтенанта Дулатова на второе место. Финал личного первенства в борьбе без оружия проводился в спортивном зале. Немногочисленные зрители из курсантов, окончивших соревнования, расположились вокруг мат-ковра. На низкой скамеечке у шведской стенки стояли кубки: серебряный и синий, с Гербом Советского Союза на эмалированном боку. Этот приз учредил комитет комсомола.

На ковер вышли давние соперники — Корот и Донсков. Судил схватку их тренер, старший лейтенант Костюхин. Заложив руки за спину, он ходил около мат-ковра. Вот он поднял руку и щелкнул пальцами.

Борцы сошлись на середине ковра и пожали друг друга руки.

— Начали! — Костюхин поправил на шее шнурок со свистком.

Напряженные руки Донскова и Короты сплелись...

В самый разгар борьбы в зал вошли полковник Стариков и Маркин. Они уселись на скамейку под шведской стенкой и тихо продолжали какой-то ранее начатый разговор.

— Очко! — выкрикнул Костюхин, показывая на Короты. Борец за удачно выполненный бросок через бедро получил очко, и возглас судьи вызвал на его широком красном лице торжествующую улыбку. Он не успел прижать к коврику вскочившего Донскова и теперь старался захватить его в замок сильных рук. Корот шел на противника, согнув спину, растопырив длинные руки. Спокойные до равнодушия глаза Донскова ему не нравились. Сколько раз прежде он не успевал предупредить молниеносного действия и оказывался побежденным. Короту всегда не хватало доли секунды, и поражение от физически более слабого противника вызывало горькую досаду.

Сегодня Донсков проигрывал. Приход Старикова и Маркина обострил схватку. Хотя объятия Донскова и причиняли Короту боль, он упорно шел на захваты, стараясь навязать силовую борьбу. В тренировочных схватках разрешалось все, кроме приемов джиу-джитсу и каратэ, наносящих мгновенно травмы.

Вот Корот все же поймал мелькнувший зайчик в серых глазах противника и опередил его. Левую руку Донскова, скользнувшую к предплечью, перехватили крючковатые пальцы Короты, удачно вывернули, и с криком «га!» он всем корпусом рванул ее вниз. Донсков грудью ударился о ковер, судорожно разбросал в стороны ноги.

В спортзале повисла тишина. Прекратили разговор и подошли к борцам Стариков с Маркиным. Над борющимися склонился судья Костюхин, наблюдая за дальнейшей проводкой болевого приема.

Корот крутил руку. На ее вздутых мышцах проступили узлы сухожилий, вспухли темные вены. Как стрелка секундомера, подрагивали напряженно раскинутые ноги.

— Сдавайся, Вовка! — выдохнул Корот.

Донсков повернул к нему лицо, и столько боли и злости выразил его взгляд, что Корот промычал от досады и сильнее нажал на руку соперника.

Вывернутая рука Донскова, сбалансированная от-

чаянным противодействием мышц, замерла в одном положении. Казалось, еще немного — и Корот выломает кисть из локтевого сустава. Маркин шагнул к коврику, но полковник Стариков предупредил:

— Минутку! Есть судья.

А Костюхин не торопился останавливать схватку, как борец он почти физически ощущал адскую боль Донскова.

Донсков молчал. Время шло. Костюхин не объявлял победителя, ждал, когда побежденный застучит ногой по коврику, признавая свое поражение. Корот сцепился глазами с противником, липкие потеки пота ползли у того по бурным щекам. Более тридцати курсантов Корот играючи положил или заставил сдаться и боялся встречи только с этим. И вот победа. Явная победа. Это слово должен сказать судья. Корот взглянул на Костюхина. Тот моргнул: «Дави!» Корот удивленно смотрел на него, ослабляя нажим. Донсков быстро выгнул спину, подобрал под себя колени, спружинил правую ногу. Корот напряг мышцы. Но было поздно: Донсков оттолкнулся. Ступни, затянутые в белые тапочки, взвились в воздух. Крутнувшись на голове, он перевернулся, встал на колени, пойманная на прием рука соперника оказалась у него на груди. Ребром правой ладони он сильно ударил по напряженному плечевому бугру Короты, и тот на миг расслабился. Этого было достаточно, чтобы Донсков вскочил, вскинул его руку на свое плечо, и грузное тело Короты поднялось в воздух. Классический бросок через плечо, если бы... если бы Донсков не сделал преднамеренный шаг в сторону. Совсем маленький шаг. Почти незаметно он развернулся и сошел с ковра. Брошенный Корот упал не на мягкий мат, а ударился о деревянный пол, крикнул. Костюхин бестолково метался около лежащего курсанта.

Маркин послал кого-то за врачом, отчужденно посмотрел на понурившегося Донскова, на его руку, висевшую плетью, и пошел к выходу. За ним полковник Стариков, укоризненно покачивая головой.

— Нарочно ударил об пол? — не то спросил, не то пояснил он Маркину.

— С Костюхиным придется серьезно поговорить... Старший лейтенант, прошу ко мне!

Костюхин подошел.

— Вам не кажется, что схватку надо было прекратить раньше?

— Я выполнял задачу, поставленную вами, товарищ комиссар. В поединке рождался чемпион. Спортивный термин мы получили от англичан. Чехов считал слово «чемпион» неприятным, новомодным; на самом деле слово очень древнее, происшедшее от латинского «компио», что означает «воин, боец, гладиатор». Гладиатор!.. О каком же конце схватки могла идти речь, если не было убедительной победы? А шишки заживут.

— Вы оценили эрудицию старшего лейтенанта, товарищ полковник? — обратился Маркин к Старикову.

— Я думаю, вечером он продолжит нам лекцию. Пока свободны, старший лейтенант!

Они пошли на стрельбище, откуда слышались короткие, в два-три патрона автоматные очереди. Курсанты сэкономили патроны и вырабатывали «десантный почерк», по которому должны были узнать друг друга в ночном бою.

К вечеру стало известно, что при прыжках с парашютом на точность приземления первое место занял Борис Романовский. Он затянул открытие купола на шестнадцать секунд и опустился точно в центр контрольного круга.

— Ты понимаешь! — теребил он лежавшего на кровати Донскова. — Понимаешь, как все получилось? Летчик сказал: «Приготовиться!» Я вылез на крыло. А он рано дал команду. Очень рано, понимаешь? Летим и летим. Сколько, думаю, я буду торчать дураком над пропастью? Да и холодно. И махнул вниз. Услышал, как летчик крикнул: «Рано сиганул, раскоряка. За аэродром унесет!» Кольцо дернуть охота, поскорее раскрыть зонтик, да мешает мыслища, что наполнится парус ветром, улечу за границу аэродрома, засмеют ребята и группу подведу. Пока думал, смотрю, а земля уже по лбу хлопнуть хочет. Дернул кольцо! Шарик тут как тут, под ногами! И врезал я в круг пятками, аж пыль столбом!

— С закрытыми глазами, — глухо сказал Донсков.

— Малость с закрытыми, — вздохнув, подтвердил Романовский. — А приз вот... жетон. Первое место.

Донсков лежал, уткнувшись лицом в подушку.

ПРАВО НА РИСК

Циклон повесил над Саратовом черные, тяжелые тучи. Они набухали и с треском рвались над городом. Вода безостановочно лилась с неба, косо и жестко била в стены домов, бурлила в оврагах и дорожных выбоинах. В середине дня в кабинете батальонного комиссара Маркина царил полумрак. Полковник Стариков поднялся из кресла, включил освещение. Лица командиров, сидевших в комнате, посветлели и будто повеселели. Полковник улыбнулся:

— Ну, в конце концов мы придем к решению? Ведь для выполнения задания нужно всего шесть человек! Сидим час. Может, все-таки назовёте людей, капитан Березовский?

— Я уже говорил. Курсанты полностью не закончили программу и к выполнению боевых полетов не совсем готовы. Посылать — крайний риск.

— Уж очень мрачно.

— Вы спрашиваете, товарищ полковник, я отвечаю. Если будет приказ...

Приказ был: послать через линию фронта аэропоезда с боеприпасами и продовольствием для обеспечения предстоящего рейда по немецким тылам партизанского соединения генерала Ковпака. Для выделения лучших экипажей на совещание пригласили всех командиров планерной школы, и здесь полковник Стариков встретил неожиданное противодействие командира отряда Березовского. Тот предлагал послать не курсантов, а командиров. Но в приказе командования подчеркивалось: чтобы не срывать дальнейший ход боевой подготовки в авиашколе, к полету допустить только одного командира. Стариков не хотел грубо нажимать, надеясь на поддержку комиссара Маркина, временно замещавшего начальника школы, но комиссар пока молчал.

— Считайте, что приказ у вас в руках, капитан Березовский. Выделяйте людей! — с легким раздражением приказал Стариков и опустился в кресло, всем видом показывая, что совещательная часть окончена. Он с минуту мрачновато разглядывал командиров, пока не увидел поднявшегося со стула лейтенанта Дулатова. Поощрительно улыбнулся ему.

— Если уж решено, берите мою группу! — сказал лейтенант. — Товарищ комиссар как-то говорил о воспитании в курсанте желания к риску, так многим моим ребятам приказывать не надо, они пойдут на любое задание с удовольствием, не жалея жизни.

— Умереть, Дулатов, иногда легче, чем выполнить приказ, — негромко произнес Маркин. — А нам нужно выполнить. Желание риска — далеко не все. У ваших курсантов нет главного: права на риск! Да, да, права! Когда командир вызывает бойцов на опасное задание, бывает, весь строй делает шаг вперед, но командир отбирает только имеющих право на риск. Не каждого отчаянного, храброго можно послать на серьезное задание, а только того, в ком с отвагой уживаются и другие качества, позволяющие верить, что человек успешно выполнит приказ. В отношении ваших курсантов, Дулатов, лично у меня такой уверенности пока нет... Но мы найдем людей. Завтра, товарищ полковник, шесть пилотов будут готовы. Фамилии капитан Березовский сообщит вам вечером. Так, Антон Антонович?

— Хорошо. Только ведущим группы...

— Конечно, пойдете вы, — прервал его Маркин. — А лейтенант Дулатов повезет курсантов в колхоз «Красная новь». Можете селянам, у них рук не хватает. А через час на вокзал придет эшелон с ранеными из Сталинграда — тоже поможете санитарам...

Вечером он вызвал в кабинет курсанта Донского.

— Здравствуй, Владимир, садись. Секретарь парт-организации части, где служил твой отец, прислал письмо. Для тебя... Конверт один, извини, я прочитал. На.

«Парень крепкий, — думал Маркин, пока Донсков читал. — Держись, сынок, держись! Труднее будет матери. Ее нужно подготовить. Кто это сделает? Я? Может быть, сам Владимир? Нет, я не могу, не имею права уйти от этого. Сколько мы с ней знакомы? Те годы нужно брать один за три! Жизнь не кормила ее с ложечки...»

С родителями Владимира комиссар был не просто знаком. Он немало прошел с ними по жизни. В девятнадцатом году к нему, молодому секретарю укома РКСМ, пришла девчонка. Он сравнил ее тогда с бледнокожей осинкой, выбросившей под весеннее солнце первые робкие листочки. И этой худенькой зеленоглазой комсомолочке в четырнадцати деревнях Саратовской губернии

пришлось организовать начальные школы. В одной из них она сама стала учительницей. Первый год больше плакала, чем учила. Маркину приходилось не раз ее утешать, вытирать нос, уверять, что шестнадцать лет — самый зрелый возраст для учителя. И, наверное, для нее это было правдой. Через год она организовала в селе Ковыловке комсомольскую ячейку, драмкружок. Под лозунгом «Долой религию!» комсомольцы играли даже классические пьесы. После одного из спектаклей ее прямо из-за кулис украли кулаки, завернули в тулуп, бросили в сани, вывезли за село и зверски избили палками.

Лежа в больнице, она еще не знала, что в стране начали создаваться пионерские организации. Выздоровела, и Маркин, давая возможность девушке больше набраться сил, послал ее инструктором бюро юных пионеров при Аткарском волкоме комсомола. Председателем уездного бюро был молодой кандидат партии Максим Донсков, поджарый, носатый, горячий и упрямый парень. Прошло совсем немного времени, и он сказал девушке: «Ты знаешь, Стася, я жениться собираюсь. Хочешь знать на ком? На тебе. Даю срок до утра. Подумай!»

Не люб он был тогда, и сбежала Анастасия от греха подальше, в Саратов. Только нашел ее Максим и здесь. Шалый и твердый в своих решениях был. Горькой жизни хлебнул вдоволь. Семилетним парнишкой батрачил у кулака погонщиком лошадей. Растирал ягодицы в кровь, заживать не успевало. А в четырнадцать лет пристал к отряду Красной Армии, добывающему антоновцев. Пока не дали клинок и коня, ходил в разведку с уздечкой, в рваном зипуне, в лаптях. Потом признавался: «Тяжко было. Сяду, бывало, на курганчике, подальше от темного леса, жую ржаной ломоть и плачу. Страшно идти в лес, а иду.»

Так вот, разыскал все-таки Максим Анастасию в Саратове и уговорил Маркина перевести его из Аткарска. Работал здорово и находил время ухаживать за «белокожей осинкой». Не раз прикрывал ее широченной грудью. Вместе проводили в губернии «первую большевистскую весну». В селе Романовке кулаки подпалили дом, в котором они остановились, — вышли из огня; в половодье пересекали они на конях речку, свистнули пули, упал каурый под Анастасией — жеребец Максима вынес обоих; по за-

данию партии ликвидировали городскую буржуазию, и в одном из домов Глебучева оврага жена торгаша взмахнула у горла Анастасии бритвой — разъяренную ведьму вовремя схватил за руку Максим.

И стала Стася Анастасией Николаевной Донсковой. Вскоре родился сын. Как назвать малыша, вопрос не стоял. Только Владимиром. В честь Ленина.

Маркин смотрел на дочитывающего письмо юношу и думал: «Очень похож на отца. Горяч и своенравен. Сейчас, сейчас он задаст вопрос, попросит. Как в этих случаях отказывают, что говорят?»

— Товарищ комиссар, разрешите мне прочитать часть письма вслух?

— Я знаком с содержанием, Володя.

— Слушайте, товарищ комиссар, слушайте... «Ничего не подозревая, разошлись по заданиям. В это время начался бой. Все вокруг горело. Я с небольшой группой бойцов и командиров вышел из боя и нашел часть на второй день. Ожидал Максима, но его нет и нет. Переспросил многих людей. Один, старший сержант Теленков, говорит, что они вместе выходили из боя, но потом потерялись. Съездить на второй день нельзя было никак. Наш начальник Киселев, тяжелораненый, лежал в окопе, слышал, как немцы расстреливали наших.

Скоро будет освобождена территория...» — Слушайте, товарищ комиссар!.. — «Там деревни есть — Федоровка и Михайловка, вот между ними и в самой Федоровке было. В пяти километрах есть Куроедовка и Степановка, в двадцати семи километрах от Федоровки есть Перелесная». Слушайте, товарищ комиссар... — «Не исключена возможность, что Максим спасся и в партизанском отряде...» — Вы понимаете меня? Вы понимаете, товарищ комиссар?

— Да, Володя, планерная группа летит в те районы, но ты останешься пока. Пока! Дойдет черед. Просить не надо. Приказы не обсуждаются. Поверь, твой отец сказал бы так же. Давай не будем больше рассуждать... Иди. Передай привет маме. Если нужна какая помощь...

— Единственную просьбу вы и то не дали высказать... А всегда говорили, что прежде всего надо быть человеком.

— Иди, сынок... Скажи Березовскому, что я разрешил отпустить тебя домой. К подъему вернешься. Иди.

Лицо матери старело на глазах, и пальцы державшие листочек, мелко-мелко дрожали. Она тяжело вздохнула, подняла голову. На виске вздулся темный бугорок и бился, как маленькое сердце. Медленно, аккуратно сложила письмо, вложила в конверт.

— Ты веришь?

Тихий твердый голос. Широкие сухие до блеска зрачки. Упавшая на лоб влажная прядь. И морщинки, глубокие морщинки у губ, невесть когда заползшие на еще молодое лицо.

— Нет! — сказал Владимир и отвел глаза. — Папа в партизанском отряде. Примерно в те места летят наши ребята. Меня не взяли.

— Я знаю. На бюро райкома обсуждались кое-какие вопросы партийно-политического обеспечения вашей части.

— Инструктор говорит, что я не имею права... на риск. Вроде так на совещании сказал комиссар. — Владимир наблюдал за матерью. Она поднялась, подошла к комоду и в один из ящиков положила письмо. Облокотившись о выдвинутый ящик, застыла, глядя в стену.

— Мне звонил Маркин по поводу твоей просьбы, Вова. Я одобряю их решение.

— Понимаю. Боишься потерять сына! Пусть он лучше копает картошку!

— Нет! — Она повернулась к нему. — Ты не так понимаешь. — И, словно порыв обессилел ее, тяжело шагнула и снова села за стол. — Ты хоть раз пробовал посмотреть на себя со стороны? Хотя бы после случая с твоим товарищем Коротом?

— И об этом рассказали.

— И еще о многом. Горячность, себялюбие я замечала в тебе и раньше, а вот подлость... извини, сынок, но твой поступок с Коротом мягче назвать нельзя...

— Он тоже вынимал из меня душу.

— ... Подлости от тебя я не ждала.

— Я извинился.

— Если посмотреть на твои художества, то выходит — командиры правы. Сколько наших друзей застрелены из бандитских обрезов, растерзаны озверевшим ку-

лачем. В списках ячейки отмечали: «Выбыл». И на место погибшего мог стать далеко не каждый. Право на риск... громко, но верно сказано, надо заслужить. У отца тоже была горячая голова, но он умел управлять ею. Не позорь нас, сынок.

— Хорошо, мама! — Владимир в необычном возбуждении расхаживал вокруг стола. — Ты говоришь — отец! Но отец... да мы знаем и других людей, которые героически погибли в первом полете, в первой атаке, совершили подвиг. Их имена стали историческими, а читаешь биографии, и ничего особенного они при жизни не сделали и были далеко не паньками!

— Такие народу не знакомы! И читаешь ты плохо. Те, кто обессмертил себя, с обыкновенными биографиями, сумели раскрыть свои качества в последний момент, и этот момент был подготовлен всей их жизнью.

— Чкалов был воздушным хулиганом!

— Пока не научился подчинять волю делу.

— Ты изрекаешь истины, мама, как комиссар Маркин. Не называется ли это проповедью?

— Мы с комиссаром члены одной партии, у нас одна правда, сынок. Я устала. Давай отложим разговор. До какого часа у тебя увольнение?

— Утром должен явиться.

— Тебе не трудно будет сходить за Майюшей в детсад? Возьмем ее чуть пораньше. А я приготовлю что-нибудь. Блинчики будешь?

Над Саратовом продолжали виснуть черные тучи. Земля, разжиженная осенним дождем, липла к ногам. Владимир шел напролом через лужи и мутные ручьи, неся на руках завернутую в шинель сестренку. Открыв дверь, они почувствовали запах гари. В кухне стоял чад. На сковородке обугливалось тесто. Мать сидела за столом, смотрела и словно не видела вошедших. Рядом, под стулом, колыхался от сквозняка чуть помятый листочек. Это было уже официальное сообщение о судьбе старшего политрука Максима Борисовича Донскова.

Над городом катился гул. Несмотря на непогоду, шесть аэропоездов в строю «клин» уходили на аэродромы «подскока», чтобы оттуда отправиться на боевое задание.

НАШ КАПИТАН

ПОДГОТОВКА

Взлет группы гвардии капитана Березовского задержался на четыре часа. Время было так круто замешано работой, что пролетело незаметно для тех, кто лично не отвечал за срок вылета. А полковник Стариков нервничал, с трудом держал себя в руках. Два часа опоздания он мысленно повесил на совесть капитана, остальные сто двадцать минут украли пять скоростных бомбардировщиков СБ и самолет-разведчик Р-5, собранные из разных воинских частей и из-за плохой погоды прилетевшие не вовремя. Их бы сразу «запрячь», прицепить к хвостам планеры...

Но капитан Березовский посмотрел на прикомандированные самолеты и покачал головой: животы грязные, бока фюзеляжей забрызганы маслом, масло и на фонарях пилотских кабин!

— Отдранть до блеска!

После мойки сам опробовал все моторы. СБ, три из них заставил механиков регулировать. А вокруг Р-5 долго ходил, присматривался, ковырял заплаточки на перкалевой обтяжке.

— Я его облетаю.

— Нужно ли, капитан? — нетерпеливо спросил Стариков.

— Не нравится он мне, товарищ полковник.

— Выбирать не из чего, больше машин не дадут. Время, время нас режет! Но я понимаю... Только поскорее, пожалуйста!

Стариков поднял воротник шинели, закрывая приболевшее горло от косого ветра, несшего холодный бисер дождя, отошел под крыло СБ и взглядом угрюмо провожал Березовского, бежавшего к самолету. Там, где ботинки капитана попадали в лужу, на миг вырастал жидкий грязный фонтан.

Уже вскарабкавшись на крыло, Березовский что-то закричал механику, указав пальцем на ровную шеренгу трубчатых барабанов с намотанными на них буксировочными тросами. Механик засвистел, замахал руками, подзывая к себе людей.

Полковник Стариков видел из-под крыла, что все на аэродроме не ходят — бегают, без лишней суеты, но и стрелка его ручного хронометра, казалось, скакала как сумасшедшая — ведь назначенный штабом срок вылета давно прошел! Его познабливало, горло саднило, будто оцарапанное где-то внутри. Он уже решил было пойти в столовую, прополоскать его горячим чаем, а заодно и решительно доложить Москве о задержке полета еще на час-полтора, но увидел спешащего к нему инженера и остался на месте, поживаясь под шинелью.

В это время маленький сухонький Березовский провалился в кабину Р-5, была видна только макушка коричневого шлема. Потом голова вынырнула — видно, приподнял сиденье, — и сразу мотор ожил, воздушной струей, полной мельчайшей грязи, окатил механиков, возившихся с тросами.

— Товарищ полковник, командир отряда приказал размотать тросы для осмотра! — доложил запыхавшийся инженер.

— Ну и выполняйте.

— Шесть тросов по сто метров каждый! Хочет осмотреть лично. После того, как он сядет, даже на беглый контроль уйдет около часа. Тросы новые, их проверил завскладом Мессижник. Потом их нужно будет и скатать...

— Отставить размотку!

— Есть! Пре-кра-тить! — закричал инженер и, вытирая под пилоткой мокрый лоб куском ветоши, стал следить за взлетающим командиром: —...Выжимает слезу из движуна!

Самолет лез в небо на повышенных оборотах мотора. И на горизонтали продолжал реветь. Когда, заканчивая круг, он пролетел над крышей ангара, ангар взорвался басовыми звуками, как пустая бочка от ударов кувалдой. Полковник Стариков не был авиатором, но и он почувствовал, что летчик чересчур форсирует мотор. Спросил об этом инженера.

— Имитирует режим набора с тяжело груженным планером, — ответил тот.

Но вот самолет качнулся на левое крыло, двигатель перешел на шепот, и Р-5 со снижением заскользил к месту, где рядом стояли барабаны и около них покури-

вали уставшие, мокрые механики. Почти задевая землю колесами, самолет взревел около них, из кабины высунулся Березовский и погрозил кулаком.

Сразу же барабаны, подталкиваемые жилистыми руками, покатались по земле, оставляя за собой, между двух вдавленных в грунт полосок, серые толстые нитки тросов.

— Повторите им команду: прекратить! — сказал полковник.

— Теперь они капитана не слушаются, а вы для них посторонний командир, — скучно ответил инженер.

— А вы?

— Я тоже вам непосредственно не подчинен. — Инженер с сожалением посмотрел на крыло, прикрывающее от дождя, и пошел к механикам.

Как-то неожиданно для задумавшегося Старикова рядом появился комиссар Маркин. Стариков машинально протянул ему руку, хотя сегодня они уже несколько раз виделись.

— Федор Михайлович, я от радистов. Штаб просит уточнить время вылета. Что сообщим?

— А как метеорологи?

— Мнутся, но дают проходную погоду по всему маршруту... Так чем мотивируем опоздание?

Стариков резко ткнул пальцем в небо:

— Спросите у своего тянучки-капитана!

— Федор Михайлович... первый боевой, опыта в организации никакого, вот и не учли кое-что.

— Тянет капитан резину. Не пойму зачем? Ведь от полета не отвертится все равно. А с каждой минутой тучи над нашими головами сгущаются и может грянуть гром!

— Не верю, что и к своей голове Березовский равнодушен. Зря делать он ничего не будет.

Маркин постоял немного и пошел навстречу уже севшему и бегущему по лужам к стоянке самолету.

Перекинув ноги в голубых обмотках через борт кабины, Березовский легко соскочил с крыла на землю.

— Этот самолет бракую! — крикнул он Маркину и, стащив с головы мокрый шлем, вдруг шмякнул его вместе с очками о землю: — Дают дерьмо! Ведь приказано лучшие самолеты отрядить! А этот? Пустой идет на предельной температуре воды! Как же он потянет

набитый по горло планер? Через полсотни верст мотор перегреется, и летчик бросит планериста! Пусть забирают свое барахло и возят на нем арбузы с бахчи!

— Спокойно, капитан.

— Вот именно! — с трудом разжимая пересохшие губы, сказал подошедший Стариков. — Без эмоций и грубостей! Напоминаю еще раз: запасных машин нет!

— Тогда только пять самолетов пойдут в рейс.

Сизое лицо Старикова словно окаменело. Он смотрел на ставшего для него прозрачным Березовского. И голое капитана доносилось будто из-за плотной ширмы:

— Я этот самолет из группы исключаю, товарищ полковник.

Нереальный голос. Не могли быть эти слова сказаны ему, представителю центрального штаба, капитаном.

— Вы? Вы исключаете? Не-ет! Об этом подумает другой, а вас я накажу! Кто позволил срывать задание?

Березовский как-то неловко затоптался на месте, поднял шлем с земли, начал его обтирать рукавом куртки.

— Другой, о котором вы сказали, товарищ полковник, тоже не минует наказания. Зная о неисправности самолета, он поднимет аэросцепку в воздух и потеряет ее далеко от цели. Это будет уже преднамеренное и преступное действие...

— Зачем приказали размотать троса с барабанов?

— Проходя мимо, увидел на одном несколько лопнувших ниток.

— Их больше сотни в пучке!

— По инструкции не положено, товарищ полковник.

Стариков неприязненно смотрел в усталые глаза капитана. Пристально смотрел, желая понять, кто же перед ним стоит. Капитан выдержал взгляд. Тогда Стариков резко повернулся и пошел со стоянки, медленно переставляя ноги в забрызганных грязью высоких сапогах.

Комиссар Маркин что-то хотел сказать Березовскому, но только махнул рукой и двинулся за полковником. Березовский остановил его:

— Вадим Ильич!

— Ну?

— Прикажете обмундировать ребят в новое... ведь в первый бой, как на праздник! — И уже вслед Маркину: — Сапоги, сапоги не забудьте, в обмоточках туда лететь нельзя!

Догнал и, пристроившись к Старикову, Маркин зашагал с ним в ногу.

— Боюсь даже говорить с Москвой, комиссар.

— Давайте я, от своего имени?

— Ну, это брось, Вадим Ильич!.. Сколько твой Березовский в капитанском звании ходит?

— Кажется, в сороковом получил.

— Ты вот что... выделяй-ка вместо полудохлого Рпятого свою машину. Формальности утрясу потом... Как только приедет начальник школы из командировки, пишите на Березовского аттестацию. По возвращении майором порадуете.

С ФРОНТОВОГО АЭРОДРОМА

Небо капитан Березовский обжил давно. Он изучил его повадки еще до войны, работая инструктором в летном училище.

В июне сорок первого штурмовал на истребителе И-16, «ишачке», колонны войск вермахта, нагло переползшие на нашу землю. Прикрывал тяжелые тихоходные бомбардировщики ТБ-3, по которым немцы стреляли не спеша, будто в учебные мишени, и жгли жгли. Березовский сражался как мог, защищая товарищей. Вот тогда и всадил немецкий ас очередь в его истребитель. В предсмертной ноте захлебнулся мотор «ишака». Две пули пробили левую руку пилота, царапнули кость.

Березовский выпрыгнул, свернулся в комок, падал почти до земли, провожаемый посвистом пуль. Раскрыл парашют и сразу спружинил на сильных кривоватых ногах. Купол белой горкой опал за спиной. Немецкий пилот не отстал, на трех заходах вгонял маленькую фигурку человека в паутину прицела и не скупясь опустошал зарядные ящики. Он ковырял землю вокруг Березовского, осыпал тлеющими дырками в двух местах купол, а капитан стоял, расставив широко ноги. Потрясая кулаком здоровой руки, он зло ругался: «Мазила! Вот тебе, рыжий!..»

Левую руку подлечили, только теперь она плохо справлялась с сектором газа боевой машины, и пришлось перейти на планеры, где мотора нет.

Березовский, выжив сам, теперь еще поднял в небо и новую поросль пилотов. Вот они, плывут справа и

слева от него, и носы планеров окрашены багрянцем заката.

Есть здесь и девушки. Четыре.

В каждом планере гамак. Он закреплен под потолком грузовой кабины. Обыкновенный гамак, какой растягивают отдыхающие между деревьев и наслаждаются, покачиваясь в нем. Качается он и в планере, как мягкая подушка для запалов, коробочек с детонаторами, серых кубиков двойного меленита — вещества огромной взрывчатой силы, — запрятанных в фанерный ящик. Все это злое добро переложено грязной ватой из старых солдатских тюфяков и укутано в брезентовый чехол. А в чехле вырезано маленькое отверстие, из него торчит кусок покрашенной в черное парашютной стропы с толстым рыболовным крючком на конце. Может быть, сомов пригодились удить планеристы?

Пилоты думали о капризной взрывчатке в гамаках, когда взлетали, когда планер подпрыгивал на неровном поле лугового аэродрома и гамак раскачивался и пружинил в такт рывкам и толчкам. Не у одного, наверное, «екнула селезенка».

Теперь с землей простившись, думали, как с ней встретятся.

Озабочен капитан Березовский, белесые брови сошлись на переносице, — не все, ох, далеко не все продумано в операции. Из-за нехватки времени и опыта упущены мельчайшие детали, они теперь всплывают в уме и тревожат. Ему не нравится плотный журавлиный строй аэропоездов. Пара ночных истребителей легко может прочесать пулеметно-пушечным огнем громоздкий треугольник. Наделает непоправимых бед и зенитный взрыв в середине группы. Не нравятся включенные летчиками огни на консолях крыльев, хотя они тусклые, приглушены тонким слоем краски на стеклах, но с земли их не спутаешь со звездами — они плывут по небу, как мишень для зенитчиков. Скученность концентрирует и звуковой накат самолетных моторов...

Ворчит капитан, дудит что-то себе под нос.

Аэропоезда прошли линию фронта в сгустившейся тьме. Уж более двухсот километров неба искромсали самолетные винты. Внизу ни огонька, ни светового всплеска. Цель торопилась навстречу. Приближаясь, она туже и туже натягивала нервы.

Карта с проложенным маршрутом из планеристов была только у Березовского, у остальных крупномасштабные листы района посадки. Он включил подсветку, сличал еле видимые серые ориентиры на земле с картой, но определить не мог и с досадой захлопнул планшет. Слава богу, что по времени пролетели и обошли стороной самые опасные места: вражеские аэродромы, города и села с мощными зенитными поясами. Под крыльями текла черная масса леса, а сверху — россыпь ярких звезд.

Казалось, все страшное позади. Теперь только увидеть костровые знаки на земле в виде правильного круга, отцепиться и заскользить к ним в свободном полете. Планеры разойдутся веером, медленно теряя высоту, пролетят в безмолвии оставшиеся до партизанской площадки километры, построят над ней «коробочку» и бесшумно скатятся по невидимой наклонной к земле.

И все-таки Березовский не верил в миролюбие этой ночи. Ведь почти половину пути они пролетели при полной луне. Смотреть с земли на желтое небо, то же, что заглядывать с улицы в окно освещенной квартиры. Кто знает, сколько настороженных и злых глаз проводило клин аэропоездов? Сколько торопливых рук потянулось к телефонам и ключам радиостанций? Кто знает...

Березовский одернул себя: «Ты битый, вот тебе и мерщится всякая чертовщина!» Посмотрел на часы с фосфоресцирующим циферблатом — подарок командующего ВВС за снайперскую стрельбу. Режим полета по времени выдерживался точно. Еще пять минут, и впереди должны вспыхнуть костры, разложенные кругом. Тогда он ответит ракетой, зеленой, она разлетится на мелкие звездочки, и все ребята откроют замки планеров...

ДВОЙНИКИ

Костры вспыхнули раньше оговоренного срока. Березовский выхватил из бортовой сумки ракетницу и выстрелил в открытую форточку. Неторопясь вложил ракетный пистолет обратно. Отцепился от самолета. Скользя во тьме, слушал умирающие внизу звуки моторов.

Теперь капитан не волновался. Он еще раз показал кукиш судьбе. Ночь оказалась милосердной для его ре-

бят. Они немного разбрелись, немного отстали от него, парят неслышно, как летучие мыши.

И точно по оговоренному времени почти рядом с первым вспыхнул на земле второй огненный круг. «Да, стрелки часов сошлись! — как-то сразу, не успев встревожиться, отметил этот миг Березовский. — Но почему же два? Не может быть!»

И все-таки две обозначенные кострами площадки мерцали в темном лесу. Один круг светился неярко. «Но ведь он загорелся первым!» Второй бушевал огнем, словно на костры не жалели бензина. «Но ведь он загорелся вовремя!» И находились они друг от друга недалеко. «Так кажется с трехкилометровой высоты — между ними не больше десяти тысяч метров!»

Не хотелось верить, что расставлена ловушка. Но два круга, будто автомобильные фары светили с земли. Березовский долго не думал. Площадки-близнецы он решил принять равнозначно, сесть на любую, хотя бы на ту, которая вспыхнула вовремя и светит ярче. Только бы ребята не кинулись за ним сломя голову...

Так думал он, разгоняя планер в пологом пикировании, уходя на большой скорости от группы. Высота таяла. Оглянулся — нет, ведомые не бросились в погоню.

Планер трясся от напряжения, крылья вибрировали, готовые сложиться от бешеной скорости и перегрузки. Земля приближалась, освещенная огнями костров.

Вот уже видны деревья, прочеканенные на меди отсветов. Вот уже большая поляна расстелилась перед ним. Костры бликуют на стеклах, мешают смотреть.

Березовский повесил над поляной ракету-«светлячок». Шипит воздух у приоткрытой форточки. Щелкнули выпущенные тормозные щитки. Скрипнула ручка управления, взятая на себя. Все звуки казались громкими, неприятными...

Он сел с прямой, без труда рассчитав траекторию полета. Коснувшись земли, намертво зажал тормоза колес и остановился посреди поляны, хотя по правилам должен был отрулить на пробеге ближе к лесу, освободить площадку для других. Быстро сбросив лямки парашюта с плеч и посмотрев на часы, через грузовую кабину вышел из планера. Подумал: «Улетал из слякоти, а здесь сухо, тепло!» Осторожно сделал пять шагов, остановился, вы-

ставив вперед наган, а вверх ракетный пистолет с вложенной в него красной, тревожной ракетой.

К нему бежали люди, радостно размахивая руками. Впереди, освещенная багровым светом костра, женщина в длинной юбке и с головным пестрым платком в руке.

— Стой! Стрелять буду! — вложив железо в голос, приказал Березовский. — Пароль?

Женщина была уже рядом:

— Братишка! Милый! — Голые по локоть руки обняли пошатнувшегося капитана, его щека почувствовала теплоту губ, и он отвел ствол нагана, упершийся женщине в грудь.

«Вот так встреча!» — выдохнул Березовский, когда у него вдруг выдернули наган и ракетницу, больно заломили локти и уже по-немецки кто-то прокаркал: «Обыскать!»

Ракетницу отобрали, самого спеленали; теперь он не может дать знак своим.

— Влопался, сосунок! — незло проговорили сзади, на верное, по росту приняв его за малолетка.

— Лопну сейчас, дядя, — ответил почти ласковым голосом Березовский. Ему вдруг захотелось смеяться, сказать такое, чтобы засмеялись в последний раз и они. Только не было времени. Минуты у тех, родных, наверху истекали. А эти вокруг него, думая, что взяли разведчика, торжествовали, не зная, что доживают крохи своей поганой жизни. Выходя из планера, Березовский вытащил из гамака рыболовный крючок и зацепил его за голенище сапога. Сделав ровно пять осторожных шагов, он натянул черную стропу, соединенную с кольцом маленькой гранаты-лимонки, накрепко привязанной к ящику с двойным мelenитом.

Толстый крючок крепко впился в кожаное голенище. Березовский чуть переступил и почувствовал натянутую стропу. Нога дрогнула, будто сведенная легкой судорогой. А потом он ударил ею того, кто сказал «обыскать!»

Вспыхнула и потухла зарница — взрыва капитан Березовский не слышал. Не видел он и огромный красный вал, приподнявшийся над лесом, не ощутил злого накала взрывной волны, слизнувшей костры и деревья.

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

АЭЛИТА

Раскисшее картофельное поле, залитое во впадинах водой, рябило под мелким и нудным дождем. Шеренга парней в мокрых комбинезонах медленно двигалась вдоль расплывшихся гряд с совками, лопатками, с кусками обструганных на клин досок.

Впереди всех шел Корот. Он оторвался от ближайшего курсанта метров на двадцать. Ручищи, как лопаты, погружал в грязь, сводил их под корнем мокрого завядшего куста и выдергивал его. Ботву — в сторону, липкие клубни — в деревянный ящик, привязанный веревкой к поясному ремню. Он не вытаскивал ботинок из слякоти, а полз на коленях от куста к кусту и остервенело, как будто собирался душить кого-то, снова втискивал оголенные по локоть руки в грязь, смыкал их под землей и с придыхом выдирали. Почти полный ящик Корот тащил дальше и дальше, пока не услышал за спиной близкое тархтение трактора. Тогда он встал, вытер потное лицо концом полотенца, торчавшим из-за пазухи, вскинул ящик на плечо и пошел навстречу.

На тракторе, прикрытый от дождя старым корытом на рейках, орудовал рычагами Борис Романовский. Увидев подходящего товарища, он остановил машину, Корот вывалил картошку в прицеп, с трудом вытаскивая ноги из грязи, подошел к кабине.

— Давай! — И открыл рот.

Борис сунул ему в синеватые губы уже зажженную папиросу. Корот перекинул ее в угол рта.

— Сколько у Володьки? — спросил он. Борис показал четыре пальца. Корот выпустил клуб дыма и побрел от трактора. Потом повернулся, крикнул: — Скажи ему, пусть, не позорится! Хотя бы перед теми, шо дывяться! — И кивнул на бугорок, где стояли, завернувшись в плащ-палатки, Дулатов и Костюхин.

— Понимаешь, лейтенант, — говорил Костюхин, — смотрю я на наших мальчиков, волочащих короба с картофелем, и мне припоминается полотно Репина «Бурлаки на Волге». Смотришь на картину, и изнутри поднимается мелодия «Дубинушки». Песня, как тяжелая поступь бурлаков. Репин с ранних лет близко стоял к простым

людям, ратовал за искусство реалистическое, правдивое, отражающее народную жизнь.

— Твои уста — рафинад, а мне не нравится эта картофельная картина, Костюхин. Зачем припел Репина? Зачем поешь, когда ругаться надо? В колхозе не хватает рук, но мы-то могли найти окно в боевой подготовке, приехать раньше и помочь по-сухому. Твои механики сортируют клубни под навесом, а курсанты по шею в грязи. Завсклада Мессножник забыл, видите ли, погрузить в машину саперные лопаты. Да и мы с тобой... Горячо мне на этом бугорке, Костюхин!

— Понимаю тебя, лейтенант. Хочется засучить рукава, показать личный пример. Но тогда ты офицер, чем будешь отличаться от нижних чинов? «Где должен быть командир? — спрашивал Чапаев и отвечал: — Там, где он больше всего нужен в данный момент!» Примерно так. Ну, соберешь ты пару коробов картошки, а авторитет потеряешь. Поверь мне, я знаю солдата!

— А по-моему и в искусстве, и в психологии подчиненного ты примитив! Недобрый ты.

— Не задирайся, Дулатов.

Через поле к ним пробиралась на лошади девушка. Она била каблуками кирзовых сапог по ребрам старую конягу, но та только подергивала замшелой мордой и не торопилась.

— Кто вы, синеглазая лань? — встретил ее улыбкой Костюхин. — Зачем проделали к нам столь трудный, тернистый путь?

— Я бригадир Бастракова. Командуйте, товарищи, своим молодцам отбой. Мы их расписали по квартирам, приготовили обед.

— Анчоусы в маринаде будут? — сделал серьезное лицо, спросил Костюхин. — И как ваше божественное имя, строгий бригадир?

— Будет борщ и пшенная каша. Звать меня Лита. Устраивает?

— О! Фантастическое имя! И какая грация, посмотрите, лейтенант... Где вы?

Но Дулатов не слышал призыва Костюхина. Чавкая сапогами, он медленно продвигался к отставшему от всех Донскову. Курсант копал землю дощечкой, сидя на полупустом ящике. Руками в старых кожаных перчатках, не торопясь, выбирал клубни, очищал с них грязь,

аккуратно складывал картошку в ящик. Увидев лейтенанта, снял перчатки, неумело закурил.

— Вы знаете, Донсков, что со вчерашнего дня линия фронта в Сталинграде проходит через Мамаев курган и Баррикады? Что в южной части города фашисты вышли к Волге?

— Слышал, товарищ лейтенант.

— Так какого же черта работаете, как умирающий лебедь! — взорвался Дулатов. — Встать!.. Ручки беленькие жалко! Пальчики оцарапать боитесь!

— Здесь нужно копать свиным рылом, а не руками, — проворчал, вставая, Донсков.

— Значит, ваши товарищи...

— У них количество, у меня качество, — поняв, что неудачно выразился, поспешил сказать Донсков.

— Эх, парень! — вздохнул Дулатов. — Ни работой, ни заботой тебя не мучила жизнь. Может быть, для твоего отца сейчас такая картофелина ценнее патрона, а ты сачкуешь, покуливаешь, боишься замараться! Или обессилел? Что ж, давай доску, помогу.

ПРИТЧА ОБ ОРЛЕ

Командиров поселили в доме Андреевны, матери Аэлиты. Высокая сухая старуха с плоским лицом славилась в деревне чистоплотностью. Дом ее с резными наличниками, с фантастическим орнаментом на венцах и ставнях привлекал взоры всех приезжих еще и разноцветием. Краски, яркие, отменные, сочетались необычно броско. Они не поблекли и сейчас, хотя автор великолепия, колхозный счетовод Иван Бастраков, уже второй год вместо резца держал в руках винтовку и давно не подавал о себе вестей. Ушел с воинской частью, сформированной из саратовцев, и как в воду канул.

В деревне об Иване Бастракове вспоминали тепло. Великим умельцем и кудесником был мужик, много читал и любил рассказывать о прочитанном на посиделках, интересовали его далекие миры и созвездия. Жену свою, Андреевну, звал не Машей, а Мариулой, сыну дал имя Марс, дочерей записал как Изиду и Аэлиту. Марс (Миша) ковал броневую сталь на заводе, Изидка училась в физкультурном техникуме, Аэлита в свои восемнадцать лет достойно несла нелегкое бремя бригадира полеводо-

Андреевна хорошо приняла постояльцев. Внешне некрасивая, недобрая, она перерождалась, когда начинала говорить. Мягкий, бархатный голос звучал весело, под голос настраивались глаза, теплели. Ей нравился Костюхин.

Андреевна дивилась на дочь. Между ней и Костюхиным сложились какие-то странные отношения. Уже на второй день он выполнял все ее желания, даже подметал комнаты по одному приказу озорных глаз.

Вечером Аэлита надела шелковое голубое платье, красную косынку, хлопнула дверью и умчалась в клуб.

Костюхин с Андреевной остался чай распивать, а потом пришел Дулатов, и они до полуночи играли в шахматы. В полночь вышла Андреевна во двор, смотрит: дочь с каким-то парнем палисадник подпирают. Не утерпела, послушала, о чем говорят молодые.

— Зря красуешься, Володенька! Юрий Михайлович говорит, и никакие вы не детчики, а так... ни то и ни се!

— Знакомая песня, хочешь расскажу притчу про старого беркута? Он жил в каменистых грядках Тянь-Шаня. Любил кружить над теплыми отрогами, грудью врезаться в восходящие потоки и замирать с распластанными крыльями. Подскальное гнездо уже не грело старика... Раньше он очень боялся грозы. Но однажды Илья-пророк, громыхая на своей колеснице, увидел его удирающим в гнездо и гневно спросил: «Кто твой предок, трусливая птица?» Орел не знал или забыл: ведь он жил уже сотню лет. И Илья сказал укоризненно: «Твой предок сотворен из куса грозовой тучи!» С тех пор орел летал и в грозу. Он плавал рядом с черными косматыми облаками, гордился, что они закрывают даже само солнце, вколачивают в землю молнии, рушат потоками воды гранитные скалы. Кроме него и туч, в небе не было никого. Но вот подошло время...

— Володя, посмотри, какие у меня холодные руки! — Аэлита прижала ладошки к его щекам, приблизила к его лицу свое. — Ну!

— Что, ну? Продолжать?

— И как ты угадал? — усмехнулась девушка и резко отдернула руки.

— В общем, подошло время, когда орел понял, что летать ему осталось совсем немного. Настоящие орлы не умирают в гнезде, и он ждал дня, когда покатится

колесница Ильи, чтобы взмыть в последний раз. Такой день настал. Беркут взлетел и... увидел под черным облаком другую птицу, огромную, длиннокрылую.

Орел сложил крылья и начал падать на врага, посмеявшегося занять его небо. Беркут ударил чужую птицу грудью. Да так, что померкла синь, кровавые полоски замелькали перед глазами. Он падал, пытаясь удержаться на перебитых крыльях. Закрылись шершавые веки, но он с усилием открыл их, чтобы увидеть врага, косо летящего на жесткий базальт. Но соперник продолжал полет. Тот, длиннокрылый, был сильнее его. И потухла ярость в груди седого мудрого орла. «Он не враг. Он достоин занять мое небо», — подумал раненый беркут и упал на скалы.

— Это летел планер? — догадалась Аэлита.

Весть о гибели гвардии капитана Березовского долетела до Саратова, куда возвратились курсанты.

«После отцепки от самолетов в расчетной точке, — говорилось в радиограмме, — Березовский увидел две освещенные кострами посадочные площадки на расстоянии нескольких километров одна от другой. Условные сигналы на них были одинаковые, и за то малое время планирования, какое имел в запасе Березовский, отличить партизанский аэродром от ложного, конечно, было нелегко. Капитан Березовский пошел на одну из площадок с включенным носовым прожектором, за счет пологого пикирования, наращивая скорость, быстро отрываясь от других планеров. Он приземлился, когда его ведомые еще имели достаточный запас высоты для выбора аэродрома и смены курса.

Сверху планеристы видели, что планер командира приземлился удачно — этому помог свет от двух ракет-«светлячков», выпущенных Березовским. Потом взрыв планера осветил округу. Ведомые капитана повернули на другой аэродром и выполнили боевое задание...»

...Напитанный мокрым снегом, вяло колыхался припущенный авиационный флаг на высокой рее ангара планерной школы. Около него выстроились шеренги сержантов-выпускников. На правом фланге, в кругу командиров, стояла семья капитана Березовского — высокая худая женщина и четыре маленькие девочки в одинаковых пальтишках из серого шинельного сукна.

А когда город утонул в ночи, на открытом комсомольском собрании планеристы приняли решение. В нем был пункт: «Выше бдительность! Отвага, совмещенная с умением, принесет успех при десантировании. Сомнений в патриотизме товарищей у нас нет. Новую поставленную командованием задачу обязуемся выполнить, каких бы сил для этого не потребовалось. Смерть немецким оккупантам!»

В подготовке к полету прошла неделя. Погода благоприятствовала. Установились черные, безлунные ночи. Они скроют планеры и помогут незаметно подкрасться к Софиевским дачам — к лесу на границе России, Украины и Белоруссии. Именно в этих местах, в глубоком тылу врага, стояла насмерть воинская часть, сформированная на саратовской земле.

КРЫЛЬЯ КРЕПНУТ В БОРЬБЕ

„БРИГАНТИНЫ“ ПОКИДАЮТ ПОРТ

Планеры с ящиками и мешками внутри взлетели с полевого аэродрома. В «трюмах» они несли фугасы, продовольствие, оружие партизанам. На земле их провожал человек, которого любили и которому верили, — Маркин. Перед вылетом он сообщил, что 19 и 20 ноября войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в контрнаступление, а вчера соединились в районе поселка Советский и заклепали немцев в сталинградском котле. Маркин каждого обнял, пожал руку. На прощание взволнованно сказал: «Помните, чьи вы сыны и кто вы сами, ребята!.. Я жду вас!». А потом стоял под снежным вихрем от винтов, пока последняя аэросцепка не исчезла в гущающихся сумерках.

«Бригантины» покинули порт приписки, их вели безусые «капитаны», еще не нюхавшие запаха чужого пороха, не знавшие ярости пламени. На петлицах по три сержантских треугольничка, на плечах первая ответственность перед людьми, на боку в кирзовых кобурах непривычно тяжелые наганы, а в груди огромное мальчишеское желание поскорее взяться за оружие. Вот об этом и подумывал сейчас Владимир.

Рывок троса вернул его к действительности. Планеры покачивались, как тени от самолетов. Впереди, чуть внизу,

вяло подмигивал строевыми огнями трофейный «хейнкель» старшего лейтенанта Костюхина. Он вел эскадру аэропоездов в беспокойное небо Белоруссии. За ним, в кильватерной струе, на крепком стометровом тросе скользил «А-седьмой» сержанта Донскова. Двенадцать ящиков гранат, противотанковые ружья и мотки телеграфного кабеля покоились в фюзеляже.

До отцепки остались считанные минуты. Десятки глаз шарили по земле в поисках условленных знаков. И вот осветилось небо. Яркие огни с сине-багровым отливом зажглись перед эскадрилей. Пульсирующий свет резко выхватывал из темноты расползавшиеся в стороны аэропоезда. Донсков вдруг остро, до ломоты, сжимающей грудь, вспомнил, что и его планер набит взрывчатыми веществами, что враг бьет и по нему из длинноствольных зенитных пушек.

Страх пришел неожиданно и выбил романтику, как ревун выбрасывает первый звук. Красивый штормовой фейерверк мгновенно померк в глазах, когда Владимир увидел сумасшедший крен своего буксировщика. «Хейнкель» Костюхина встал торчком на крыло и нырнул вниз. Сейчас будет рывок. Мелькнула мысль: что быстрее отвалится, буксирный замок или нос планера? Но планер почему-то не дернуло. Владимир потерял уже сто метров высоты, когда взрывная волна резко толкнула планер под крыло. Конвульсивным движением штурвала он выровнял крен и огляделся. Что-то черное и огромное надвигалось с левого борта. Владимир шарахнулся в сторону и вниз. Сколько он так летел, не отложилось в памяти, только увидев яркую стрелку высотомера, резко бегущую по шкале прибора, он пришел в себя, потянул скрипнувший штурвал и вышел из косога пикирования.

Условные знаки на земле не проглядывались.

Костров нет, куда садиться? Теряя три тысячи метров высоты, он еще долго, как показалось, летел, пока увидел серию голубых ракет. Земля давала пароль и требовала отзыва. Толстый ватный комбинезон не давал нагнуться за ракетницей. Когда он вынул ее из гнезда и взвел курок, увидел далеко впереди несколько маленьких хвостатых комет. Это отвечали на пароль земли его товарищи, направившие носы десантных планеров на зыбкие голубые сполохи. Выстрелил из ракетницы и он. Кумачовым лоскутком вспыхнул огонь.

Пристально взглядевшись, Владимир скорее ощутил, чем увидел, чуть ниже и правее летевший планер, мигающий консольной лампочкой: «Осторожно, я рядом, не наткнись!» Владимир ответил тем же и улыбнулся.

Теперь добраться бы им до вспыхивающего в ночи голубого пятнышка — посадочной площадки партизан. Но что это? Двоится в глазах? Ракеты освещают землю в двух местах? Опять площадки-близнецы, как в трагедии капитана Березовского? На сей раз нет. По боевой ориентировке предусмотрен дублиаж аэродромов. Садиться можно на любой из них. И все-таки послушай небо. Послушай. Приложись ухом к нему.

Владимир стянул шлем, открыл форточку кабины и высунул полголовы под струю холодного, обжигающего воздуха. Слух моментально воспринял тонкое комариное жужжание чужого авиадвигателя, и Донсков представил, как немецкий разведчик вьется над лесом, радирует об операции, но помешать ей уже не может.

На какую же площадку садиться? Лучше на зюйд-овую, она ближе. Чуть-чуть, на несколько румбов повернуть влево и...

И, взглянув на высотомер, Донсков понял: не сесть ему на партизанский аэродром. «Высота — расстояние» — извечная формула, решаемая планеристами, давала отрицательный ответ. Буксировщика он потерял раньше расчетного времени да еще метался по небу, шарахался от соседнего планера.

Товарищи уже над площадками. Вот обозначили себя еще два планера. Скоро ребята будут греться около костров. Им дадут попить. Неплохо освежить глотком чая пересохшее горло.

Стали запотевать стекла. Ближе к земле — жарче в комбинезоне. Одна рука на штурвале, другая уже уперлась в приборную доску, чтобы смягчить толчок. Цыганка ему гадала, что он умрет своей смертью! Флибустьеров вешали на реях, фашисты же для планеристов вкапывают заранее столбы.

Пилот, используя последние метры высоты, тянул по курсу. Недалеко от него тащился другой планер. Он тоже упадет в лес с большим недолетом. Сжавшись, как пружина, Донсков ждал встречи с землей. Томительно долго тянулись секунды. Сначала он услышал шорох, потом рывок. Планер клюнул и, поддержанный схвачен-

ным до груди штурвалом, не воткнулся в землю. Мазнув ладонью по приборной доске, пилот включил посадочную фару. В белое кольцо прожектора метнулись голые блестящие сучья деревьев...

В СТАНЕ ВРАГА

Донсков выбрался из пилотской в грузовую кабину, снял с крючка автомат, открыл дверь и шагнул в темноту. Мягкий снег подался под ногой, и Донсков упал лицом вперед, провалился как в рыхлую, холодную вату. Схватив снег ртом и чувствуя, как он, тая, приятно освежает, полежал, прислушался. Ни звука. Тишина обрадовала, и он, выполняя первую заповедь планериста, совершившего вынужденную посадку, стал удаляться от планера. Ноги тонули в рыхлом снегу, снег набивался за отвороты унтов. Шагов через пятьдесят сел и начал всматриваться в ночь. Чтобы лучше освоиться с темнотой, на минутку закрыл глаза. Открыл. На сером снегу большой поляны чернел силуэт планера. Повезло! Попади он на острые пики сосен — они бы распорили фанерное брюхо.

— Ух-а! — тяжело вздохнул лес. Донсков рванул рукоять затвора. — Ух-а, ух-а, — прокричал филин, и пальцы пилота медленно разжались.

Теперь тишина казалась Донскову загадочной и неприятной. Он был один в безмолвном, притаившемся незнакомом лесу. «Порядок! Главное, что ты благополучно встретился с землей», — бормотал он, успокаивая себя, а что-то тоскливое, тяжелое заполняло его помимо воли.

Снова заставил вздрогнуть крик филина. Донсков привстал и насторожился. Голос лупоглазого разбойника? Да это же... Ну и жираф ты, если так медленно до тебя доходит условный знак сбора! Но кто может подавать его? Уж не тот ли планерист, который летел рядом? Да, он должен сесть недалеко, ведь шли бок о бок.

— Ух-а! Ух-а! Ух-а — проухал Донсков и растянулся на животе, всматриваясь в сторону, откуда донеслись первые звуки.

Блеснул огонек ручного фонаря: две короткие и одна длинная вспышка. Сомнений не было: свой!

— Вов-ка-а!

Басовитый скрипучий голос Короты вызвал бурное ликование. Донсков вскочил, хотел ответить во все горло и... не мог вспомнить, как же зовут товарища. Ну же, ну! Собери мысль, оболтус! Боцман, Боцман — чертова кличка вертится на языке. Корот. А как звать, звать как? Этот крестьянин не был интересным. Сильный грубый парень, старательный служака — и только! Злой еще. Всегда казался немного туповатым. Но ты не можешь сказать, что он плохой товарищ! Ты должен знать его имя... Вспомни хотя бы отчество. Что-то историческое, древнее, казацкое. Лихой набег... блеск сабель... обреченная люлька.

— Тарасы-ыч! — завопил Донсков во всю мочь и бросился навстречу.

Через несколько минут они сидели на утопанном снегу под деревом и за обе щеки уплетали холодный яичный омлет из неприкосновенного запаса. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, хотя совсем не мерзли в теплом обмундировании. Корот, зажевывая некоторые слова, рассказывал, и Донсков с завистью признался себе, что Корот видел больше, чувствовал себя в воздушной передрыге спокойней, уверенней, зрячей.

— Когда эскадра влопалась в заградогонь, буксировщики трошки паникнули, начали метаться, лезть друг на друга. А тут еще прямое попадание в планер соседнего звена, который справа от тебя шел. Я помню, у нас в селе хата пылала так же червонно. Потом враз загасла. Чего не жуешь? Ты уже топал один, Борька Романовский тоже, видно, оторвался, та мой буксир повернул назад. Чего не жрешь-то?

— Хочешь? На.

— Сгодится. Так вот, крутанул меня буксир и прет домой. Я его подергал за хвост, а он хоть бы хны! Волочет меня назад, и все, а вы уже шуруете к партизанам. Я и отцепился.

— Ну и дурак!

— Как понимать-то?

— Ты же видел: высоты не хватит. К немцам решил упасть?

Корот заговорил не сразу. Нож противно скоблил по консервной банке. Но если бы Донсков обратил внимание на руки товарища, заметил бы, как они сжали нож и банку. Жест сплющился, и Корот отбросил банку в

сторону. Но он еще заставил себя неторопливо вытереть лезвие, рукавом — губы и потом сказал:

— За такие слова могу покалечить... Ты всегда считал меня придурком и солдафоном. Дело твое. Только погляди в зеркало, хлопец. Воображаешь себя центропутом, вокруг которого все крутится. А в самом деле? Лопнешься от великого самомнения! Погоди, не взбрыкивай, слухай начистоту!

Оба понимали: разговор не ко времени. Он, конечно, должен был состояться, но почему здесь, в незнакомом опасном лесу? Бойцы с брачком в характере, безответственные? Или просто зеленая юность не хотела оставить за соперником последнего слова? Пожалуй, нет. Два сильных и непохожих характера редко сближаются в обыденной обстановке. Нужны подходящее место и эмоциональный толчок. Нужно зримое действие, два взгляда. Тогда один глубже понимает суть другого.

Минуты две они препирались, вспоминали все зигзаги в поведении друг друга, потом замолчали, жуя галеты и не чувствуя их вкуса. И уже почти миролюбиво Корот сказал:

— Есть в тебе и стоящее, Володька. Поэтому и жалкую: ложка дегтя портит бочку меда. А высоты у меня хватало трохи дальше пролететь. Просто не хотел покиннуть тебя.

У Донскова еще не пропало возбуждение, и он вскочил.

— Благодетель, значит? Пошел ты, рыжий, знаешь куда?

— Я все равно не дотянул бы до площадки. Вдвоем сподручнее.

— Ты мог еще на шаг приблизиться к цели! Ты не дурак и не солдафон, Корот, ты просто слюняй!

— Дякую, товарищ! Убедил. А ты бешеный... И все равно я не корю себя, что близость партизанского костерка поменял на соседство с тобой.

Добрые слова Короты не пропали даром. Донсков остыл, сел рядом с товарищем и обнял его за плечи.

— Ладно, извини! Давай решать, что дальше?

Об этом каждый думал с момента приземления. Но задать вопрос должен был менее выдержанный, более торопливый. Раньше была игра в спокойствие. У каждой игры есть конец. Когда они поняли это, то за каждым

словом их спора прятался именно вопрос: «Что дальше?» Кто спросит, тот признает другого старшим. Корот прожил двадцать одну зиму, он был сыном лесов и степей. Донсков — семнадцать и жизнь знал в основном по книгам. Донсков признал Короты более мудрым. И тот ответил четко, будто всю жизнь только и решал такие головоломки:

— Во-первых, заминировем груз. Я останусь, ты пойдешь по азимуту к партизанам.

Донсков подивился простоте решения, забыв, что устами товарища глаголет инструкция. Сухие инструкции он всегда плохо запоминал.

— Груз зарыть положено, но до рассвета не успеем. Земля крепко захолохла. Встань на лыжи. Буду ждать.— И Корот, поднявшись, подал руку Донскову.

Они медленно двинулись к своим планерам. Встретились уже на лыжах у планера Донскова. Вытащили и размотали телефонный провод. Его хватило, чтобы соединить большой треугольник: по краям планера и в ста пятидесяти метрах от них снежная яма. Донсков, подсвечивая фонариком, монтировал систему «пиропатроны — взрывная машинка», Корот остервенело работал большой саперной лопатой, углубляя яму, вгрызаясь в мерзлый грунт. Закончив копку, он пошел к планеру Донскова, ощущывая каждый сантиметр провода. Около двери планера обо что-то задел ногой. Его тревожный крик заставил подойти Донскова.

— Володька, а ты, хлопец, в рубахе родился. Дывься!

Плотная сизая мгла ночи не позволила ясно видеть, что держит в руках товарищ. Донсков зажег фонарь. Корот держал конец буксировочного троса. Теперь было понятно и подозрительное шуршание деревьев, когда планер был еще в воздухе, и резкий клевок к земле, и схваченный до груди штурвал. Трос, мотаясь под планером, задевал за деревья. Только чудо спасло пилота, и он не разбился при посадке.

Старший лейтенант Костюхин облегчил свой самолет, чтобы быстрее уйти от огня.

Корот вытягивал из-под снега конец троса с самолетным кольцом. Положив трос на стальной подкос шасси, он вынул из ножен кинжал, орудую им начал рубить.

— Гарно закалил клинок Борька! Поддается сталюга... А теперь вылазь из комбинезона и шуруй. В безрукавке не замерзнешь? Белый халат натяни.

— Если врагом тебе уготована рея, что изречешь перед смертью? — улыбаясь, вспомнил Донсков слова клятвы.

— Ни слова! Постараюсь уйти за борт вместе с ним, — серьезно ответил Корот. — Уже светает. Держи лапу, Владимир. Пусть твои паруса будут полны ветра!

— Прощай, Тарасыч!

— Меня зовут Михаил. Теперь-то, наверное, запомнишь? Погоди! Если в любом месте встретишь полиция по фамилии Вьюн, Мыкола Вьюн, убей! — Левое веко Короты дрогнуло, он на секунду прикрыл глаза и поморщился, будто от сильной головной боли. — Хотя нет... Подержи до меня. Крепко держи!

— Хорошо. Жди меня, Миша. Нас жди!

Донсков проверил крепления лыж, сориентировался по компасу и пошел. У первых деревьев обернулся: на светлеющем снегу копошилась темная фигура Михаила Короты. Он веником из сучьев заметал следы у планера. «Боцман делает приборку», — невесело подумал Донсков и углубился в чащу.

Светало. На фоне неба рельефнее выделялись деревья смешанного леса. В детстве Владимир любил очеловечивать предметы, он и сейчас видел мрачные ели, гордые сосны, наивные березы, спокойные дубки, грустные плаксы-осины — все было в лесу. Не было только спокойствия. Обманчивая тишина могла разорваться мгновенно.

Донскова остановил запах дыма, принесенный ветром из густого сосняка. Он взял левее и, не отталкиваясь палками, пошел медленно и тихо. Тревожное напряжение обострило слух. И все равно неожиданными были немецкий говор и взрыв смеха. Он упал в снег, царапая подбородком по нему, огляделся. Ясно рассмотрел впереди себя, метрах в шестидесяти, солдата. Тот стоял у сосны к нему спиной и стучал каблуком о каблук.

Справа дым костра, солдатский гогот, впереди часовая, сзади Михаил! Вернуться к нему? А потом?..

Донсков сложил лыжи одну в другую, продел левую руку в ремни крепления и пополз вперед. «Представь, что это чучело... Представь... Только бы солдат не перестал стучать каблуками, не обернулся. А как может обер-

нуться чучело?.. Это площадка десантной подготовки. Столб. Около него чучело — комбинезон, набитый ватой... Оно стоит на моей дороге. Повернуться оно не может. Не может...» — успокаивал себя Донсков. Разглядев на цилиндрической противогазной сумке солдата пуговицу, он остановился. Приподнялся на колено, вытащил из-за голенища нож. «Вдохни и, как учили, с выходом...» Матово блеснуло в воздухе лезвие. Солдат завалился назад беззвучно и медленно. Донскова била дрожь, он уткнулся лицом в снег и несколько секунд боялся поднять голову, посмотреть на впервые убитого им врага. Сглотнув тягучую слюну, все же приподнялся немного, пополз к солдату.

БОЦМАН СТАВИТ ТОЧКУ

Они подходили не со стороны заминированных планеров, а шли прямо на замаскированную яму. Убитого часового обнаружили при смене постов и по лыжне Донскова, в обе стороны двинулись боевые группы поиска. Шестеро автоматчиков и две собаки мелькали среди стволов, приближаясь к Короту на широких походных лыжах. Вперед вырвался очкастый фельдфебель. Из его рта вылетал пар, туманил напряженное лицо. Остаться незамеченным Корот больше не рассчитывал и поднял наган. Мушка прицела, не раскачиваясь, подошла под автомат немца — сухо треснул выстрел, фельдфебель упал.

Немцы залегли и открыли частую стрельбу. Пули вспарывали снег вокруг ямы. Корот скупно расходовал патроны. Убедившись, что он один, немцы спустили собак. Проваливаясь, овчарки скачками пошли вперед. Корот почти в упор расстрелял их из автомата. Тогда к нему, пригибаясь, рванулся солдат в стальной каске, но наткнулся на пулю и упал на колени. Каска, ударившись об автомат, глухо звякнула.

Два немца лежали против Короты, двое начали обходить яму. В глубоком снегу их почти не видно. ПППШ бил по серым каскам, взрыхляющим снег, огрызался на огонь «шмайсеров», прикрывающих обход. Лес многократно повторял звуки пальбы. Он же донес до Короты звук автомобильного мотора. На высокой ноте мотор захлебнулся. «Наверное, там дорога, — подумал

Корот.— Надо ставить точку!» — Он одним нажатием спускового крючка опустошил диск автомата и взялся за ручку взрывной машинки. А в следующий миг около него ткнулась граната. Зеленая деревянная рукоятка торчала на самом бруствере ямы. Корот протянул руку и, еле достав, оттолкнул гранату. Взрывная волна бросила его на дно, взвыли осколки, мокрые комья осыпали лицо. Он нашел еще силы крутнуть ручку подрывной машинки и встать. Будто в каком-то мареве, увидел, как планеры поднимаются над землей...

Его волокли за ноги. Он не мог шевелиться, говорить. Были полные провалы в памяти. Потом почувствовал колеблющийся настил кузова автомашины и запах бензина. На правую руку накатывалась и откатывалась бочка. При сильных рывках машины она ударяла по голове.

В полное сознание пришел в блиндаже. Тискалами давило закрученную марлей голову, где-то под легкими пульсировала боль. Бинты пахли хлороформом. В марлевуую щель он увидел бревенчатый потолок блиндажа.

— Смотрит! — произнес кто-то по-русски.

Корот скосил глаза. Рядом стоял худой белобрысый парень в белом халате, с широкой улыбкой на продолговатом румянном лице. «Где я?» — Корот лихорадочно вспоминал происшедшее.

Скрипнула дверь. Мягкие шаги. Над ним повисло полное желтоватое лицо, нос покрыт склеротическими жилками, бескровные тонкие губы растянuty в улыбке, а зеленые глаза жестки и насторожены. Корот увидел фуражку с высокой тульей. «В плену!» Он вскинул руку. Желтое пятно метнулось в сторону.

— Не истязайтесь. — Голос желтолицего очень спокоен, даже какое-то торжество чувствовалось в нем. — Вам еще долго жить. Берегите силы, а дядюшка Штрум позаботится о вас.

Мягкие шаги проследовали к двери, она снова противно скрипнула.

В блиндаже Корот был не один, слышался бред раненого, разговоры на немецком языке.

— Почему меня свалили к фрицам под бок? — спросил он белобрысого, читавшего у постели книгу.

— Поймете позже.

— Кто ты?

— Переводчик.

— Русский?

— Украинец. Ваш земляк.

— Якой ты к бису украинец. Подлюга! Ты случайно не родич полицаю Вьюну?

— Лежите спокойно.

Корот отвернулся. Хотелось забыться, но в глазах стояла первая добрая улыбка переводчика. Да, иногда и сволочь может выглядеть внешне приятно. С такими мыслями он забылся.

Разбудил несильный толчок в бок. Блиндаж освещался керосиновой лампой под потолком. Стонали раненные, заливался трелью сверчок. Переводчик сидел на том же месте и прислушивался. «Неужели я балакал во сне?» — Корот повернул голову и увидел, как переводчик приложил палец к губам: молчи!

Через минуту в блиндаж вошел толстый парень с повязкой полица на рукаве. Переводчик поднялся, снял халат и передал ему. Корот увидел, что его «земляк» одет в форму ефрейтора СС.

Через несколько дней, после очередной перевязки, Корот одели в его же выстиранное обмундирование, накинули на плечи грязно-зеленую шинель и на повозке привезли к большой побеленной хате. У входа стоял часовой — солдат с грубым лицом и в очках.

В комнате с чисто выскобленными полами за дощатым столом сидел маленький человечек. По красному склеротическому носу и тонким белым губам Корот узнал того, кто наклонялся над ним в лазарете. В гражданском костюме он был похож на доброго уставшего старичка. Старичок брал из тарелки тонкие ломтики прокопченного сала и, посасывая их, запивал большими глотками пива из молочной крынки. На столе, справа от старичка — шахматная доска с расставленными фигурами.

Корот посадили напротив. Старичок поглядывал на планериста, собрав у глаз много лукавых морщинок. Крикнул по-немецки. Из соседней комнаты вышел знакомый переводчик.

— Михаил Тарасович, пивка? — перевел он гортанные слова. — Не хотите? Дело хозяйское. Тогда быка за рога: вы можете быть нам полезны. Если, конечно, пожелаете... Откуда вылетали?

— С востока.

— Сколько вас было.
— Много. И еще я.
— Куда летели?
— На свиданку с вами.
— Главная задача?
— Опустить на землю, не поцарапав пузо.
— А вы разговорчивый.
— Почему не погугарить в приятной компании, да
что с пивом на столе.

— Ты что, издеваешься, сопляк? Думаешь, мы не
разведем тебе язык? — закричал переводчик.

— Заткнись! — равнодушно выговорил Корот.
— Bravo! Bravo! — возликовал по-русски старик. —
Ефрейтор Криц, вы есть невежда! Потрудитесь уйти.

— Слушаюсь, господин оберштурмфюрер!
Переводчик исчез.

— Мне нравится ваша бодрость и чувство собствен-
ного достоинства. Только сильные характеры могут себе
позволить такое дерзкое поведение в довольно шекотли-
вом положении. Немцы ценят смелых людей... Мы пред-
лагаем вам свободу, лейтенант!

— Такого звания не имел.
— В шахматы играете? Какая фигура вам больше
всего импонирует? Ну, конечно, не пешка!.. Я знаю, вы
не захотите стрелять в русских, хотя они и не заслужили
от вас, украинцев, такой благодарности. Воевать будете
на западе. Поначалу лейтенантом. Вы отлично понимаете,
что ваши сегодняшние союзники были, есть и будут
всегда вашими идейными врагами. А столкновение
идей — война! Вот в этом аспекте и проанализируйте
свое положение. Или да, или... сами должны понять...
Сейчас война, а вы есть планерист-диверсант. Но вы еще
и украинец. Много ваших соотечественников, даже в вы-
соких чинах, сотрудничают с нами.

— Например, поганец Бандера.
— О, вы хорошо осведомлены. Но это далеко, а есть
и рядом. Здесь. Вот Криц, например... И другие... Прав-
да, ваших земляков сейчас трудно застать в квартирах.
Они, право, легко покоряют женщин, а у нас их предо-
статочно на любой вкус!

— Бабами не интересуюсь.
— А девонька? — Старик вынул из стола комсомоль-
ский билет Короты, а из него фотографию Марфиньки.

— Не трожь сальными лапами!
— Вы мне нравитесь, юноша! Сколько вам лет?
А, знаю, знаю — двадцать один.

— Брось сюсюкать. Не ведаю твоего прозвища...
— Штрум. Просто Штрум.
— Я, господин Штрум, на твой валок не накручусь.
— Вы исказили фамилию, она стала неблагозвуч-
ной, — улыбнулся Штрум. — Но это говорит о вашем при-
родном уме, а точнее, опять о силе характера. Я оценил
и постараюсь не обижаться. Что есть валок?

— Так гугарят у нас в колхозе, когда кому-нибудь
закручивают мозги.

— Колхоз — это где заставляют работать, где вы ра-
стите хлеб, свинью, яйца. Я правильно понимаю?

— Радянський колгосп — велике братство людске.
— Не понял.

— Погано ты, пакостный гном, понимаешь наши слова.
— Вы грубиян, юноша? Сколько же вас, таких маль-
чиков-планеристов, село к лесным бандитам?

— Не выйдет, господин Штрум!
— Нервы, нервы, Корот! — оторвался от крынки с
пивом Штрум. — Может быть, попробуем жить в свобод-
ной самостоятельной Украине? Ведь Москве не сегодня-зав-
тра капут!

— Ха, — осклабился Корот, но глаза, тяжелые, на-
пряженные, с кровавой сеткой на белках, не смеялись.
Блестящие холодные зрачки будто выцеливали перено-
сицу Штрума. — Москву тебе не видеть, как собствен-
ных ушей, осел! И не дергайся, я не буду марать об тебя
руки.

— Ого! — сел вскочивший было Штрум. — Очень ми-
ло с твоей стороны, рыжий зольдат! Ты великолепен.
— Давай лучше в шахматы поиграем. На интерес,
а? Кто проиграет — сам повесится.

С минуту Штрум не двигался, опустив голову на
грудь, потом потянулся, зевнул и сказал:

— Ты оскорблял меня, рассчитывая на скорую и без-
болезненную смерть, юноша. Мы тоже бить тебя не бу-
дем. Ефрейтор!

— Слушаю, господин оберштурмфюрер! — гаркнул
появившийся из-за двери переводчик.

— Отведите этого глупого теленка на полигон.

СОФИЕВСКИЕ ДАЧИ

В ЛЕСУ

Третий день падает снег на Софиевские дачи, белыми пластами ложится на ветки, гнет их. В избушке лесника слышен редкий треск ломающихся от тяжести сучьев. Вот особенно громкий, как выстрел. Петя посмотрел в оконце на просеку. Лыжный след дедушки давно завалило. Темнеет. Хрипло стучат ходики на стене избушки. Зябко передернув плечами, мальчик отложил книжку и подошел к печи. Быстро занялся огнем сушняк под березовыми плашками. Петя вынес из чулана пузатый медный самовар и начал возиться с ним, пристраивая к трубе старый сапог. Избушку наполнил угарный запах углей.

Сидя на корточках, Петя грел ладони на потеплевшем боку самовара. Дедушка рассказывал, что купил его за три гривны еще в германскую войну. Когда это было? Вот под пальцами круглые выбоинки — медали с ликами царей. Тут есть царь, который виновен в смерти великого поэта Пушкина. «Я помню чудное мгновенье...» Две книжки, Пушкина и Некрасова, остались в избушке, да и то старинные, все другие, советские, дедушка спрятал в подполе, чтоб не увидели немцы.

В спину мальчика плеснуло холодом. Он обернулся. В дверях обметал веником сапоги высокий мужчина. Бледный свет из оконца высветил пуговицы черной шинели, сизую линию автомата на груди и ствол ружья за спиной.

— Один, Петушок?

— Здравствуй, дядя Аким! Дедушка скоро будет.

— Значит, нет деда? Ждать недосуг. Слушай внимательно и передай слово в слово Евсеичу. В Федосеевке, от вашего края третья хата, ховается человек. По слухам, летчик. Из тех, кого встречали неделю назад соседи. Понял? Староста пронюхал и сказал мне. Я доложу о нем утром. Ночью его надо увезти, иначе пропадет парень. И еще. Своего пациента, так и скажи — пациента, Штрум отправляет на полигон. Понял? Повтори!

Мальчик повторил.

— Чаю, дядя Аким?

— Спешу, Петушок.— У деда есть дичь в подклети?

— Пара беляков.

— Я возьму их на закуску Штруму. Любит шеф зайчатину! Во дворе пальну пару раз, не пугайся.

— Ну уж! — обиделся Петя.

— Раста, герой! — И человек в форме полицаи исчез за дверью.

Петя стоял не шевелясь, пока в лесу не раскатились выстрелы дробовика.

Скоро возвратился дедушка. За ним в избушку проскользнула крупная, с черно-бурой спиной овчарка и легла у входа. В сторожке было тепло. Под светом семилитровой лампы блестел начищенный бок самовара. Хлеб, сахарин в деревянной солонке и расписная чашка с бюдечком ждали хозяина на тесовом столе.

— Дедуль, приходил дядя Аким.

— Встретил на тропе, — ответил Евсеич и, повесив на гвоздь лисий треух, присел к столу. — Снедал?

— Поел немножко.

— Тогда кинь пожрать Цезарю.

Евсеич пил чай обжигаясь, не строясь, как обычно, крошек хлеба с густых колючих усов и рыжеватой спутанной бороды. Пил прямо из чашки. Капли скатывались по бороде на кожу овчинного белого полушубка. Бок самовара отражал скуластое морщинистое лицо с крючковатым подвижным носом и маленькими глазками в тени от кустистых бровей.

Цезарь быстро управился с требухой, дробил клыками заячьи кости. Петя сидел рядом с ним, ласково поглаживая чуть вздыбленный загривок собаки.

Обтерев тыльной стороной ладони усы, Евсеич шагнул в угол, приподнял половицу и вынул из образовавшейся щели карабин. Голубым глазком подмигнуло Пете стеклышко оптического прицела. Проверив затвор, старик сказал:

— Керосин не трать. Угомонись. — И пошел к двери. Цезарь упруго поднялся. — Ни-ни! — приказал Евсеич. Собака опустилась на пол, положила морду на вытянутые лапы и обиженно косилась на хозяина.

Евсеич ушел, загнав в избушку клуб морозного пара. Петя погладил Цезаря, взял с полочки книжку, но вспомнил наказ деда, сунул ее обратно, задул лампу и забрался на теплую лежанку.

Разбудили его голоса. В сторожке горел свет. Петя приподнял край занавески. Дедушка и мужик в нагольном черном полушубке укладывали на топчан человека, завернутого в тулуп. Потом мужик ушел, а дедушка стал раздувать самовар. Когда самовар зашумел, дедушка принес из чулана несколько пучков травы, порубил их и круто заварил в оловянной кружке.

Человек в тулупе наблюдал за дедом.

— Пей!

Человек сел на топчане, сбросил овчину, пристально посмотрел на старика.

— Если вы партизан, то мне срочно нужно к вашему командиру.

— Пей! — повторил дедушка.

Человек, обжигаясь, пил горячий отвар, и под кожей тонкой шеи вверх и вниз бегал шарик кадыка.

— Мне нужно торопиться! — сказал он, отставляя кружку.

— Заря мудренее заката! — Дедушка потушил лампу и забрался на лежанку. Долго ворочался и крихтел. Петя положил руку на его теплую твердую шею. Евсевич провел по щеке мальчугана шершавой ладонью и затих.

Утром Петя долго не мог проснуться. Сквозь дрему он слышал, будто кто-то негромко и глухо бубнил. Стряхнув с себя сон, он догадался, что говорит дедушка с незнакомцем. Петя выглянул из-за занавески, когда дедушка сказал:

— По картинке, кою ты нарисовал, твой груз в Глиняной балке. Отыщем. Прощевай, Борис.

Дедушка ушел, оставив Цезаря. Овчарка легла у порога, настороженно поглядывая на незнакомца.

Петя спустился с лежанки, умылся у рукомойника и сел к столу. Его синие глазенки светились любопытством. Ночной пришелец теперь был бритым, смуглокожим, совсем молодым. На курносом носу пластырь, царапины на лице замазаны йодом, светлые глаза со смешинкой. Он сидел на топчане, разложив на коленях вещмешок, на вещмешке — струнный инструмент, похожий на мандолину. На инструменте его, Петина, книжка.

— Интересная? — спросил незнакомец, показывая на книгу.

Петя кивнул.

— Любишь стихи?

— Ага... И сам сочиняю! — не удержался Петя.

— Ну-у! — удивился незнакомец.

— Самую капельку, — поскромничал Петя. — А вас звать дядя Боря?

— А тебя Петя. Да?.. Сколько тебе лет, Петя?

— Тринадцать... И два месяца.

— Ну, какой же я тогда для тебя дядя. Всего на пять лет и старше. Зови Боря. Может, считаешь свои стишки?

— Можно, — солидно ответил Петя, порадовавшись, что к постоянному его слушателю Цезарю прибавился еще один. — Вот... Однажды, когда снегу много упало, я из лесу вышел. Был сильный мороз. По полю так много зайчишек скакало, похожих на белых и маленьких коз. Я снял ружьецо...

Борис раскрыл книгу.

— Погляжу, на какой странице.

— На двадцать первой, — подсказал мальчик. — А что такого? Слова-то другие!

Они разговорились. Боря уже не казался смешным с прилежкой на носу. Он помнил много интересных сказок. Рассказывал про корабли с алыми парусами, про смелых моряков, берущих на бордаж черные испанские галеоны. А потом его корабли поплыли по небу, и вели их капитаны с русскими именами Виктор, Коля, Миша. И они попали в западню между облаками, похожими на драконов. Из пастей чудовищ вырвалось пламя, и стал кипящим холодный голубой океан...

Петя забрался к Борису на топчан и прилег в ногах. Незаметно шло время. Цезарь, поводя ушами, прислушивался к печальному голосу рассказчика и несколько раз подходил к топчану, но гладить себя Борису не давал, отскакивал в сторону и скалил клыки.

— Мама умерла, папу застрелили фрицы в Федосеевке, — поведал Борису Петя. — Взял меня дедушка, когда Цезарь был совсем-совсем маленький.

Петя видел: Боря его больше не слушает. Он смотрел куда-то в угол, и щека у него подергивалась. Он держал ее рукой и разбередил царапину. На ее нижнем краешке надувалась красная капелька.

— Что-то дедушка долго не идет, — затосковал мальчик.

А Боря вдруг тягуче и грустно сказал:

Прошла рифы и мели моя бригантина,
И остался за тучей грохочущей ад..

Евсейч сидел в землянке комиссара партизанского отряда.

Напротив, через стол, курил трубку черноусый мужик в немецкой шинели без погон. На столе — три кружки с чаем. Комиссар, в роговых очках, среднего роста, крепкий, в защитной гимнастерке, перетянутой портупейей, расхаживал по землянке большими неторопливыми шагами. Остановившись, он досадливо поморщился и разогнал клубы дыма около лица.

— Хватит коптить!

Черноусый выбил о каблук трубку, затоптал тлеющие табачинки.

— И все-таки я остаюсь при своем мнении! Комсомольский билет может быть хорошей липой, и только! Да и не положено их брать в такой полет! — горячо сказал он.

— Парень поведал, где лежал его планер. Привез патроны и сгущенное молоко. Он все вытащил и сховал в овраге. Планер спалил.

— Ты еще не знаешь, какие немцы артисты! — оборвал Евсейча черноусый. — И костерок тебе разведут, и крылышки туда какие-нибудь подсунут, и даже раскошелятся на молочко. У них американское тоже имеется!

— Не кричи, Звездочет. — Комиссар посмотрел на часы. — Сеанс радиосвязи закончился, пойди принеси ответ на наш запрос.

Черноусый вышел.

Дверь землянки несмело открыла девушка.

— Входи, чернобровая.

Девушка поднесла на вытянутых руках и положила на стол комплект обмундирования итальянского солдата. На петлицах кителя и на пилотке эмблемы — белый аист.

— Вычистили, погладили, товарищ комиссар.

— Спасибо! — И когда за девушкой прикрылась дверь, комиссар снял очки, протер их полкой гимнастерки и сказал: — Жаль, не увижу твоего гостя, Евсейч. Дела!.. Говоришь, паренек из Саратова? Как хотелось бы встретиться с ним! Ведь это мой город, Евсейч! Да и в нашем отряде много саратовских водохлебов, фор-

мировались там, а в этих лесах часть попала в окружение. Жена моя, дочурка и сын Вовка в Саратове живут. Сын, наверное, уже в армии — летчиком хотел стать. И моряком. И кавалеристом, понимаешь, Евсейч, бурка ему и черкеска с газырями нравилась. А потом фамилия-то у нас казацкая, с Дону... Так вот, насчет твоего паренька. Совсем недавно мы выловили провокатора с очень похожей легендой: отбившийся от своих десантник. Проверяли! Запрашивали у Большой земли фамилию и словесный портрет. Все сходилось! А в конце концов он провалил целый отряд. Каких людей загубил!

Вошел черноусый, протянул листок. Комиссар прочитал вслух: «На ваш запрос. Сержант Романовский принимал участие транспортном полете базу отряда «Родина». Для точного опознания спросите, что такое «На абордаж»? Правильный ответ: «Название сатирического приложения к одной из стенных газет планерной авиашколы»...

— Ну, что думает Звездочет? — обратился он к черноусому.

— Г-мм... Представим, он правильно ответит. А вот время его ходки к нам — темное пятно. Мог побывать в немецких лапах, а там не шутят! Там крепко шугают и зря не отпускают! Надо проследить его тропку от Глиняного оврага. Ну-ка еще раз уточни, дед, через какие пункты он шел?

Евсейч повторил.

— Быстро не управимся, колесил здорово... — бормотал черноусый, рассматривая карту на столе.

— «На абордаж», — вспомнив радиограмму, улыбнулся комиссар. — Так, говоришь, Евсейч, и подрывное дело знает твой пират?

— Бает, американские, немецкие, итальянские и всякие другие штуkenции разбирал и пробовал.

— Не забудь спросить про газету-то, старик. Только так, вскользь, за чайком, что ли! — подсказал черноусый.

— Ладно, отстань, — сказал комиссар. — Как в Федосеевке дела, Евсейч?

— Аким grit, расчистили немцы за селом полигон. Поганое место! В бумажке, что я принес, он все описывает. На аэродроме самолетов прибыло. Ну и про

планериста того, что Штрум приваживает, сообщал. Пока держится хлопец.

— Петьку пореже посылай к Акиму, береги мальчика! Читает он мою книжку?

— Наизусть шпарит и сам вирши плетет, — довольно ухмыльнулся дед.

— Ну иди, Евсеич, путь неблизкий, иди! — протянул руку комиссар. — Чайком так и не побаловался, но ничего, если встретимся, пельменями угощу!

— Спасибочко! Прощевай, Максим, и тебе добра, Звездочет!

— И поглядывай, дед! Понял! — вслед сказал черноусый. — Око, око не закрывай!

...Следующей ночью к избушке лесника подошел человек. Цезарь был снаружи, но не лаял. На стук в окно из избы вышел Евсеич. Он переговорил с пришельцем, и тот растворился в темноте леса. Вернувшись в избушку, Евсеич сказал:

— Тебя, Борис, приказано отправить на первый кордон. Недалече, но спокойней. Пока поживешь, а с okazji на Большую землю... Нам, Петро, тоже сматывать отсюда надо. Злобствует поганый Штрум. Завтра по утряночке все вместе и двинемся.

ПОЛИГОН

Придумав подрывную площадку при полигоне, Штрум поспешил доложить о своей идее высшему командованию. Идею одобрили. По этому поводу Штрум даже устроил ужин для подчиненных офицеров, на котором хвастался: «Даже толстокожий буйвол долго не протянет, если на хребтину ему, как вечного спутника, посадить костлявую!»

За один день близ полигона расчистили снег, огородили площадку колючей проволокой и стали свозить разорвавшиеся бомбы. Разложив несколько таких снарядов на площадке, Штрум направил к ним военнопленных, которые не поддавались даже допросам третьей степени, утаивая, по его мнению, очень ценные сведения. Пленный красноармеец или партизан с баночкой керосина, молотком и зубилом в руках приседал около бомбы и бил по боковине взрывателя, пока не поддастся за-

ржавленная резьба или у опушки леса на флагштоке не поднимется белое полотнище — знак прекращения работ.

В первый же день произошло два взрыва, а через неделю их было уже двенадцать.

На сигнальной мачте полигона затрепыхался белый флаг. В сопровождении ефрейтора Крица и автоматчика Михаил Корот ступил за колючую ограду площадки. Преодолевая озноб, он поднял воротник и засунул холодные ладони в рукава шинели. Прерывистая поземка посвистывала, поднималась около воронок, белая осечь запутывалась в рыжих клочках волос, торчавших из-под слабо замотанных бинтов. Желтую полоску бровей не прикрывала повязка на лбу, левый глаз спрятался под сине-зеленым опльвом, правый смотрел угрюмо. Штрум обещал не бить «тельенка», но потом передумал и приказал «пощупать» его. Корот ступал неторопливо, оставляя за собой глубокий рубчатый след на занесенной снегом тропинке. Пленные, побросав работу, легли на снег, только у одной воронки, верхом на авиабомбе, сидел молодой красноармеец с петлицами артиллериста.

— Откуда, браток? — обратился он к Короту.

— С неба. Раненого взяли.

— Видно, что не со свадьбы, хотя белизна на тебе подвеченная. Как там? А? — заискрились глаза артиллериста.

— Ну, ты, морда, замолкни! — гаркнул ефрейтор.

Пленный схватил пригоршню снега, проглотил ее, сладко причмокнул и занес тяжелый молоток над головкой взрывателя бомбы.

— Будешь орать, гад, подниму твою душонку вон к той кудрявой тучке! Как там? — снова спросил он.

— Недолго, друг...

— Форверст! — толкнул Корта в спину автоматчик. — Шнель! Шнель!

— Скоро услышишь басок своих гармат, артиллерист!

— Болтать ты горазд, посмотрим, каков в работе! — съехидничал ефрейтор и показал на пятисоткилограммовый фугас. — Вот малютка! К вечеру должен отвинтить ее жало. Кстати, она с балансиром, так что обнимешься с богом раньше, чем тебе хочется!

Корот, не собираясь работать, посматривал на ржавое полузасыпанное грязным снегом сигарообразное тело

бомбы и не заметил, как после ухода немцев с реи упал белый флаг. Над головой свистнули пули из сторожевого дзота.

— Рано помирать собрался, браток! Стучи,— услышал он крик соседа,— а то скосят за милую душу.

Корот присел у бомбы, взялся за молоток и зубило.

— Она ж с балансиром, вдарь — и часовой механизм заработает!

— Хрен с ним! Ушко прикладывай, затикает — вон сколько укритий,— кивнул на ямы артиллерист.— Сверху вниз бей, а не продольно. Да и везли же ее сюда, не боялись!

— Работаешь на совесть?

— Второй день вкальваю. Вчера не отвинтил, измордовали и жрать не дали. Ты делай удар по гайке взрывателя и два удара по резьбе для предохранительной крыльчатки. За это тебе, конечно, врежут, но бомбу испортишь. У них сейчас туго с этими гостинцами. Да не вставай с места, убьют!

К вечеру сильный ветер понес колючий снег параллельно земле. За метелью скрылся из вида сторожевой дзот. Корот натер керосином руки, но задубевшие пальцы все равно отказывались сгибаться, тогда он отбросил в сторону обжигающее холодом зубило, плюнул, поднялся и неуклюже затоптался, замахал руками, согревая одеревеневшее тело.

Так он плясал с полминуты. Жесткий удар в спинушиб его, перебросил через фугас в воронку, он услышал громовой раскат, и сверху на голову шмякнулись два больших кома мокрой земли.

Помедлив, Корот выполз по сыпучему снегу наверх. На краю воронки стоял артиллерист, мял в руках шапку. Снег сек его лицо и быстро таял на впалых заветренных щеках.

— Бомба ахнула в двухстах метрах,— сказал он.— Там работал тоже летчик.

Затарактел, прожег метель желтоватой трассой крупнокалиберный пулемет из дзота, красная ракета врезалась в молочное небо. Разрывая вихрящуюся белизну, бежали солдаты. Их гортанные крики душил ветер. Пленных собрали в кучу, погнали в барак на окраину Федосевки.

Барак — бывший коровник. Густой запах прелой соломы и навоза вырвался из темного проема открытых ворот. Входили, держась друг за друга. В коровнике темь. Подтолкнутый сзади Корот споткнулся и упал на колени. Услышал голос: «Ползи вправо». Не в силах встать, он на четвереньках продвинулся немного, нащупал солому и опрокинулся на спину. «Ну, вот мы и в стойле!» — сказал тот же голос. Корот вытянул ноги, закрыл глаза и сразу уснул.

Потревожил артиллерист.

— На кормежку, браток! Бифштекс с жареным лучком и кофю подают!

Между стойлами ходил солдат, зажигал фонари «летучая мышь». Второй у входа наблюдал за пленными, держа автомат на изготовку. Рядом в черном кожаном, отделанном по краям серебристым каракулем, стоял переводчик, ефрейтор Криц. Заложив руки за спину, он исподлобья поглядывал на оборванных, грязных людей, жадно поедающих коричневую бурду. Выждал, пока облизанные миски и котелки сложили в стопку у двери, ткнул пальцем в одного из пленных.

— Вот ты со мной, живо!

— После каждого взрыва Штрум проверяет нашу психику,— криво усмехнулся артиллерист.— Особенно достается пацанам, таким, как ты, летун.

— Не дерзи, дядя,— предупредил Корот.

— Ух ты, мухты-почемухты, сохранился еще духот! — засмеялся артиллерист.— Тогда ничего, тогда покопнишь небушко! А вчера один не вернулся.

— Убили?

— Зачем? Сам взорвешься. Не вернулся, значит, продался. Чу! Топают!

Сначала в дверь влетел военнопленный и растянулся на полу, за ним солдат. Ефрейтор вошел последним. Высмотрев Корта, сказал:

— На допрос. Быстрой!

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ЗВОНКОМ

Оберштурмфюрер Штрум после бессонной ночи дремал в кресле. Ныли костяшки пальцев, разбитые о лица упрямых смертников. Мычат, а должны визжать, свиньи! Не спалось, конечно, из-за другого. Уж больно распояса-

лись лесные бандиты. Плодятся не по дням, а по часам. Вооружаются. Подбираются к горлу. И на фронте не светит: пришлось вернуть коммунистам Воронеж, Касторную, Элисту, Армавир, Майкоп и много других городов по всему фронту. Если так будет продолжаться — скоро последний звонок!

И, будто подтверждая его мысль, затрещал телефон. Штрум вздрогнул, вскочил.

— Да-а! — пробурчал он в телефонную трубку, протирая глаза. — Слушаю, господин штандартенфюрер! Вы чем-то озабочены?

— На нашу долю не выпало еще счастья быть благодушным, — отвечала трубка. — Но, к делу!

— Слушаю! — вытянулся у стола Штрум.

— Есть указание верховного командования о сборе всех карательных отрядов в районе Гомеля. С лесовиками пора кончать. С фронта нам подбросят некоторые воинские части.

Пора кончать! Давно пора. Уже несколько раз солдаты Штрума, усиленные батальонами жандармов и полициями, пытались громить партизанские отряды. Были крупные победы, восторженные репортажи, ящики с медалями и крестами для солдат. Но очень многие получили кресты березовые. Отряд «Свобода» дважды уничтожали почти до последнего человека, вешали даже женщин и детей из обоза, а через месяц сотня партизан сбила охранный взвод арсенала в райцентре Дорожки и вывезла все оружие. С развороченного конька крыши склада боеприпасов был снят тяжелораненый партизан, почти мальчишка. Он ушел на тот свет, не приходя в сознание, но из бреда поняли: раненый — партизан бригады «Свобода». Бригады! Это случилось не так давно, но Штруму казалось, что со времени его блестящих побед прошла вечность. Если раньше он прочесывал лес походя, солдаты шли туда со смехом, шуточками, то теперь солдаты требовали шнапса, совались в лес только поддержанные бронечастями и артиллерией. Если раньше красных обкладывали батальоном обычного численного состава, то теперь окруженным со всех сторон чувствовал себя Штрум.

Трясла по ночам лихорадка неуверенности, и поэтому он решился слегка возразить начальству:

— Вопрос мы решаем не в первый раз.

— Надеюсь, в последний.

— Ясно!

— Когда прижмешь осу, она жалит. Надо принять кое-какие меры. Исполнение поручаю лично вам.

— Слушаю!

— Усильте охрану аэродрома и подъездных путей. Выньте из своего носа занозу.

— Понял! Этот отряд...

— Вчера у вас было жарко. Вы не доложили.

— Простите, не успел. На седьмом километре подорван эшелон с горючим, в Дмитровке повешен староста.

— Плохо! Скверно работаете, Штрум!

Штрум позеленел. Хорошо штандартенфюреру сидеть в Гомеле под охраной полка СС и давать указания по телефонной ниточке. Чтоб дотянуться до его горла, рука красных должна быть длиной в сотню километров. А здесь невидимая намыленная петля все время витает у двери.

Черта с два — невидимая! Староста из Дмитровки, наверное, успел ее разглядеть. Вот уж полгода Штрум держит аэродром бомбардировочной авиации и... «плохо работаете!»

— Я стараюсь, гос...

— Помолчите! Как действует ваш полигон?

— Мы дали на аэродромные склады восемьдесят бомб, годных к употреблению.

— Если будет необходимость, полигон уничтожьте!

— Сделаю, — неохотно ответил Штрум.

— Пленных ликвидировать! Неразряженные бомбы взорвать!

В жарко натопленной хате жужжала муха. Она покрутилась у потолка и села на стол.

— Хоп! — накрыл ее ладонью Штрум.

— Почему молчите, Штрум? — гремела трубка.

— Не надо тратить патроны, господин штандартенфюрер. Пленных загнать в штабеля бомб и... — Штрум выразительно щелкнул пальцами.

— Смотрите сами, — не очень уверенно вырвалось из трубки. — Ваши замыслы на ближайшие дни? Я имею в виду акции против партизан?

— Пока не подойдут части, действую по известному вам плану. С начала месяца засылаю в лес егерей-снайперов по два-три человека. Очищаю...

— Ладно. Докладывайте. С богом! — Из трубки послышался длинный гудок.

Штрум облегченно вздохнул, сел, откинулся на спинку кресла.

НА КОРДОНЕ

В покосившейся бревенчатой избе, построенной лесорубами еще до семнадцатого года и подновленной партизанами, топилась печь. В цинковый патронный ящик налили бензин, смешанный с маслом, и подожгли. Смесь долго и жарко горит. Прямо на полу, застланном еловыми лапами, сухими листьями и шинелями, спали партизаны.

Борис Романовский сидел на ящике около двери. Перед ним — трехногий грубо сколоченный стол. На столе разбросанные части пистолета «парабеллум», ручные тиски, напильники, молоточек. Рядом светильник из медной гильзы зенитного снаряда. Холодный воздух из-под двери шел парком. Унты Бориса покрылись инеем. Он задумался, остановив взгляд на сосновых бревнах домика. Вздрагивало пламя, и крупитчатая янтарная смола на лесинах отливала золотом. Худое землистое лицо Бориса сумрачно. Опустив глаза, он взял надфиль и тиски с зажатым в них бойком, зябко поежился под кожухом.

Из угла домика донесся шопот.

— Не спишь, Петя? — спросил Борис.

— Еще сочинил. — Петя сбросил шинель с головы, встал, осторожно перешагнул через спящих, подошел к столу. На стене заколыхалась косматая тень от его головы. Борис положил руку на остренькое плечо мальчика:

— Стихи — это здорово, Петушок. Выгоним фрицев с нашей земли, и дяди, которые печатают газеты и журналы, будут просить у тебя: «Петр Иванович, что-нибудь из фронтовых, пожалуйста!» Пиши. Не пропадет.

За дверью хрустнул снег под ногами караульного, следом мягкая поступь собаки. Петя, сонно улынувшись, потерся щекой о плечо Бориса и пошел на свое место, снова закутался в шинель.

В слюдяное окошко влезал рассвет. Снаружи залаял Цезарь. Возились, кашляли на полу партизаны. Запахло махорочным дымом.

В избу вошел Евсеч. На белом полушубке цветастый женский передник.

— Дежурный!

Борис повернулся к нему.

— Доброе утро, Калистрат Евсеч!

— Не совсем добре... Крупы осталась толика. Бурак готовлю. Лосятины малость... Надо топать в Дмитровку за провиантом.

— Будить ребят?

— Подъем! — тонко заголосил старик. — Вставай, соколики! — И, толкнув одного партизана валенком, вышел за дверь.

Люди поднимались быстро, споро одевались. Евсеч принес котелки с пареной свеклой, расставил их на столе и ящиках с гранатами. Котелок на троих. Перед каждым положил ломтик ржаного хлеба. Снова вышел и вернулся с противнем. На нем коричневой горкой парили большие куски лосятины. Сочный кусок Евсеч положил на крышку котелка и подставил Борису.

— Пока не буду. Спасибо. — Борис затянул ремнем кожух и вышел. К нему подбежал Цезарь. Овчарка ласково заглядывала в глаза, крутилась у ног.

— Вперед!

Цезарь метнулся на протоптанную тропинку. Шагов через сто она вывела на широкую длинную просеку. Между деревьев укрыты сосновыми ветками стоял немецкий истребитель «мессершмитт», случайно захваченный партизанами на месте вынужденной посадки. Сдавшийся без сопротивления пилот показал единственный дефект — рваную пробонну мотора.

Два дня, вымаливая себе жизнь, пилот подробно рассказывал Борису об особенностях самолета, показывал управление, систему вооружения.

Борис решил попробовать взлететь на «мессершмитте». Рисковые партизаны одобрили затею. Среди них нашелся бывший авиамеханик. Он демонтировал радиатор, увез его в деревню, километров за двадцать от заставы, и привез запаянным. Петя достал красной краски и нарисовал большие неуклюжие звезды на крыльях. Но неожиданно вернулся отсутствующий два дня Евсеч.

— Замарай щас же! — наступал он на внука. — Не хочу я еще одному хрест тесать! Замарай!

— Да пусть,— вступился Борис.— Я кружок над лесом сделаю и сяду.

— А ты отойди! Нет моей воли на поднятие!

— Да бросьте, Калистрат Евсеич! — Борис поставил ногу на скобу крыла, собираясь забраться в кабину. Старик придержал его за ремень, сказал негромко:

— Я стрелять буду, парень. Ты запомнил, что все твои действия только с моего благословения могут стать. О первый пенек нос расквасишь. Да и не летчик ты... ведь на тросу только и можешь.

Борис замер. От обиды кровь прихлынула к лицу. Нога соскользнула с подножки, он потерял равновесие и больно ударился боком об острую кромку крыла. Закрыв глаза, постоял минуту и услышал тихий, участливый голос старика:

— Што, себя хотел спытать?

Евсеич угадал тогда затаенную думу...

Борис подошел к «мессершмитту», залез в кабину. Цезарь прыгнул на крыло, положил лапы на борт.

— Что, Цезарь? — потрепал Борис собаку.— Ведь можно на этом драндулете летать, драться, можно домой. Вот и ржавчина уже,— погладил он ручку управления.— И мы еще летаем. Махнем к облакам! Так, что ли, добрая душа?

Цезарь взвизгнул и заскреб лапами по обшивке фюзеляжа.

— Не порть самолет, гавкало! — толкнул в мягкую пушистую грудь собаку Борис.

Подбежал запыхавшийся Петя.

— Иду в Федосеевку к дяде Акиму. Завтра будем пленных освобождать, Боря! — радостно сообщил он и протянул тетрадочку.— Пусть у тебя пока будет. Ладно?

— Сохраню. Иди спокойно, Петух! Торопись, а то метель разыграется.

О плане освобождения пленных с полигона он знал. Завтра ночью отряд произведет налет на аэродром. Шуму будет много. Все силы немцы подтянут туда. А в это время на другом конце деревни Аким Грицев снимет часового и выведет пленных в условное место.

Провыв ночь, метель утихомирилась под утро. В избушке гремели оружием: чистили винтовки, проверяли автоматы, набивали диски патронами. Борис выбирал из

ящика гранаты — ему впервые разрешили участвовать в бою. В полдень все партизаны кордона должны выдвигнуться к Федосеевке и там соединиться с основными силами отряда.

Евсеич оставался на базе для подсчета продовольствия, реквизированного этой ночью в Дмитровке со склада полиции. Он сидел за столом и, громко с хлебывая, пил чай из блюдечка, поставив его на три крючковатых пальца. Горка крупного сахарного песка покоилась на тряпичке, и каждая крупинка, прежде чем исчезнуть во рту Евсеича, осторожно клалась на высунутый язык. Старик пил «вприкуску» и неотрывно глядел в окно на просеку, по которой должен возвратиться внук от Акима Грицева.

Вот глаза Евсеича посветлели, прищурились. В конце просеки показался лыжник. Евсеич встал, ребром ладони протер окно. Петя упрямо отталкивался палками, дышал парно, меховые края завязанной шапки покрылись инеем, и курносое лицо румянилось в белом пушистом кольце.

По промерзшим гулким стволам сосен будто шелкнул цыганский кнут. Отзвук рассыпался по лесу падающей дробью. Не доехав до избушки, Петя замер с выдвинутой вперед ногой. Недоумение и боль широко распахнули глаза. Он стоял, и в уголке рта пузырилась слюна, превращаясь в крупную красную горошину. Потом привязанные к рукам палки взметнулись, лыжи стали накрест, мальчик упал.

Евсеич окаменел. Разогнуться, закричать не было сил.

К Пете подбежал часовой. Второй выстрел уложил его рядом с мальчиком.

К двери метнулся партизан — механик. Только он выскочил наружу — хлестнул третий выстрел. Партизан вполз в избу, зажимая ладонью пробитое плечо.

— Оцарапал, стервь!

В избушке затихли, притаились.

— Снайперы,— разомкнул белые губы Евсеич.

— Такой фокус был наемни у соседей. Ох, мать твою! — ругнулся партизан-механик на товарища, перевязывающего ему рану.

В блокированном немецкими снайперами домике два окна и дверь. Одно окно и вход явно простреливались.

— Набьем чучело и проверим второе окно,— предложил Борис.

Партизаны быстро насовали в шинель соломы, привязали шапку к воротнику. Ударом приклада выбили раму и начали медленно высовывать чучело. В лесу тихо. Слышно, как осыпается с верхушек деревьев тяжелая изморозь. «Оживляя» чучело, партизаны ждали минут пять. Выстрелов не было.

— Отсель можно. Дозвольте, сигану? — спросил маленький коренастый партизан и, как мальчишка, шмыгнув носом. На него напялили немецкую каску, сняли гранаты с пояса. Сам он стоял недвижим, позволяя товарищам трудиться над его экипировкой.

— В случае чего, не забудьте Ньюрку с ребятишками, — попросил он, передернул затвор поданного ему автомата и без разбега, вытянув руки вперед, нырнул в окно. Только он упал в снег, как пуля, срикошетив от стальной каски, впилась в стену внутри избышки. Партизан ужом скользнул в сугроб...

Кровавый шар солнца вылезал из-за леса. Снег на поляне перед домиком розовел.

— Наряды услышали выстрелы и скоро подтянутся сюда.

— Давайте все сразу выскочим, — предложил кто-то.

— Не пойдет! — отрезал Евсеич.

— Петушок, може, жив!

— Не гавкай, я сказал! — Старик яро выпятил глаза на говорившего, потом сник головой и с хрипотцой вымолвил: — Повыше вылезет солнышко, и той кукушке, што держит дверь, дюже плохо глядеть будет. Их две. Углы прицеливают. Примечайте, примечайте, где они сховались.

Из глубины избы партизаны осматривали каждое дерево, каждый куст. Евсеич, сидя на корточках, через открытую дверь сосредоточенно разглядывал группу высоких сосен, особенно одну, с пушистой кроной, старую. С нее можно было обстрелять две стороны избышки. Цезарь лежал рядом с хозяином, наострив уши и поскуливая. Солнце поднялось над лесом, заискрило снег.

Эх, сплеховал, внучек, сплеховал, — бормотал старик. — Пушаю собаку!

— Положат, — угрюмо откликнулся Борис.

— Она по глухарям сноровиста. А пропадет — не зря. Думка есть, вон в той кудели кукушка хоронится. Черновата сосна промеж других. Пошел, Цезарь!

Собака прыгнула и, пластаясь по снегу, быстро проскочила поляну.

— Гляди! На дубу! — зазвенел молодой голос от окна. — Шевельнулся гад, снег стряхнул. Давай сюда, Евсеич!

— Держи его на глазу, а мы шас и второго уловим, — откликнулся старик, наблюдая за овчаркой.

Цезарь покружился между деревьев, встал под большой сосной и, сдирая когтями кору, бешено залаял. Евсеич протер тряпичей обойму с патронами и загнал ее в магазин снайперской винтовки.

— Ну, внучек, благослови... Пусть кто-нибудь выполняет за дверь.

— Зачем?

— Примануть кукушку.

— Так убьет ведь! — вскинулся партизан-механик.

— А ты не бойсь. Солнышко вылезло прямо на него. Он будет целить на ползущего, а я узрю блестку от стекла, возьму чуток вправо и влеплю ему в зенку.

— Узрю-у... Чудишь, старик. Ладно уж, я все равно ранетый! — Механик начал двигаться, но Борис остановил его и лег у порога.

«Самое трудное — первый шаг, первый рывок. Ну же! Ты уже высунулся, и все глядят на тебя! Ты не трус, ты не трус, ты не заяц, Борька!» Механик схватил замешкавшегося Бориса за унт. Унт вырвался из его рук.

— С ума спятил, дед! А если опоздаешь? Вернись, пилот, мы фрица залпом возьмем!

— Возьмешь его за стволом. На дуру рассчитываешь. Ползи, ползи, сынок. Спокойно, словно баштан оббираешь... Ползи, милай... — Евсеич вытер от слезы веко правого глаза и приник к оптическому прицелу. И еще три винтовочных ствола вытянулись к черной сосне, под которой бесилась собака.

Борис полз. Вот он посреди поляны. Его кожих желтым пятном выделялся на снегу. Что было под кожихом, знал только он. Вместо тела большая вздрагивающая мишень. Палец снайпера на спусковом крючке. Палец мягко давит. Снег горячий. Вязкий горячий снег...

— Вернуть его, вернуть, — шевелил губами механик и отсчитывал движения рук пилота: — Четыре, пять, шесть...

Борис полз. Почти автоматически двигались руки и ноги. Раздвигая лицом снег, он чувствовал напряжение сжатой в затворе пружины, стремительный рывок бойка, его удар по капсюлю патрона.

Раздался выстрел.

Борис вздрогнул, почувствовал: обожгло спину. Поднял голову, чтоб закричать. С кустистой верхушки сосны, осыпая снег, летело вниз что-то белое. Первый выстрел догнали еще три. Они подстегнули, Борис вскочил, кинулся к упавшему с дерева немецкому снайперу.

Срезая ветки кряжистого дуба, затрещали плотные автоматные очереди. Второй снайпер неуклюже спрыгнул и спрятался за стволом. Мелькнули концы лыж. Из сугроба поднялся маленький партизан в каске. Снайпер, пригнувшись, побежал. Партизан неторопливо прицелился, нажал спуск и удовлетворенно крякнул.

Сильно припадая на левую ногу, Евсеч торопился к внуку. Опередив Бориса, он упал около мальчика, прислонился к его губам, потом суетливо начал искать рану.

— Жив?

Евсеч помотал головой, развязал шнурочки и снял с мальчика пробитую пулей ушанку. Борис опустился на колени. Он ласкал холодную голову маленького друга, чувствуя, что не может оторваться от смерзшихся окровавленных волос. Щекой приник к восковому лицу и замер.

Солнце, скользнув в проем набежавших облаков, смахнуло с леса густую синеву. Высоко в небе по-волчьи выли транспортные «юнкерсы». Редкой цепочкой они шли на восток.

Борис поднялся. Никто не заметил, как он отошел. Вскоре его скрыли деревья. Он медленно брел, натываясь на стволы. Ветки орешника ощупывали плечи, бросались снегом. Снег таял на лице, освежал. Борис продрался сквозь орешник, вышел к теплomu ручью. Прозрачная струя крутилась в обмерзших, оледенелых камнях. В струе отражалось небо. Его можно было схватить горячими губами, попробовать на вкус, вдохнуть запах. Тогда закрепится вера, что страху он больше неподвластен... Борис упал на колени и жадно глотнул воду.

Пяти шагов не дошел Петя до избушки. Но весть от Акима Грицева, спрятанная у сердца мальчика, нашла адресата...

В ПОРОХОВОМ ПОГРЕБЕ

С помощью артиллериста Михаил Корот утром еле вышел на полигон. А ближе к полудню на рее дзота взвился Белый флаг. Продолжая постукивать заостренным концом молотка по боеголовке бомбы, Корот не заметил подошедшего ефрейтора Крица с солдатом. Криц остановился позади артиллериста и, покручивая в пальцах винтовочный шомпол, подмигнул солдату:

— Старается!

— Ха-ха-ха! — загремел солдат, откинув голову и выпятив живот.

— Встать, русская свинья! — заорал Криц по-немецки. — Ты забыл о почтении, шукура!

Артиллерист поднялся с корточек и равнодушно уставился вдаль.

Криц орал в том же тоне, но уже по-русски:

— Все сорвалось. Леса обложили каратели. Связь с бригадой прервана. До завтрашней ночи ждать нельзя. Под утро полигон взорвут... Молчишь? — перешел на немецкий. — Я тебе покажу-у! — И с размаху обжег спину артиллериста шомполом. — Работать, немедленно работать!

Корот застыл с поднятым молотком.

Артиллерист сел, взял в руки инструмент.

— Не горюй. Как стемнеет, готовьтесь к побегу, — ворчал по-русски Криц. — Есть выход.

Он отошел от артиллериста, накричал на Короту и не спеша, с достоинством удалился. Михаил Корот удивленно смотрел ему вслед.

— Пушкарь, разжуй мне... Кто этот оборотень?

— Не понял? Наш он. Аким Грицев.

— А почему Криц?

— Так немцам легче и приятнее выговаривать.

... Ночью в бараке не спали. Прислушивались к каждому шороху на улице, к неторопливому шагу часового. Вот его окрик. Разговор. Приглушенный стон. Вошел Аким Грицев с автоматом и винтовкой в руках. Все повскакали с соломы, окружили его.

— Готовы? — И, подняв руку, он приглушил быстрый ответ: — Артиллерист, на винтовку. Тебя, кажется, взяли в Дмитровке?

— Точно, браток.

— Значит, окрестности знакомы... Поведешь группу. В Дмитровку не заходить: там воинская часть. Идите к фронту, сейчас это менее опасный путь. Вот немного харчей,— протянул он противогазную сумку.— И еще весть на дорогу: позавчера фельдмаршал Паулюс сложил оружие в Сталинграде! Прикончили там немчуру!

— Ур-ра!

— Тише! Ти-ше, говорю!

— Есть, браток! Дай я тебя расцелую... Пошли, ребята!

Аким повернулся к Короту:

— Над тобой здорово поработали, парень. Душа-то держится? Обузой будешь ребятам в походе, а задержатся из-за тебя — значит погибнут. Парашютом управлять умеешь?

— Двенадцать прыжков.

— Тогда...— Аким понизил голос до шепота и что-то коротко объяснил.— Понимаешь?

— Когда он летит?

— С рассветом.

— Согласен! Но нельзя ли как-нибудь передать «привет» Штруму?

— Насчет его я уже получил приказ, недолго жить гаду! Пошли.— И Аким взял Корта под руку.— Что... сам? Крепок ты, медведь!

Корот вышел из барака, вдохнул свежий морозный воздух, увидел звезды, чистые, яркие, и еще раз глубоко вздохнул. Свобода! Следуя за Акимом, он прятался в тени от домов и быстро перебегал серебристые лунные дорожки.

— Тише! Здесь ползком. Нас ждут у самолета, вон в той будке.

Полз Корот трудно, ныла отбитая грудь, вывернутая в плече рука плохо слушалась, он сильно подгрел только правой и отталкивался ногами, тихонечко постанывая.

Они ползли от околицы деревни по аэродрому к стоянке самолетов, пытаясь слиться с желто-черным снегом. По стоянке шарил луч прожектора, будто подметая ее, вычерчивая китообразные силуэты «Хейнкелей—111».

— Бегом! — приказал Грицев, когда луч уполз в сторону.

Они рванулись к ящику из-под авиадвигателя, превращенного в будку для мотористов. Юркнули в маленькую дверь. Их встретил шепот:

— Аким?

— Мы. Как дела?

— Часовой — на том конце стоянки. Подвижный пост еще не выходил из караулки. Провода от электромотора мы вывели наружу.

— Одежка?

— Есть.

Михаилу Короту дали отдышаться, сунули в руки ватный комбинезон и эрзац-валенки с портянками из шинельного сукна. Он переоделся в темноте, затянул на плечах лямки маленького пилотского парашюта.

— Готов? — ощупал его Грицев.— Пошли!

Проклиная луну и служаку-прожекториста, они выждали удобный момент и перебежали к ближайшему самолету.

Под широкими крыльями «хейнкеля» — густая темнота. Моторист покопался у выступа кабины нижнего стрелка, нашел концы проводов, скрутил их одним витком. Тихое жужжание электромотора внутри фюзеляжа пригнуло Корта к земле, но он сразу выпрямился.

— Иди сюда. Полезай. Удержишься? — В карман Короту сунули кусачки.— Не вырони, перекусишь тросы.

Три полутонные бомбы прощупал над собой Михаил Корот. Ухватился за среднюю. Холод от нее жег кожу. Ныли мышцы разбитого плеча, слабли кисти.

— Упаду, хлопцы!

Плечами его приподняли, поддержали.

— Зацепись ногой!

Тихо заворчал электромоторчик. Створки бомболюка пошли вверх, мягко придавили спину.

— Счастливо добаться! — услышал он голос Грицева.

— До встречи, други!

Теперь он лежал в металлических листах бомболюка, слегка прижатый ими к сигаре, начиненной тротилом. Попробовал развести руки. Дотянулся до ветрянок средней и правой бомб, пощупал тросики предохранительных чек. Передвинулся влево. Коченеющие пальцы скользну-

ли по округлости третьей бомбы: предохранителя на боеголовке не было, ладонь лежала на оголенном диске взрывателя. Это была бомба с «полигона смерти», может быть, одна из тех, на которых сам Корот испортил резьбу. Он с силой дернулся, стараясь повернуться на живот. Боль во всем теле отрезвила. «Эх, забыли про варежки!» — подумал и засунул в рот ледяные кончики пальцев...

Под медленными, неторопливыми шагами заскрипел снег. Выждав несколько минут, томительных и долгих, в которые хочется стать маленьким, как мышь, Корот устроился поудобней, спрятал руки в карманы и затих. Комбинезон еще сохранял тепло, его нужно было использовать для отдыха. Разные мысли лезли в гудящую голову, больно стучали в висках, и, чтобы отогнать их, он начал считать про себя: «... шесть, семь, восемь... Дошел ли тогда Вовка? Спать! Сорок, сорок один... Вовка бы сказал: «Ты хорошо устроился, Боцман, в трюме на пороховых бочках!» Спать! Двес... Опять шаги часового. Сбил их со счета! Надо снова: раз, два, три. Спать! Спать! Спа...»

Послышалась команда запуска моторов. Будто ток прошел от дрогнувших век до застывших пяток Короты. Открытые глаза выхватили светлый бок бомбы. Около самолета слышалась гортанная речь, тархтел, удаляясь, мотор автомашины, с металлическим скрежетом захлопнулся люк фюзеляжа. Заверещал стартер. Корот отважился пошевелиться. Тело казалось чужим, пальцы рук и ног одеревенели. Восстанавливая кровообращение, он согнул ногу и зацепил валенком за обшивку. От этого еле слышного звука что-то холодное и пустое подкатило к груди, как на качелях, резко летящих вниз: Сердце, громко стукнув, затихло...

В это время Аким Грицев, заночевавший в караулке, вышел на улицу и увидел грузовик с четырьмя эсэсовцами. Машина, резко тормознув, встала у аэродромных ворот, солдаты остались в кузове, а из кабины выскочил Штрум.

— Открывай!

— Пропуск? — спросил часовой.

— Я тебе дам пропуск, дурак! — Штрум оттолкнул солдата и схватился за веревку шлагбаума.

«Неужели пронюхал? Откуда? А если моторист? Да нет — верный парень! Может быть, поймали кого-нибудь из бежавших, и тот слышал наш разговор с планеристом?» Аким взглянул на гудевший моторами самолет, на Штрума, явно рвущегося на стартовый командный пункт. «Кажется, настало время исполнить приговор штаба бригады», — и Аким поднял автомат. От первого выхлеста огня Штрум охнул, схватился за живот, сел к колесу и обхватил его руками. Аким повел стволом в сторону самолета. Пули запели выше застекленной кабины, одна пробил форточку. Испуганный пилот рывком двинул вперед сектор газа, стараясь быстрее подняться в небо. Выпустив последние пули в солдат, Аким метнулся за угол караулки, но из окна хлестнул одиночный выстрел. Аким с простреленной грудью упал...

Моторы взвыли, и самолет резко качнуло вперед. Движение воздуха очистило бомболюк. Михаил Корот глубоко вздохнул, энергично заворочался. Дрожь обшивки стала мельче. Инстинкт авиатора подсказал: еще усилие — и крылья лягут на воздух.

Корот ворочался, превозмогая боль. Ногам стало лучше, пальцы рук пришлось покусать, чтобы заставить их подчиняться. В бомболюке запахло сыростью.

Прячась за тучами, тяжелый бомбардировщик крался к русскому городу, скрывая под коричневой скорлупой тонну взрывчатки.

Два заиндеветших цилиндра не страшны. Их тросики, идущие к чекам предохранительных ветрянок, легко перекусить, и тогда взрыватели не сработают. А что делать с третьей бомбой? У нее нет предохранителя, и легкое касание земли вызовет взрыв. Вот если сейчас ударить кулаком, даже кулаком, все полетит к черту в преисподнюю!

Михаил Корот вынул из кармана кусачки и перекусил тросы к предохранительным чекам двух бомб. Теперь они — железные болванки. Он протянул руки вдоль туловища, давая возможность крови притечь к пальцам.

Говорят, в минуты опасности вспоминается прошлая жизнь. У кого как. Михаил Корот мысленно редко возвращался далеко назад. А если и вспоминал, то прежде всего вечно небритую рожу колхозного учетчика Вьюна.

В первые дни войны Михаила призвали в армию. Через полгода его нашло письмо из Оренбурга, куда

ушли с Украины родственники. Весть была тяжелой: старого Тараса повесил бывший учетчик колхоза полка Вьюн, мать умерла, выбираясь с родственниками из немецкой неволи.

Поганый Вьюн!.. Самолет с воем прорывался сквозь облака, и штурман уже, наверное, рассчитывал боевой курс.

Корот протиснулся в левую часть бомболюка. «Трюм явно маловат для моей казенной части, но я достану тебя, жаба!» Он нащупал паз между ударным диском, похожим на большую пуговицу, и корпусом взрывателя. Если заклинить паз, ударник, соединенный с диском, не разобьет детонатор.

Окончив дело, он почувствовал, как ледяной ветер, гуляя по его убежищу, жжет мокрое от пота лицо, лезет за шиворот.

Луч яркого дневного света скользнул в бомболюк. Светлая полоса медленно ширилась. На головке бомбы, под ворсом инея, Корот разглядел большое ржавое пятно. Росинкой сверкнул перекушенный обрез тросика. Михаила Короты потянуло набок, и он механически схватился за корпус бомбы. Осветились все темные уголки. Он еще крепче ухватился за бомбу и будто оторвал ее. Лениво колыхнувшись, она пошла вниз.

Над головой промелькнуло грязно-серое брюхо «хейкеля». Самолет как-то странно перевернулся, и Корот увидел землю. В то же время он конвульсивно оттолкнулся. Острый стабилизатор бомбы вильнул у лица. Свободное падение продолжалось недолго, ровно столько, чтобы бомба ушла подальше. Рука нащупала вытяжное кольцо парашюта. После гула самолета давила странная тишина. Невдалеке круглились облачка зенитных разрывов с прожилками огня.

Что-то прорвалось в ушах, и небо загрохотало. Корот несся к земле. Он падал на город, почти в центр его. Горошины-домики превращались в квадраты, вытягивались цепочкой. Тело рванул раскрывшийся купол парашюта. Маленький, из красного шелка, он раскрылся грибочком. От динамического удара слетели эрзац-валенки. Но это уже пустяк. Есть ли что-нибудь теплее родной земли?

К РОДНОМУ БЕРЕГУ

— Планеристам готовиться к отъезду! На сборы двадцать минут! В третий отряд! Шмотки в сани! — кричал дежурный партизан, обходя землянки.

Лес окутывали сумерки. Планеристы до наступления сплошной темноты торопились сдать автоматы и пистолеты на склад бригады. Оружие оставляли партизанам. Пилоты прощались с товарищами, дружба, с которыми завязалась под разрывами немецких мин, в дерзких рейдах по гитлеровским тылам. Ломались, как спички мосты, черные грибы дыма поднимались над нефтехранилищами, приводились в исполнение приговоры над предателями, спасались от фашистской злобы советские люди. Ко многим ратным делам народных мстителей приложили свои руки и пилоты. И вот настал час, когда по приказу с Большой земли их собрали на полевом аэродроме одного из отрядов, чтобы отвезти домой. Возвращались не все. Над погибшими не былоobelisks, а иногда и земляного холмика, толстый слой снега хранил тайну их могил. На авиабазу передавались комсомольские билеты, и к каждому из них командир бригады приложил скромную партизанскую медаль.

Владимир Донсков ехал на розвальнях с тремя товарищами. Лошадью правил разведчик по прозвищу Звездочет. Он попыхивал цигаркой, и крупная махра, раскаляясь во время затяжек, освещала жгут его толстого черного уса.

— Большая Медведица! — мечтательно произнес он, поглядывая на небо.

По редкому подлеску они объезжали большую поляну. Ездовой спрыгнул на снег, вел лошадь на короткой узде: если лошадь заржет, крепкая рука зажмет ей храп. Монотонно поскрипывали полозья. Тяжело дышал в оглоблях немецкий битюг, еще не привыкший к партизанским повадкам. Хрустнула неосторожно задетая промерзшая ветка.

Миновали поляну, и усач снова вскочил на облучок.

— Осталось версты три, ребята, и приедем к нам. У меня просьбица. Разрешил комиссар по письму сочинить. Написал я, да много что-то листков получилось, цельный блокнот трофейный исчеркал. Не возьмет ли

кто из вас? Дома запакуете поудобней и сунете в почтовый ящик или еще как там...

— Давай, дядя,— сказал Донсков. Усач покопался в недрах своего тулупа и протянул ему объемистый пакет.

При подъезде к полемому аэродрому их остановили, прощупали всех фонариками, приказали вылезти из саней, идти пешком. По узеньким тропкам, в затылок друг другу, они шли минут сорок, пока не услышали громкий, нетаившийся голос:

— Э-эй! Поворачивай на огонек! — И в темном воздухе закачался фонарь.

Их окружили люди, подходили близко, рассматривали лица. Одно, круглое, беловатое, возникло перед Донсковым, помаячило и вдруг радостно воскликнуло хриплым баритончиком:

— Вовка! Друг! Живой!

Узнал Донсков голос. Узнал, крепко обнял Бориса Романовского, прижался губами к его холодной колючей щеке.

— Тебе бриться пора, Борька! — не нашел других слов Донсков и провел рукой ласково по отросшей щетине товарища.

— Пошли! — потянул за руку Романовский. — Наши все недалеко. Сложили шалаш и алакают в нем. Там тепло. Пошли, Володя!

Борис привел друга к неуклюжей хижине, сложенной из сушняка, и, откинув дерюжку у входа, они вошли. Донсков не сразу рассмотрел сидевших вокруг маленького костра, но пожимал руки до боли в пальцах. Первым он ясно различил лицо лейтенанта Дулатова, обложенное шикарнейшей черной бородой, а потом узнал в разнородной публике и других пилотов своей эскадры. Вопросы к вновь прибывшему властно пресек Дулатов:

— По порядку, друзья! Каждый рассказывает по порядку! Самолет придет не раньше полуночи, так что времени хватит. Досказывай, Романовский!

— Ну, о том, что после отцепки я не выдержал курса по своей дурачности, я признался. Как грыз землю и закапывал груз, уже рассказал.. Про Петь-Петушка тоже. Мальчика схоронили ночью, тайком, на сельском кладбище, рядом с его матерью. Вот про Мишу Корота ничего больше не знаю. По донесениям Акима Грицева,

держался он крепко. Фашист Штрум из него ничего не выколотила. Полигон немцы взорвали. Говорят, вместе с пленными.. Я не командовал, как Коля Санталов и Миша Данилин, взводом, не ходил в разведку, как Толя Старостин или Иван Пещеров.. Чинил оружие. Бойки точил, пружины вил, мины разряжал, тол из бомб выплавлял, ну и другое, по мелочи. Один раз только вылезал с партизанами, да и то за жратвой.. Все!

— Донсков, твоя очередь. Коротко,— сказал Дулатов и прикурил от уголька трубку с вырезанной мордой черта на чубуке. Оглядел, какое впечатление на ребят произвела трофейная новинка.

— ... Я про Бодмана сначала. Он оказался стоящим товарищем. Когда мы попали в заградогонь, буксировщик отцепил меня и поплыл домой. Самолет Миши Корота тоже повернул, но Миша отдал концы, догнал меня, и мы вместе нашли подходящую бухту. Нас прибило совсем не к тому берегу, и нужно было искать выход. Им был только курс на партизанский лагерь. Мы не договаривались, но как-то так получилось, что капитаном стал Миша. Он послал меня и сказал: «Надо!» В нашей дружеской клятве сказано: «Вернусь живым и отвечу: сделано!» Я вернулся с партизанами. На месте планеров зияли две огромные ямы. Перед Мишиным окопчиком — замерзшие трупы немецких овчарок. Мы изучили следы на месте схватки. Его не взяли на abordаж! Его схватили тяжелораненым или оглушенным. С километр волокли по лесу до дороги и увезли на машине. Вот память о нем: перчатка с правой руки, разодранная осколком гранаты. Я вышел к партизанам шестого отряда, у них и остался.

— Чем занимался в отряде? — последовал тихий вопрос.

— Не перебивать! — оборвал Дулатов. — Продолжайте, Донсков.

— Похвастаться нечем. Со мной были еще двое, и нас берегли. Говорили, таков приказ. Использовали на связной работе между группами, иногда мы ходили в села. Не брезговали и кухонной работой: я перечистил тонны три картошки, не меньше. Когда выполнял задания по связи, искал отца. Никто не слышал о Максиме Борисовиче Донкове? Нет?..

— Может быть, кто слышал? — спросил и Дулатов. — Нет? Подумайте, а я пока скажу несколько слов.

Он передвинул из-за спины на живот маленькую кобуру, вынул из нее никелированный, почти игрушечный пистолет, о его рукоятку выбил трубку. Горячий комочек табака зашипел в снегу. Говорить начал торжественно:

— Во-первых, поздравляю вас. Молодцы! С заданием справились, не посрамили чести крылатого воина! Мне как командиру доверили штабную работу. По ее специфике я был в курсе почти всех ваших дел. В моем поряжении находилась радиогруппа. Постоянная связь с Большой землей окрыляла. Сам командир бригады провожал меня, подарил на память вот этот именной «вальтер»! Всех вас представили к медалям «Партизан Отечественной войны» второй степени. Это высокая награда! И прямо скажем: заслуженная! Мы участвовали в большом деле: ведь, по неполным данным, за это время партизаны Гомельского района только на четырех железнодорожных ветках, ведущих к городу, подорвали семь тысяч сто тридцать два рельса и пустили под откос двадцать поездов с живой силой и военной техникой немцев! Но, оказывается, многого я не знал. О повороте буксировщика сержанта Короты и о самовольной отцепке Костюхина слышу впервые.

Донсков слушал лейтенанта, и ему казалось, что говорят не его инструктор, а совсем-совсем другой человек. Пафос речи, значительность взглядов посуровевших глаз, новые жесты, резкие и энергичные, выделяли его, поднимали над группой притихших сержантов.

Ровным, хорошо поставленным голосом продолжал Дулатов:

— Сейчас обстановка такая: немцы пытаются ликвидировать партизанский район. Предстоят тяжелые бои. Они уже начались! Нами рисковать не хотят. Мы нужны. Может быть, возвратимся сюда еще раз. Скоро придет транспортный Ли-два за детьми и ранеными. Восемь мест наши... Вопрос: передавал ли кто из партизан вам письма? Если да — немедленно сдать мне! Сами понимаете: военная цензура не отменена. В письмах могут оказаться нежелательные сведения. У кого есть?

— У меня, — сказал Донсков и вынул из-за отворота комбинезона пакет черноусого возницы. Прежде чем от-

дать Дулатову, он нагнулся к костру и прочитал адрес: «Саратовская область, дер. Озерки. Колхоз «Красная новь». Бастраковой Мариулле Андреевне». Первым желанием Донскова было спрятать пакет, но Дулатов уже тянул руку.

— Донсков, почему ваша тройка в кубанках, где летные шлемы потеряли?

Сняв с головы, Донсков помял жестковатый мех кубанки провел ладонью по голубому сукну донышка.

— С партизанами поменялись, им в шлемах и спать теплее, и воевать удобней.

Несколько минут разговаривали планеристы, показывали друг другу партизанские «сувениры», делились впечатлениями, кое-кто не удержался от хвастовства. Но постепенно ожидание самолета становилось томительным, многие примолкли, слушали небо.

— Боря, может, споешь ту... про сокола? А? — попросил кто-то из темного угла.

В свете костра розовато блеснул лакированный бок домры. Борис подворачивал колки, настраивал инструмент. Установилась полная тишина.

— Эту песню пел один партизан на нашем кордоне. Его застрелил снайпер, — сказал Борис и тронул струны домры:

Промахнулся сокол по пернатой дичи,
Грохнулся на землю с лету без добычи
И разбился насмерть, в муках умирает,
Взор слезою застит. Небо кровью тает.
Не лета глубокие погубили, нет:
Умирает сокол в самом цвете лет...

Грустно выводил песню хриловатый баритон. Догорал костерок в шалаше, и угли тускнели, как глаза убитого.

— Все на костры! — долетел снаружи зычный крик.

Планеристы повывезали из шалаша, заторопились к кучам хвороста, разложенного на поляне. Вскоре послышался гул моторов большого самолета. Он тенью выскочил из-за ближних деревьев, прогрохотал над вспыхнувшими кострами и ушел на второй круг. Шум моторов утих, потом снова усилился. Посадочные фары прорезали ночь, светом умыли поляну. Черные фигурки людей убежали с площадки к лесу. Раздался глухой удар, будто пустое огромное корыто бросили на землю. Огненные

глаза машины моргнули, закрылись. Моторы журчали мягко, успокаиваясь.

Наступила тишина. Секунда, другая — и она взорвалась радостными криками людей...

КРУТЫЕ ДОРОГИ ОТЦОВ

ПИСЬМО

Ключ лежал на старом условленном месте под раскохшейся кадкой из-под огурцов. Когда-то они с отцом гудронили ее, присаживали обручи. Владимир вынул ключ, подержал на ладони, будто взвешивая, неторопливо вставил в замочную скважину.

В квартире все было по-прежнему. В полутемной кухне лежалым хлебом. Запах появился в начале войны, когда мать, сохраняя каждый оставшийся кусочек, сушила его и клала в картонную коробку. Коробка с помятыми боками стояла на подоконнике и сейчас. Владимир заглянул в нее: пуста.

В передней комнате остановился у шкафа с ажурными переплетами стекол. Шкаф сработал его дед Кузьма, столяр-краснодеревщик. Раньше мать запирала в шкафу сладости. В довоенное время здесь вкусно пахло халвой, в фаянсовой вазочке лежали конфеты. Теперь шкафчик источал запахи прогорклого масла и селедки.

Владимир выложил из оттопыренных карманов шинели на стол консервы, галеты, сверточек с мармеладом. Разделся до пояса и пошел на кухню умываться. Мать застала его склоненным над раковиной. Она обхватила его за плечи, повернула, короткими поцелуями осыпала мокрое лицо, потом сорвала с гвоздя махровое полотенце и, смеясь, стала вытирать его, растирая тело до красноты, любясь мускулами, касаясь пальцами родинок, которые, по ее словам, были точно такие же, как у отца. Она вытащила из комода отцовскую нижнюю рубашку, чуть припахивающую нафталином, сама надела ее на сына и непритворно удивлялась, что рубашка маловата. Откуда-то вынула заветный флакончик одеколona и щедро налив пахучую жидкость в ладонку, похлопала ему волосы.

Вечером Донсковы сидели за праздничным столом, пили цветочный чай. Маленькая шустроглазая Майя,

пользуясь тем, что мама с братом увлеклись разговорами, потягивала с тарелки мармелад. Владимир рассказывал о партизанах. Раньше он представлял их жизнь полной борьбы и романтики. И то и другое есть. Но есть еще голод, лохмотья и вши, холодные берлоги временных землянок, одна сигарка на десятерых, одна винтовка на троих.

— Володя, ты, помнишь, рассказывал мне о семье Бастряковых? По работе я несколько раз была в «Красной нови» и познакомилась с ними, с матерью и дочкой. Чувствую, тебе будет неприятно, но должна сообщить, что Аэлита вышла замуж и сейчас здесь, в городе.

— Замуж?

— А почему нет? Девушке пошел двадцатый годик. Я сначала пожурела ее за дезертирство с колхозного фронта, а потом подумала: семью сейчас создать трудно, и если полюбила хорошего парня, что ж, пусть живут на здоровье. Плохо только, что она вот уже месяц не поступает на работу, говорит, муж не разрешает... Ты чего не пьешь? Остынет... Ты вспоминал о ней?

— Все время помнил, мама... Не пойму, как в наше время можно запрещать человеку работать? Что он за птица... ее муж?

— Не знаю. Говорила, что он настаивает, чтобы она закончила десятилетку и поступила в консерваторию, обнаружил у нее хорошие музыкальные данные.

— В войну? Музыка? — Владимир резко отодвинул стакан, чай выплеснулся на скатерть. — Извини, мама! Подростки, пяти-шестиклашки, гнутя у станков, вкалывают по две смены...

— Успокойся! Отдай должное и работникам искусства. Ты слышал концерты Утесова, Клавдии Шульженко? Только по радио? А жаль! Шульженко частый гость во фронтовых частях, и ее «Синий платочек» нужен бойцам как хлеб и патроны. Ты, как и отец, бывало, занимаешь всегда крайние позиции и считаешь только их правильными. А жизнь сложнее. Она не может измеряться личным аршином... Как живы и здоровы твои друзья?

— Нормально. — Владимир кивнул на сестренку. Глаза у Майки закрывались, она клевала носом в сложенные на столе руки. Мать перенесла вялую девочку на кровать. Уже засыпая, Майя пыталась поцеловать

брата, но только обмусолила ему нос. Он накрыл ее по шейку одеялом.

— Цветных тебе снов, Майка-фуфайка! Только пусть не снится серый волк.

— Володя, что-то тебя мучает, что-то ты недосказываешь? — спросила мать, когда они снова сели за стол.

— Не из-за Литы расстроился?

— Да нет... Все как надо, вроде бы. Об отце вестей никаких?

— Ну, наконец-то! А я все ждала, ждала, когда ты спросишь. Сегодня утром заезжал в райком майор Маркин, передал мне письмо. Между прочим, из той почты, которую привез ваш самолет.

— От кого?

— От отца!

Владимир как замороженный смотрел на ее руку.

Ему казалось, что рука медленно, очень медленно опускается за отворот кофточки, выплывает оттуда. К кончикам пальцев приклеен белый треугольник. Он поднимает белые крылья, превращается в квадратный лист. С листа соскальзывает маленькая фотокарточка. Владимир цепко хватает ее. С фотографии на него смотрит нерусский солдат в очках.

— Кто это? — подбрасывает он фотокарточку на ладони, будто она жжет ему пальцы.

— Отец.

Владимир внимательно разглядывает очкарика. Чуть сдвинутая к уху пилотка с широким белым кантом. Сбоку на ней жестяная эмблема в виде листа. Отличительный знак итальянских горных стрелков. На лбу две темные глубокие морщины. Под круглыми стеклами очков глаз не видно, только два скошенных световых блика измазали стекло. Большой нос с горбинкой, слегка разомкнутые тонкие губы, широкий подбородок с ямочкой посередине. На узких погонах — лычки ефрейтора. Петлицы обвиты шнуром, на них непонятный расплывчатый знак. Подбородок и нос — отцовские, остальное — чужое.

Владимир бросил фотографию.

— Ты хочешь сказать?..

— Читай, — протянула мать письмо.

Отец жив. Их часть, состоявшая в основном из саратовцев, попала в окружение. Сноп огня перед глаза-

ми, тупой удар — вот что помнит отец. Очнулся в погребу. Почти месяц отлеживался в сырой яме между кадучек с соленьями. Ему до сих пор чудится в каждом запахе запах квашеной капусты. Он просит запомнить имена его спасителей. Первый отпуск после войны проведет у них, милых стариков, потерявших все, кроме погреба и сарая над ним, но сохранивших главное — веру в Советскую власть, в ее незыблемость.

Если они получили похоронку на него, то пусть сберегут до его возвращения — «почитаем, посмеемся, порадуемся вместе после победы!» Пусть не смущает их фотография. Это — бракованное изделие партизанского фотографа.

Теплое, хорошее письмо прислал отец, а в конце приписка специально для Владимира:

«Дорогой сын, моя надежда и гордость!

Я знаю про тебя многое. Ты был рядом, почти рядом. Нас разделяли пятьдесят километров. Но мы не могли встретиться, потому что эти километры лежали между партизаном и мнимым итальянским солдатом. Но все-таки товарищи помогли мне послать писмецо. Все запомни, чтобы рассказать моим внукам о годах сороковых. А главное, помни: ты Донсков! Казак Ипат, пугачевец — твой прадед, дед — соратник Пархоменко, второй дед — побратим Кочубея, твой отец и мать, верь, горячо любят Родину. Если что случится со мной, будь головой в семье.

Как хочется мне вас видеть! Обнимаю.

Максим Донсков.»

— Был рядом. Он был со мной рядом, — с горечью произнес Владимир. — Как же так, ма-ма? Совсем рядом!

Тогда они не знали, что эта весточка от отца последняя. Пройдет много лет, но никто не сможет им рассказать, где и как он погиб, в какой могиле захоронен. Останется только память. Вечная память в семье. И в редакции областной газеты, где он работал перед войной, вывешат мемориальную доску с фамилиями воинвожурналистов, отдавших жизнь за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Десятой в траурном списке будет фамилия Максима Донскова.

МАЛЕНЬКИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Все, кто возвратился из вражеского тыла, написали боевые рапорты. Каждый планерист обрисовал цепь событий и своих ощущений, начиная с полета аэропоездов и кончая посадкой транспортного Ли-2 на родном аэродроме. И хотя в описаниях преобладали факты, действительную картину событий понять было трудно.

Рапорт лейтенанта Дулатова сух, четок и краток. Эскадра боевых сцепок шла точно по намеченному маршруту. При подходе к ориентиру отцепки планеров он четырехкратным включением прожектора подал команду: «Приготовиться!» Не прошло и минуты, как аэропоезда подверглись обстрелу зенитных батарей. Самолеты-буксировщики увеличили интервалы, но продолжали выдерживать курс. Увидев голубые контрольные огни партизанского аэродрома, лейтенант включил фару, что означало «Отцепиться!», и в сторону аэродрома выпустил ракету. Точно на площадку партизан спланировали четыре планера из девяти. Неподалеку на лес приземлились еще два, и с них снят груз. В боевых действиях партизан участвовали семь планеристов. Он не видел, но, по рассказу других, правофланговый первого звена взорвался в воздухе. В плен попал Корот Михаил Тарасович.

К рапорту Дулатов приложил письмо начальника штаба партизанской бригады, в котором тот рассказывал о поведении планеристов в отрядах и благодарил за оказанную помощь.

Полковник Стариков и майор Маркин с группой штабных командиров пытались по рапортам, а потом и в личных беседах воссоздать действительную обстановку полета планерной группы. Кое-кто из сержантов сомневался, что они точно шли по маршруту, некоторые не видели световых команд лейтенанта Дулатова, не все разделяли оптимизм Дулатова в том, что «буксировщики продолжали выдерживать курс». В конце концов стало ясно: некоторые летчики, попав в зону заградогня, не имея боевого опыта, растерялись, помешали планеристам четко выполнить задание. И все же задача решена: партизаны получили необходимое. Оставалось неясным происшествие с аэропоездом Костюхин — Донсков, и

нужно было разобраться в поведении Михаила Короты.

— Давайте еще раз проанализируем рапорты старшего лейтенанта Костюхина и членов его экипажа. Ведь на борту «хейнкеля» летели четверо! — предложил Маркин.

Полковник Стариков достал из папки донесения полуторамесячной давности. В сущности, они были одинаковы. Командир корабля Костюхин утверждал, что в момент обстрела одна из зенитных гранат разорвалась в непосредственной близости от самолета и осколки перебили трос. Планер оторвался, не долетев до места расчетной отцепки всего пять-шесть километров. То же самое подтверждали штурман и верхний стрелок. Нижний стрелок писал, что, увлеченный наблюдением за землей, ни взрыва около самолета, ни отрыва планера не видел.

— Странно! — сказал Маркин. — Не видеть ночью огня или хотя бы не ощутить...

— У некоторых людей в минуту опасности наблюдается психологическое торможение, скованность, их восприятие окружающего неконкретно и субъективно. — Стариков сложил бумаги, сунул их в сейф. — Возвратившись, Костюхин сдал на склад буксировочный трос, вернее, часть троса с номерной самолетной заглушкой. Об этом на его донесении есть пометка старшего инженера. Как видите, все нормально. С сержантом Донсковым нужно просто объясниться... Другое дело — сержант Корот. Его судьба в наших руках.

— Не понимаю.

— Вам лично могу и обязан рассказать о странных обстоятельствах появления Короты в одном из прифронтовых городов. Во время бомбежки он выбросился из вражеского бомбардировщика с парашютом во всем немецком.

Маркин внимательно слушал полковника. Михаил Корот упал на крышу двухэтажного дома и чудом удержался на карнизе. Его сняли дружинники и отвели в милицию. Оттуда передали в отделение НКВД. На всех допросах Корот твердил одно: он совершил побег при помощи партизана Акима Грицева, работающего у немцев «переводчиком», и еще одного партизана — моториста. Ни имени, ни фамилии его он не знает.

— Человек — бомба! — задумчиво произнес Маркин.

— Существование партизанского разведчика Грицева подтверждено. Вернее, бывшее существование. Грицев убит в тот же день, в который Корот выпрыгнул из немецкого самолета. Моториста, якобы содействовавшего побегу, не нашли. Как видите, все не в пользу вашего сержанта. И в то же время есть косвенные доказательства, что сержант Корот вел себя в сложных обстоятельствах мужественно, не поддавался на уговоры, провокации, выдержал пытки. Подтверждают товарищи, спасенные тем же Грицевым с «полигона смерти». Подтверждает один из немцев-летчиков со сбитого самолета. Он слышал о грубом и упрямом пилоте с советского планера, украинце, которого гестапо пыталось завербовать... Теперь Корот здесь, в Саратове. Нужно распространить о нем ваших ребят, майор.

— Вы с ним разговаривали?

— Да. Мне кажется, он искренен. Кажется... но это плохой аргумент в нашем деле. Нужны веские и прямые доказательства.

— Не будем медлить. Давайте сейчас же вызовем сержанта Донкова и других.

— Не надо. Поговорите с ними пока неофициально, по-товарищески, Вадим Ильич.

— Хорошо, Федор Михайлович. Постараюсь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В то раннее морозное утро прилетали с боевого задания самолеты-буксировщики. Где-то за линией фронта от них отцепились планеры, и самолеты возвращались на базу только с тросами, с длинными, невидимыми издалека, тонкими стальными хвостами.

Самолету с «хвостом» садиться нельзя — трос может захлестнуть какое-нибудь сооружение на земле, и машина, мгновенно потерявшая скорость, клюнет носом. Для сброса тросов отвели место за границей аэродрома, выложили соответствующий знак из белых полотнищ. Летчики, пролетая над знаком, на высоте ста метров отцепляли тросы, и они, извиваясь и поблескивая, падали, подсекая живыми кольцами снежный наст. Один за другим заходили на сброс буксировщики, снижаясь до знака и карабкаясь вверх после него. Похоже, на учебное бомбометание. Некоторые производили маневр с

шиком, очень красиво. Чтобы тросы, сброшенные в одно место, не перепутались, к знаку подвезли группу курсантов и с ними старший инженер послал Мессижника. Курсанты в промежутки между заходами самолетов оттащивали упавшие тросы в сторону, а Мессижник следил за точностью падения («клетчики устали, если ошибутся в расчете, заметьте, где упадет трос») и проверял номера.

«Хейнкель» снизился над знаком, а потом ушел в набор высоты, как и предыдущие самолеты, но... трос не сбросил, а только имитировал сброс. Курсанты заволновались. Послышались реплики:

— Без веревки пришел!..

— Потерял?

— А может, планер где-то бросил?

— Да не-ет, — докладывали по радио, — все в порядке.

— Надо сказать комиссару...

— Глаза пошире откройте! — Это уже уверенный голос Мессижника. — Вон же над бывшим гречишным полем сверкнул! Просто штурман ошибся, рано дернул замок, как на втором самолете.

Ошибку штурмана самолета, заходящего вторым, все видели.

— В ажуре, ребята! — успокоил Мессижник. — Смазывают тросы на барабаны, а тот я потом найду.

Прогудел над знаком последний самолет, и курсанты побежали оттащить вновь упавший трос.

Скатав тросы и поставив барабаны рядком, курсанты ушли к ангарам. Мессижник, сев в присланную полуторку, поехал на поле, где «блеснул» трос с «хейнкеля». Примерно в том месте, куда указывал Мессижник курсантам, он нашел трос и зацепил его за автомашину. Но только один, тот, который сбросил второй самолет, трос же с «хейнкеля» искать не стал — знал раньше: его здесь нет.

Летчики, зарулив самолеты на стоянку, не торопились уходить. Уставшие, но довольные, что возвратились с боевого задания, они сошлись в небольшую группу и, мешая говорить друг другу, отчаянно жестикулируя, делились впечатлениями от необычного полета.

Летчики не думали об этом, они радовались, что живы, что выполнили с честью сложное задание, что стоит

погожий ясный день, а ночь, страшная ночь, канула в небытие.

К каждому командиру самолета подходил, прихрамывая, худенький, улыбающийся Мессижник, протягивал ведомость, положенную на фанерку, и командир, почти не глядя, веря только указательному пальцу Мессижника, расписывался в графе о сдаче троса с таким-то номером — с номером, который он увез в тыл врага и привез обратно. К обязательной процедуре относились легко и беззаботно еще и потому, что из тех немногих полетов, которые были сделаны в тыл к партизанам, никто еще из буксировщиков без троса не возвращался, поэтому и командование не осуществило строгий контроль, а поручило собрать тросы тому, кто их выдавал, — заведующему складом запчастей и подсобного оборудования вольнонаемному Мессижнику.

Мессижник дал расписаться всем командирам, кроме Костюхина. К тому даже близко не подошел.

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

Костюхина ребята смогли увидеть только через неделю: он был в командировке, получал для отряда новый самолет.

Донсков с Романовским поднялись на второй этаж. Романовский резво нажал звонок и не отпускал, пока не открылась дверь. Выглянула женщина в цветастом халате с закрученными на голове бигудями.

— А, Володенька, Боря, заходите, заходите, пожалуйста!

— Аэлита!

Не ожидал Владимир увидеть на этом пороге Аэли-ту. Кто она теперь Костюхину, жена, подруга... Побеле-ла, пополнела. На руке, которая прежде нежно гладила его щеку, — золотой перстень.

Усиленным воли подавив вспыхнувшую злость, Влади-мир спросил:

— Сапоги снимать или так пропустите, сударыня?

— У нас неубрано, проходите, ребята! — Аэлита пошире распахнула дверь и приглашающе вытянула руку, на ее лице не было и тени смущения.

— Мы, собственно, на randevu с Юрием, — галантно поклонился Борис и шаркнул ногой.

— Вижу, вижу, издеваешься, Боря. Чем заслужила?

А, — она махнула рукой, — проходите. Юра, Юра, к нам гости!

Донсков вошел вторым, Аэлита тронула его за плечо:

— Рада, что возвратился!

Он дернул плечом, как обиженный мальчик.

Костюхин появился перед ними в домашнем халате. Чисто выбритый, немного похудевший со времени их последней встречи, он не удивился визиту, встретил сослуживцев неожиданно гостеприимно. Костюхин всегда относился к товарищам свысока, разговаривал тоном приказа или разбавляя речь обидными шуточками. А сейчас предложил снять куртки, повел в комнату.

— Лита, гостей принято встречать за столом, — ска-зал он, и она юркнула в кухню. — Присаживайтесь, друзья.

Все трое сели за круглый стол. Пока Аэлита накры-вала скатерть, расставляла рюмки и закуску, молчали, не смотрели друг на друга. Аэлита поставила тарелку с хлебом, одернула угол скатерти и сказала:

— Все, мальчики. Больше ничем угостить не могу.

— Конечно, стол бедноват для встречи героев неба, но я думаю, гости удовлетворятся. Грибочки, лук в уксу-се, спиритусвини, — приговаривал Костюхин, разливая по рюмкам. — Ну, по первой, за ваше возвращение! А потом за награды, наверное, а?

Парни держали руки на коленях, ладони будто при-клеились, смотрели мимо улыбающегося хозяина.

— Чего же не берете?

— Эта женщина ваша домработница или жена? — кивнул Донсков на стоящую у двери кухни Аэли-ту.

— Законная жена, — Костюхин подчеркнул первое слово. — Ее организм алкоголя не принимает. Лита, мо-жет быть, пригубишь? Символически, так сказать?.. Не хочет... Придется одним мужчинам. Ну, по лафитничку!

— С чужими не пьем! — угрюмо выдавил Борис. — Кол проглотить приятней.

— Лита, выйди! — резко бросил Костюхин.

— Вы, конечно, догадываетесь, зачем мы пришли? — спросил Донсков.

— Представьте, нет...

Костюхин все помнил. Правда, со временем в нем крепла надежда, что планеристы не скоро вернутся и,

если все обойдется благополучно, забудут об инциденте.

Он всегда считал себя сильным, волевым и если не бесстрашным, то и не трусом. Когда разорвались первые снаряды «эрликонов», он не дрогнул, руки спокойно лежали на штурвале, ну, может, чуть покрепче стиснули его, самолет шел по курсу, как на туго натянутой нитке. Потом взрывы приблизились. Нужно было произвести противозенитный маневр. Попытался и не смог. Под огнем противника вместо рассредоточения аэропоезда сходились, необстрелянные летчики жались друг к другу. Может быть, и не все, но справа и слева «хейнкель» подпирала аэросцепки, и Костюхину показалось, что вся эскадра сбивается в кучу, и в центре, как яблоко мишени, он Костюхин. А тут еще кто-то, нарушив радиомолчание, крикнул: «Мессеры!» Кого могли сбить в первую очередь немецкие ночные истребители, конечно, его, летевшего на трофейном бомбардировщике, сбить из-за престижа. Позже, узнав, что истребителей в небе не было, оправдывая себя тем, что это был его первый полет, обвинял начальство в слабой тактической подготовке летчиков, выискивал и другие причины. Но это позже.

У Костюхина воля оказалась слабее воображения. Он увидел себя на земле в языках пламени, услышал треск, почувствовал смрад пожара.

Воображение раскалывало голову: отвратительный запах бензина, горелого сукна продолжал заполнять его ноздри, горло... Все! Больше Костюхин выдержать не мог и дернул кольцо замка. Замок разомкнул железную пасть. Из-под хвостового обтекателя выпала заглушка с полукольцом и потянула трос вниз. Беспомощный планер остался в круговерти разрывов, а самолет ушел к земле и, таясь, повернул на восток. Уже за линией фронта, над каким-то черным безмолвным полем, он кружил невысоко и довольно долго, пока в светлеющем небе не увидел возвращающиеся самолеты эскадры и незаметно пристроился к ним. Так и тащился последним.

Планеристы вернулись. Вот они перед ним. Глаза уже не смотрят мимо, они уперлись в его лицо не моргая.

— Ситуацию помню, только вы трактуете ее упрощенно,— сказал Костюхин задумчиво.— Произошло вот что...

— Мы знаем вашу легенду о взрыве рядышком с самолетом и об осколке, перерезавшем трос. Поверил да-

же комиссар. Не было взрыва! Не прилетал осколочек! — быстро сказал Романовский.

— Подожди, Боря! — Донсков смотрел на Костюхина и удивлялся его холодному спокойствию.— Вам нужно пойти к командованию и все рассказать. Я не о вас пекусь. О тех, кого вы связали круговой порукой.

— Чушь! — Костюхин опрокинул в себя рюмку.— В лучшем случае, это шантаж. Ария не из той оперы! Скажите, для чего все придумано? Я сделал вам когда-нибудь зло? Давайте спокойно, не торопясь, выясним правду. Коснемся немножко и психологии.

Но парней не интересовали психологические нюансы. Юность видит жизнь черно-белой, оттенки приходят с возрастом. Со дня рождения их воспитывали на примерах людей с чистой совестью, внушали понятия о чести и высокоом долге перед народом, учили свято блюсти присягу. Прямолинейными и жесткими они не выросли, но главное чувство справедливости, правды, нетерпимости к подлецам откровенным — из них вынуть было нельзя.

— Правда одна, и вы ее знаете!

— Не горячитесь, Донсков. Вы можете доказать свою правду?

— Да, конечно...

Костюхин помолчал, он думал: «Какие же аргументы они могут привести? Неужели прижали Мессножника?» И оттягивал секунду, в которую все должно решиться, проговорил:

— Зря вы варите кашу из домыслов. Кстати, вам должны вскоре присвоить очередное воинское звание. Поздравляю заранее! — Костюхин выпил еще рюмку.— Может быть, закончим неприятный разговор? Аэлита!..

— Не нужна она тут,—остановил его Романовский.

Донсков вынул из полевой сумки тяжелую металлическую заглушку с полукольцом и положил ее на стол.

— Давно не расстаюсь. На железе выбит номер четыреста тридцать пятый. Перед отлетом вы расписались в ведомости именно против такого номера. Припоминаете? А на склад сдали другое кольцо. Ведь так?

Костюхин не мигая смотрел на заглушку. Протянул крупные тяжелые руки, взял ее. Понял на ладони.

— А если не отдам?

— От этого вам легче не станет.

Костюхин нянчил заглушку. Небольшой кусок железа, чуть ржавый. Бывает же, идешь по жизни солидно, беззаботно и вдруг спотыкаешься вот о такой маленький ржавый бугорок. Пилоты, сидящие перед ним, не знают, как он почти стоял на коленях перед товарищами, уговаривал их «запаматовать» происшедшее. Они промолчали и через несколько дней разными способами ушли от него в другие экипажи. При встречах не протягивают рук. Ждут. Ждут, как эти вот, когда он сам расскажет все. А чего выжидает он? Почему сейчас не встать и сказать: «Пошли к комиссару!»

Он помнит, как унижался перед Мессножником, как со стороны деревни, примыкающей к аэродрому, разгребая снег, сползал к оврагу, как терзал тупой ножовкой стальные нити выброшенного на свалку троса, понимая, что это не нужно Мессножнику. И когда пришел к тому с заглушкой, покрытой ржой и кровью с рук, кладовщик еще раз сыграл комедию: развернул ведомость, сделал вид, что сличает номер на заглушке с записанным, поздравил «с благополучным возвращением!».

Всю жизнь Костюхин мечтал высоко взлететь и в прямом и в переносном смысле. Хотел в авиацию, но родители заставили поступить в институт и закончить его. Он стал филологом, не потому, что любил литературу, он угождал родителям, получая высшее образование. Во всем городе дипломированных было немного.

Война нарушила размеренный ход жизни, но помогла все-таки попасть в авиацию. Но он уже не любил ее так, как в юности, она стала для него просто перспективным родом войск.

Костюхин посмотрел на заглушку. «Надо встать. Найти в себе силы. Но если я сознаюсь...»

— Вы представляете, чем грозит ваше обвинение моим товарищам по экипажу? — спросил он.

— Получат заслуженное. — Донсков помолчал, потом сказал просто, по-товарищески: — Повинную голову меч не сечет.

— Категорическое суждение золотой юности, — грустно улыбнулся Костюхин. — Лита! — крикнул он. — Гости немедленно уходят. Проводи.

Аэлита вышла из комнаты сразу, будто стояла за дверью. Взглянула на Донскова печально, проводила ребят до вешалки и вялыми руками подала куртки.

— Разговор возобновим через три дня, но тогда уже в другом месте, — крикнул Романовский Костюхину.

— Вы забыли на столе свое вещественное доказательство, — глухо донеслось из комнаты.

— На память вам, — сказал Донсков.

ОПЕРАЦИЯ „ТИХАЯ НОЧЬ“

АЭРОПОЕЗДА СБ — А-7

Солнце переплавало снег в весенние ручьи. Они умчались в Волгу, июньский жар подсушил их русла. В начале июля три зеленых транспортно-десантных планера «Антонов-7» загружались на взлетной полосе, бетонной, по краям которой стояла высокая сочная трава, плотно забившая аэродром. Красноармейцы войск НКВД с трудом вталкивали в узкую дверь одного из планеров огромный брезентовый мешок. Владимир Донсков осматривал буксирный замок. В белом подшлемнике, синем хлопчатобумажном комбинезоне, добротных яловых сапогах он выглядел внушительно. На широком ремне — кирзовая кобура с пистолетом, десантный нож. Горловыми ремешками приторочен ребристый танковый шлем.

Большое солнце, рассеченное тонкой грядой облаков, катилось к горизонту. На подножке разболтанной полуторки к планеру подъехал авиамеханик. Он прыгнул и помог красноармейцам вытащить из кузова автомашины несколько газовых баллонов, пучки тонких строповых веревок, квадратные маты, сплетенные из тонкой лозы. Все хозяйство перегрузили в планер. Механик сбросил на землю широкое трубчатое колесо с намотанным стальным тросом и один конец троса присоединил к буксировочному замку.

Владимир отошел в сторону, закурил. Стянул с вихрастой головы подшлемник, вытер им потное загорелое лицо, погладил пальцем редкие мягкие усики над потресканной сероватой губой. Дым от папиросы лениво тянулся вверх.

Послышался шум моторов. С дальнего конца аэродрома рулили три скоростных бомбардировщика, колеса не было видно, и казалось, они плывут по темно-зеленой воде. Выскочив на бетонку, самолеты красиво

развернулись перед планерами, прокатили немного и выключили двигатели. К их хвостам механики подцепили тросы. К Донскову вразвалку подошел маленький худощавый лейтенант в широченных галифе и кожаной куртке. Глядя снизу, спросил:

— Ты, что ли, старший? Здорово! Командир звена из Особой.

— Старшина Донсков!— представился Владимир.

— Карты маршрута в засургученном пакете, их могу раскрыть только за сорок минут до взлета,— лейтенант взглянул на часы,— еще шестнадцать минут томиться! Так к партизанам?

— Вроде бы.

— Ночка черная проклевывается, лети аккуратнее, хвост не оторви. Не дай бог, придется отцепить твою телегу.

Владимир вспомнил Костюхина. Рядового Костюхина, который в конце июня вернулся в свою часть с желтой нашивкой за тяжелое ранение и медалью «За боевые заслуги», Аэлита ждала его. Освобожденный по состоянию здоровья от воинской службы, он устроился по старой специальности на кафедру западноевропейской литературы университета. Встретил его Владимир на аэродроме. Костюхин почти грудь в грудь столкнулся с Владимиром в узком коридоре штаба. Остановился, долго, насупившись, смотрел в глаза, потом, протянув тяжелую руку, сказал: «Так и живи, парень!»

... Чего не отвечаешь?— услышал Владимир рассерженный голос лейтенанта.— Оглох? Какую высоту держите без кислорода?

— Больше пяти тысяч не набирайте.

— Та-ак...— Лейтенант взглянул на часы и выдернул из планшета большой серый пакет.— Еще две минутки, еще две минутки,— нетерпеливо повторял он, рассматривая пакет, и даже поднес его к остренькому носу, понюхал.— Вскрываю!

Отойдя в сторонку, Владимир посматривал на здание штаба, откуда должны подъехать его товарищи Романовский и Корот.

— Э-э!— лейтенант был разочарован и обижен как ребенок, получивший не ту игрушку, которая ему нравилась.— Здесь только курс и место отцепки! Стоп! Сам

додумался... После отцепки протопаешь без меня верст семьдесят, если по курсу, сядешь где-то в районе...

— Вас за любопытство родители не поролли?

— Бывало, вкладывали. А как ты догадался?— Лейтенант рассмеялся тоненько и радостно, будто вспомнил что-то приятное.— Ладно, старшина, семечек хочешь? Не желаешь, тогда я тебе свеженькую, совсем тепленькую новость подброшу: немцы с севера и юга рванулись к Курску. Что думаешь?

— Пупок надорвут. Июль сорок третьего — не прошлогодний июль!

— Пошел я с летчиками полет разыгрывать. Так не дергай меня за хвост, облаю... покедова!

Из сгустившихся сумерек неожиданно возник человек и негромко сказал:

— Пора! Нет ли каких вопросов, претензий?

— Никак нет, товарищ полковник!— вытянулся по стойке «смирно» лейтенант.

— Тогда к машинам. На предполетную тридцать минут. Взлет вам немного подсветят. Старшина Донсков, минутку! В планер рядового Короты я велел догрузить рацию и питание к ней. Обратный вылет по приказу отсюда. Возможно, придется работать открытым текстом, тогда знаком будет фраза: «Федор ждет в гости!» Запомнили? Ну, счастливо!— Полковник Стариков протянул руку и, когда Донсков пожал ее, рывком приблизив к себе юношу, обнял.— Повнимательней там, повнимательней, старшина!

... Белые капли огня пунктиром обозначили фюзеляж самолета. Зеленые и красные светлячки вспыхнули на концах крыльев. В стороне от бомбардировщика невидимый механик начал быструю отмашку фонарем. На миг бортовые огни пожухли в пыли, выброшенной из-под винтов. Владимир следил за качающимся фонарем. Вот отмашка замедлилась, значит, натянулся буксирный трос. Фонарь подпрыгнул вверх и замер. Мягкий рывок сдвинул планер с места. И сразу же Владимира неудержимо потянуло к спинке сиденья. Аэропоезд разогнался по гладкому бетону.

Перед отрывом озарились широкие распластанные крылья СБ, блестящий колпак стрелка-радиста, серебряная ниточка троса. Планер скользил над светло-серой

полосой бетона, чуть выше бежавшего впереди самолета. Вот и он поднял щучий нос, пошел в набор высоты. Светлый клин аэропоезда резал густую темень над пропавшей внизу землей.

Прожектор потух, вспыхнул еще дважды: взлетели воздушные сцепки Михаила Короты и Бориса Романовского.

На самолете вырубили строевые огни. Владимир сощурил ослепленные ночью глаза и, напрягшись, разглядел две желтые черточки — раскаленные выхлопные патрубки бомбардировщика. Теперь только они служили путеводными звездами.

Лезли в небо над затемненной Москвой по строгому воздушному коридору, лавируя между тросами невидимых аэростатов. Постепенно глаза привыкли к темноте, Владимир отличил горизонт, разглядел приплюснутый размытый силуэт самолета. Слабо подсвеченные приборы отмечали все движения планера, и, поглядывая на них, Владимир видел, как двухмоторный бомбардировщик тяжело тянет в гору полторы тонны груза, засунутого в деревянно-перкалевым каркас с крыльями. На концах раскаленных выхлопных патрубков двигателей огненными букетами висели пучки пламени, красно-желтые, будто живые. Поправив лямки парашюта, Владимир поудобнее устроился в кресле. Он вошел в ритм полета и уже без напряжения, почти механически держал впереди себя расплывчатый силуэт самолета-буксировщика. Вяловато расстегнул воротник комбинезона и гимнастерики, вытер ладонью шею и впадинку между ключиц, ладонь стала мокрой. Открыл боковую форточку кабины и с удовольствием хлебнул прохладный воздух ночного неба.

... Не было даже мечты о таком большом доверии ему и друзьям. Произошло все неожиданно. Пospешный вызов к полковнику Старикову. Черная эмка мчит их с майором Маркиным по улицам города. Быстрая проверка документов в вестибюле большого серого здания, и через минуту они в кабине, огромном, светлом, где на матово-белых стенах только карта военных действий и портрет Сталина в рост.

— У нас мало времени, поэтому сразу к делу, старшина Донсков. Нужно выполнить ответственное задание. Доверяем вам как человеку преданному, честному

и, что самое важное, имеющему две летные специальности. Задачу поставят в Москве. Нужно еще два планериста. Выбор кандидатур решил предоставить вам, учитывая, что самая надежная группа — это группа дружная. Все должны быть готовы на самопожертвование. Не скрою: обратного пути может не быть. Вы лично согласны?

— Да.

— Впрочем, вопрос условный, кроме вас, послать некого, а почему, поймете позже. Выбирайте еще двоих.

— Старшина Романовский, и на любое задание я пошел бы с Коротом Михаилом Тарасовичем.

— Невозможно! — сказал Маркин.

— Если я волен выбирать, настаиваю на кандидатуре сержанта Короты.

— Не горячитесь, Донсков. Правильно говорят: генерал думает, а солдат уже знает, — улыбнулся Стариков. — Полетит рядовой Корот, да — рядовой, пока рядовой. Пришли документы, полностью реабилитирующие его. Увидетесь с ним, Донсков, передайте, пусть всю жизнь молится на разведчика с партизанской кличкой Звездочет. Он раздобыл немецкие бумаги и нашел моториста. Могу сказать и фамилию. Ваш земляк Бастратов Иван Тимофеевич... На подготовку два часа. Самолет ждет.

В Москве им разъяснили задачу. Немцы крепко блокировали группу десантников, захватившую очень важные документы при разгроме одного из штабов рейхсвера. Документы стратегического значения. Их нужно срочно переправить в Москву, переправить быстро, ибо со временем они потеряют ценность. Пока все попытки оказались неудачными. Самолет там сесть не может: лес и болота. Немцы обложили десантников железным кольцом. Не дают выбросить окруженным боеприпасы и питание, сбивают самолеты. Кольцо сжимается. Планеристы доставят продукты, патроны, гранаты, чтобы десантники продержались до подхода крупного рейдового партизанского отряда. Но если партизаны и помогут красноармейцам, пройдет много времени, пока документы переправят через линию фронта, и время их превратит в ненужные бумаги. Противник добивается именно этого, мы же должны, обязаны использовать последний

шанс. Один из командиров, инструктировавший только Донскова, сказал:

— Пока у них не сели батареи, мы кое-какие данные успели получить, но это крохи. Главное — карты, схемы, разработки. Проникнитесь сознанием того, старшина, что это не просто бумага, это тысячи человеческих жизней, они будут в ваших руках.

Операции по вывозу документов присвоили название «Тихая ночь».

Планер подбросило. Владимир глянул за борт. Внизу маленькими горстками рассыпались огни. Они тухли, а потом будто снова кто-то раздувал погасшие угольки. Кабина стрелка-радиста тускло засветилась: знак пролета линии фронта. С интервалом в десять минут фронт пройдут и аэропоезда Романовского и Корота. На высотомере — четыре тысячи триста метров. Владимир вздохнул всей грудью — для его легких кислорода еще хватало, хотя и приходилось дышать широко открытым ртом. Тело становилось вялым, в голове пошумливалось, но это его не беспокоило — высота! Поддерживало сознание и гордость, что ему доверили такой полет!

Отцепка! Да, да, самолет повторно мигает тусклым хвостовым огоньком! До земли пять тысяч метров — пропасть без дна. Но нет, присмотришься, под тобой углубляется река. Два темно-серых рукава от примыкающих рек. Бери в руки рычаг буксирного замка. Дергай. Что же ты медлишь, дорогой?!

Тишина. Будто ватой заткнули уши. Теперь курс и скорость. Только они приведут к месту посадки. Самолет утонул, ушел на дно. И ты медленно погружаешься в ночь, скользишь по незримой дорожке к земле. Где и как она тебя встретит? Ударит бруствером немецкого окопа, сожмет гниющими лапами болота, расчешет жесткими пиками сосен или подмигнет веселым треугольником разложенных костров? Сейчас ты слушаешь тишину и думаешь об этом. Также настороженно всасывают звуки широкие раструбы немецких звукоуловителей. Может быть, их мембраны уже дрогнули от тихого свиста крыльев? А может быть, они слышат и тиканье бортовых часов, которое явственно слышишь ты? Не поднимаются ли навстречу ему тонкие стволы «эрликонов»?

Ты можешь встретиться с врагом раньше, чем думаешь. Ведь ошибись в курсе на градус — улетишь в сторону. Поиграешь со скоростью — не дотянешь до места, а подтянуть нечем, у тебя нет мотора, планерист. Замерев, ты слушаешь тишину. Возьми себя в руки. Расчет верен, природа не готовит сюрпризов. Пока все в порядке. Посмотри за борт! Только от тебя зависит увидеть на земле веселое пламя условленных костров. Время подходит. Высота уже мала. Может быть, ты промахнулся и стрела полета нацелена в сторону от мишени? Смотри внимательно, если ошибся — исправлять уже поздно. В остроте зрения ты сейчас не уступаешь зверю. Нет, нет, это тебе показалось! Смотри.

Смотри!

Не кусай губы, смотри!

Смотри обзорно! Вон, левее, светлый угольничек. Проверь — не ошибаешься? Да, не поворачивай пока планер! Он? Тогда подверни, да плавнее.

Сейчас уже нет тишины, ты заметил? Слышишь, как воздух струится по крыльям? Они рвутся вперед. Качаешь штурвал, и крылья повинуются, машут. Держи крепче. Твои крылья делают широкий круг над кострами.

Вспомни схему площадки. Поляна маленькая. Костры лежат на неровной плешинке. Ты должен сесть и оставить место своим друзьям. Если займешь площадку, они упадут в лес. Гаси скорость. Ты должен сесть «поворонь», гаси скорость! Включай фару. Белый штык вспорол темноту. Пошвыряй им, покопайся, поищи среди мохнатых сосен свою плешинку. Вот она! Теперь выпускай щитки. «По-воронь», чтобы шлеп — и на месте! Падай, падай прямо на костер, больше деваться некуда...

Планер разметал головни костра и врезался в сосны. Вспыхнула перкалевая обшивка. Десятки черных людских силуэтов метнулись к планеру, начали рвать обшивку и гасить пламя. Из ободранного полускелета кабины вытащили Владимира. На лбу лоскут кожи, лицо залито кровью с блестками приборного стекла...

Он очнулся от едкого запаха нашатыря, осторожно потрогал бинты на голове, скосил глаза на рядом стоящего человека — красноармеец держит обеими руками большую походную фельдшерскую сумку. В полусумраке не сразу разглядел его мятое стариковское ли-

цо. Вроде блиндаж, а скорее глубокая яма, накрытая неочищенными от коры стволами. Донсков приподнял, преодолевая слабость, сел. Углом к его топчану другой топчан с ранеными, впритирку чурбак с рацией, на другом чурбаке полевой телефон, лампа на доске, вбитой в земляную стену, еще на чурбаке сидит командир в гимнастерке, на плечах погоны с четырьмя звездочками. Няркая лампа светит сбоку, и худое скуластое лицо командира делится на две ровные черно-белые половины. Большая тень от него и мешала Владимиру рассмотреть фельдшера, который уже присел с ним рядом на топчан.

— Молодчина, старшина! Как себя чувствуешь?— не вставая спросил капитан.

— Где остальные планеристы?

— Сели нормально, только шишками отделались. Как себя чувствуешь, спрашиваю?

— Порядок,— ответил Владимир.— Неплохо бы чаю, да покрепче.

— Чаю нет, а вот медом богаты.

Не догадываясь, что это пароль, фельдшер удивленно смотрел на капитана: в группе не только меда, куска хлеба не сыщешь.

— Если можно, подойди к Жене,— сказал ему капитан.

Фельдшер подошел к топчану с ранеными, прислушался, поправил тонкое одеяло.

— Кажется, уснула.

— Наша санитарка,— сказал капитан Владимиру.— Сегодня ее мина крепко покусала, бедро в клочья...— И фельдшеру:— Выйди минут на десять, надо будет, позову... Твой груз цел, старшина, в полном порядке... Чаю просил, на!

Владимир сжал ладонями теплую алюминиевую кружку, глотнул кисло-сладкую жидкость.

— На ежевике с клюквой,— подсказал капитан.— Что будем делать с твоим хозяйством?

— Вывести подальше в скрытое место и выставить охрану.

— Пода-альше. Мы удерживаем кусок леса, да и то благодаря болотам с трех сторон. И охранять не от кого, побратала нас война. Сколько надо времени?

— Часа четыре.

— Значит, следующей ночью.

— А может быть, и позже, как сигнал получим.

С топчана долетел тихий стон, капитан поднялся, склонился над санитаркой с кружкой чая.

— Жень, а Жень?.. Во сне это она... Ты сказал «позже». Если это «позже» будет! Вашего груза хватит только на один хороший бой. Надежда на рейдовый партизанский отряд мизерная. Тяжело им пробить заслон. Правда, есть у меня проводник из местных, охотник, каждую болотину здесь знает. Но чем черт не шутит!

— Товарищи мои далеко?

— Я их на передовые посты послал.

— Сами попросились?

— Рад, что хорошо знаешь своих друзей, старшина.

К делу?

— Владимир встал, несколько раз присел.

— Конструкция вроде действует исправно,— с трудом улыбнулся он.— Пойдемте, товарищ капитан.

Командир тихо свистнул фельдшеру, тот спустился в блиндаж, а они поднялись по вырубленным в земле ступеням.

Затаившийся после посадки планеров темный лес ожил. То укорачивались, попадая на предмет, то удлинялись узкие яркие лучи фонарей. Стучали топоры. Росла куча веток. Вокруг многолетней кривококой ольхи спиливали деревья. Одно, падая, задело кого-то, и в приглушенный говор ворвался крик. Ольху очистили от ветвей, срезали верхушку, а в глубокую кольцеобразную зарубку на комле ввели петлю пенькового каната. Бойцы таскали на плечах газовые баллоны и укладывали их веером в центре вырубленной площадки. Сюда же осторожно принесли огромный мягкий мешок из брезента, тот, который привез Владимир. Он же и расшнуровал его, вытащил шланги, смотанные в кольцо.

Капитан тронул его за плечо.

— Светает.

— Маскируйте ветками. Займу от силы минут десять еще.— Владимир быстро прикручивал резьбовые заканцовки шлангов к баллонам, пробовал, легко ли открываются вентили.

Солнце залезло в зенит, нещадно сушило землю. Ветерок стаскивал с болот испарину, и она заполняла лес, превращалась в низкий зыбкий туман. Он тек, медленно

обволакивал стволы деревьев, будто хоронясь от солнца под растрепанными кронами.

В блиндаже командира затрещал полевой телефон. Грубый голос доложил: «Немцы группами просачиваются в лес. Не торопятся. Не стреляют».

— Говоришь, много?— переспросил капитан.— Легкие танки? Пехоту подпускайте ближе. Каждый патрон в цель, хорошо, с десятков гранат подброшу!

От звука зуммера поднял голову и Владимир, дремавший на топчане. Сонными глазами обвел капитана, сидевшего на корточках у телефона, незнакомого бойца у приемника, посмотрел на Женю. Она лежала с открытыми глазами. Из распахнутой двери блиндажа на нее падал яркий дневной свет, серебрил короткие под «мальчишку» стриженные волосы. На меловом лице будто нарисованы черные изогнутые брови, а под ними капнуто два голубых пятна, в них затаилась боль, из них лучилось любопытство.

— Старшина Донсков!— представился ей Владимир. Уголки бледных губ ее чуть растянулись и шевельнулись, стараясь выговорить что-то.

— Звать меня Володя...

Капитан бросил трубку, шагнул к ним.

— Дело дрань, старшина. Немцы гатят северное болото фашинами из толстых веток. Пожалуй, к ночи будет последний бой. А ты спал не больше четверти часа, но сопел, как младенец. Завидую! Я не могу пятые сутки. Смотрю, уже и флиртуешь с Женечкой!

— Метеосводка есть?

Радист протянул Владимиру листочек.

— Попить,— тихонько сказала Женя.

— Вон на радиостанции кружка со взваром, подай, Коля,— попросил капитан радиста.— Как сводка, старшина?

— Плохо. Прогнозируют ясную погоду, ветер северо-западный, слабый. Больше ничего? На что решимся, товарищ капитан?

— Тебе виднее. Но пойми!— Капитан сверкнул бесоватыми зрачками.— Половина раненых и больных! Проклятое болото сосет людей, раны исподним перевязываем! Кончаются боеприпасы! Ваши консервы съели за ночь, а теперь опять лишайник с клюквой? Черт знает на чем держатся люди! Если не уйдем в эту ночь —

смерть! Последний выход из ловушки, южное болото, немцы заблокируют! Коля, позови проводника!

— Не кричите! Я-то при чем?— сказал Владимир, как только радист вышел за дверь. Он сказал это с вызовом, но, не выдержав яростного взгляда капитана, отвернулся к Жене. Глядя на ее измученное, без кровинки лицо, на искусанные запекшиеся губы, подумал: «Все ясно, капитан, все понятно, хороший мой человек. Ты давно бы ушел из этой западни, если бы не приказ. Но на марше без поддержки тебя прихлопнут. Представим, повезло бы тебе, твои люди смогли бы раствориться в лесах, но ведь и наши потеряли бы с вами связь, а значит, и надежду получить очень ценные документы, добытые вами в жестоком бою. Вы добыли... теперь мой черед. Я освобожу вас от ответственности сегодняшней ночью. И вы уйдете. Уйдете ли? Уйдете ли с такими беспомощными, как Женя? Вся надежда на рейдовый отряд. Верь, он встретит тебя, капитан. Когда и где — вот вопрос. А пока так не хочется умирать. Что поделаешь? Видно, бумаги, добытые вами, дорого стоят. Мы обязаны их сохранить и доставить по адресу. Если сможем. Понимаешь, капитан, должны! Ты уже не можешь. Значит, моя очередь...»

Владимир повернулся к командиру, чтобы сказать все, и увидел смущенное лицо.

— Извини, сорвался. Ты, конечно, ни при чем. По-спать надо. Извини, старшина!

— На Большую землю сообщили?

В блиндаж вернулся радист с невысоким мужиком, одетым в домотканую свитку и солдатские шаровары, заправленные в разбитые немецкие сапоги. Мужик снял с лохматой головы брыль, шмыгнул носом.

— Скажи, товарищ,— обратился к нему капитан,— кроме южного болота, можно еще где проскочить?

— Не-е! Ежели через Плюй-омут, там глубовина и тряса, дюже гатить надо.

— Сколько дюже? Сколько?

— Индо весь лес потопишь — не загатишь.

— Коля, звякни командиру саперов, пусть еще раз Плюй-омут прощупает. Сам пусть лезет, сам! Иди, старина.

Мужик переминался с ноги на ногу у порога.

— Иди, иди,— устало повторил капитан.

— Дозвольте, товарищ начальник, у коптера винтовку взять. Душа горит, а што я голыми руками...

— Разрешаю... Коля, когда выход на связь?

— Восемь с половиной минут осталось,— ответил радист.

Проводник ушел. Капитан сел на обрубок и, положив под бумагу планшет, начал писать. Локти задевали острые коленки, лопатки выпирали серую просоленную гимнастерку. Он писал, прижимая бумажку грязными пальцами, пощипывая конец карандаша тонкими бледными губами. Владимир смотрел на лысоватую голову капитана, на шишкастый лоб, посеченный морщинами, на вислый нос с горбинкой и удивлялся силе человека, способного в такой обстановке поддержать веру у почти обреченных солдат. То, что писал капитан, было горькой правдой.

Радиограмма получилась длинной. Радист долго стучал ключом, посылая в эфир последний доклад командира десантного батальона.

Ответ получил к вечеру, когда в лесу грохотал бой: **«Действуйте по обстановке решение может принять только Владимир ждем нетерпением»**

Потом цифры, цифры посыпались, как горох: 1000, 35, 10...

А дальше информация: «С 6 по 12 июля 1943 года части Красной Армии ликвидировали попытку прорыва танковых и механизированных дивизий противника с севера и юга к Курску».

— Мне непонятны цифры,— сказал капитан.

— Это для меня прогноз ветра по высотам.— Владимир подчеркнул ногтем четвертую строчку.— Вот это меня вполне устраивает: на высоте четыре тысячи метров ветер должен дуть в направлении девяносто восемь градусов с силой двадцать пять километров в час.

— Должен дуть или дует?

— Прогноз — есть предположение. Иногда оправдывается.

— Ну-ну... А какой груз можешь взять в свою корзину?

— Чтобы обеспечить динамичность подъема, а это самое важное для нас сейчас, возьму еще как балласт три газовых баллона. А почему вы спросили,— насторожился Владимир.— У вас...

— Посмотри на нее,— капитан кивнул на уснувшую Женю.— Крышка ей будет в болотах! Шестнадцать зим и весен прожила...

БОЙ

Новенький автомат Бориса Романовского изредка вздрагивал от коротких очередей. Красноармейцы расходовали патроны скупно, били немцев только на стометровой вырубке перед окопами, не подпуская их на гранатный бросок.

На левом фланге у топкого северного болотца визжали моторы танкеток и глухо гукали противотанковые ружья, оттуда несло гарью лесного пожара, хотя немцы специально не пытались зажечь лес.

Романовский вставил в автомат последний диск и посмотрел на кусты за окопами, откуда должен был показаться Миша Корот с патронами. Вот рядом, на дне траншеи, его летний шлем, планшет с картой и пустая банка из-под омлета.

Досаждали комары и мошка: к заходу солнца они вились тучами, пороховая гарь и дым от выстрелов отгоняли их на несколько секунд, а потом они еще злее лепились к шее, лбу, рукам, лезли в нос и глаза, мешали целиться. Борис не решался снять горячий липкий комбинезон и оголиться до пояса, как его сосед справа — старый красноармеец в немецкой каске. Он был политбойцом и, наверное, поэтому все время пытался подбадривать Бориса: давал советы, сыпал шутками, привычным движением подкручивал кончики пышных седых усов, будто приклеенных к худому, закопченному, выпачканному кровью лицу. Сначала Борис подумал, зачем таких пожилых берут в десантники, ведь им тяжело и, чтобы не уронить себя, приходится вот так бравировать перед молодыми, но когда боец разделся, оголил длинные жилистые руки, широченную спину, словно свитую из корней и обтянутую белой пропыленной кожей, Борис только восторженно крикнул от такого атлетического великолепия.

Слева от Романовского стрелял из-за броневое щита от разбитой сорокапятки его одноклассник. Зеленая каска почти закрывала грязное лицо с большими белыми пятнами глаз. Он что-то все время кричал, обращаясь к

Борису. От близких разрывов прыгающих мин несколько раз падал на дно окопа, но вставал, размазывал по щекам слезы, поднимал винтовку и снова совал ее в амбразуру щита.

«Т-рыч, т-р-р-рыч, т-р-рыч», — били немецкие шмайсеры в глубину леса. Срезанные ветки и куски коры падали на ползущего Короты. Он волок по мху и листьям санки с патронными цинками и ящиками гранат. Мог бы встать и, презрев шальной свист пуль, тащить поклажу быстрее, но упорно полз, чтобы случайно не убили, чтобы не оставить товарищей без боеприпасов.

По земле стелился дым, застревая в кустарниках сизыми клубками, густо тек во впадины и ямы.

До окопного пояса Мише Короту осталось проползти метров двадцать. Не снимая с плеч лямок, он перевернулся на спину, отдышался, чувствуя, как легкие раздрает угаром, снова лег на живот и долго лизал горьковатый влажный мох. Стрельба залпами (наверное, атака!) толкнула его вперед. Нужно только проползти густой опаленный кустарник, и он увидит окопы. Потрогав руками колючие ветки, Корот закрыл глаза, полез напролом. Продравшись сквозь задымленные колючки, увидел серые брустверы траншей, а за ними, как бы отсеченные от ног зеленоватой кромкой травы и волнистой полоской дымного тумана, виделись белая спина старого десантника и синие, затянутые в комбинезон плечи Бориса; каска молодого красноармейца сливалась с броневым щитом, но и ее разглядел Корот. Дальше, по всей длине окопов, каски торчали, как шляпки грибов.

«Уползал, их было больше!» — подумал Корот и тут же рядом с собой услышал винтовочный выстрел.

Стреляли из кустов, за которые еще цеплялись его санки.

А из окопа медленно вставал старый десантник.

— Ложись!.. Убьют... Ло-о... — И замолк Миша Корот, увидев на белой спине бойца алое пятно. Десантник неуклюже валился, хватаясь скрюченными пальцами за бруствер, осыпая землю.

Снова рядом с Коротом бухнул винтовочный выстрел. Для сидящих в окопе он слился с общим грохотом боя, да и Корот не сразу понял и увидел беду. Только когда каска молодого красноармейца стукнулась о броневую щит, сообразил: убивают сзади!

Корот сбросил с плеч лямки, вытянул из кобуры пистолет и теснее прижался к земле. Его слух уже не воспринимал автоматного треска, бой как бы удалился и затих, он выслушивал лес, ждал, как охотник, хруста сломанной ветки, настороженного движения залегшего зверя.

Корот начал медленно двигаться, потихоньку отводя или прижимая к траве ветки. Он понимал, что если поползет быстрее, в шуме боя его не услышат, а все равно подкрадывался, будто к чуткому, готовому в любой момент прыгнуть зверю.

И Корот увидел его.

За толстым оголенным корнем раскидистого вяза лежал мужик в серой домотканой свитке и войлочной шляпе-брыле на голове. Ноги в старых немецких сапогах раскинуты, руки, согнутые в локтях, держат винтовку, ее ствол наклонен и выцелен на окоп. Сизая небритая щека прижата к прикладу. Увидев его профиль, Корот мгновенно сжался и застыл. Длинный хрящеватый нос, выпяченные из-под усов черные губы и срезанный почти на нет подбородок. Подбородок был закрыт неопрятной спутанной бородой сиво-грязного оттенка, но Корот представил его знакомый срез.

Память выдала горькие строки письма о смерти отца: «... когда Тарас влез на ящик и сам надел петлю на шею, пьяный полицаи куражился, харкал ему в лицо, делал вид, что хочет выбить ящик ногой, и не выбивал, тянул. Мы плакали, кричали, просили, а он стрелял у нас над головами, клал нас в грязь, ругался похабно и гоготал...»

Сдерживая нетерпение, Корот еще ближе подполз к мужику. Теперь их разделяло метров пять. Через кусты виднелось окопное гнездо Романовского, он настороженно смотрел в их сторону.

Мужик повел винтовкой, направил ее на Романовского, но левый глаз не закрыл, а значит, не целился.

«... Он еще и опозорил твоего батьку, Миша, обмочившись прямо на него при народе...»

Мужик сглотнул и странно, как у лягушки, дернулся его зоб. Теперь у Короты сомнений не было: Вьюн!

У корней вяза лежал полицаи Вьюн, повесивший его отца. Как мог Вьюн объявиться здесь, так далеко от родного села, Корот не думал.

Мыкола Вьюн появился в селе за год до войны со справкой об отбытии тюремного заключения. Был он грязен и тощ. Попросился в колхоз. Не брал пришлого председатель, да вмешалась милиция, ходатайствовала перед сходом за бывшего торгаша самогоном. Правда, не пил Вьюн, работал хорошо, отъедался на колхозных харчах.

Летом поставили Вьюна учетчиком на ток. Осенью, богато получив за трудодни, вошел он примаком в дом пожилой вдовы. Жил тихо, на собраниях сопел в тряпочку, друзей не заводил. До весны Вьюн копался в хлеву, ухаживал скотину.

В начале лета поползли по селу нехорошие слухи, начали появляться подметные письма с националистическим душком. В это же время повадился Вьюн ходить на охоту. Однажды, уйдя с ночевкой в плавни, вернулся уже с немцами. И тут услышали сельские, какой у него зычный бас, почувствовали его тяжелую руку. Измывался над народом, поганец, нещадно.

Не знал Миша Корот, что у десантников предатель появился случайно: отходили с боем и наткнулись в лесу на «местного колхозника», обещавшего помочь им. Слышал Миша Корот о проводнике из здешних, но не видел. Теперь вот он, перед ним.

Предателя нужно взять живым! Живым! Чтобы судить всенародно!

Но предатель уже шурил левый глаз. Его пулю остановить могла только пуля. Корот поднял пистолет. Прорезь и мушка совместились под сизой волосатой челюстью. Палец мягко нажал спуск. Голова предателя мотнулась и упала на приклад винтовки, ствол задрался, и пуля из него ушла в небо.

Корот подполз, поднял голову убитого. Это был не Вьюн. У Вьюна были разного цвета глаза. Но этот и Вьюн были из одного жабьего племени.

Вспугивая быстро наступающую темноту, захлебывались огнем стволы шмайсеров. Теперь их можно было пересчитать: три-четыре огня на полсотни метров. Значит, на рубеже боя действовал только огневой заслон. Оставив в окопах прикрытие, по руслу жиденького теплого ручья, между кустов поползли к лагерю и десантники.

РЫВОК В НЕБО

Когда в Москве Кремлевские куранты отбивали полночь, на тесной полянке в глубине леса закончились последние приготовления к финалу операции «Тихая ночь».

Ночь и в самом деле затихла. Накрепко вцепившись в последние рубежи обороны, боролись с усталостью и сном десантники. Их осталось немного. Болотная топь, похлупывая и вздыхая, засасывала разметанные куски фашин и трупы немецких солдат. Командир не решился выходить на юг, и теперь группы красноармейцев бродили с шестами по трясине, искали новых путей отхода. Они прошупали, казалось, самое непроходимое место — Плюй-омут и нашли старую полузатоленную бревенчатую гать. Она выводила из леса в плавни, заросшие густым камышом.

Над лесом повисла яркая молодая луна, будто пытаясь высмотреть его тайны.

Владимир прощался с друзьями. Борис Романовский и Михаил Корот оставались с десантниками. Какая судьба ждет каждого, никто предсказать не мог. Выражали последние желания.

— Вот адрес. Возьмите оба. Освободят наше село, сообщите обо всем оставшимся родичам, — говорил Корот. — И еще... адресок Марфиньки из «Красной нови».

— Дед Петушка, партизанского мальчонки, Калистрат Евсеич, остался один как перст. Хочу взять его после войны к себе, с мамой договорился. На базе у комиссара Маркина его координаты. Не забудьте, ребята! И если что, возьми на память мою домру, Володя.

— Ну, а у меня нет особых просьб, ребята. Пусть будет вечно чист наш океан! — сказал Владимир. — Прощайте!

Шесть рук свились в кольцо, склонились, коснувшись друг друга, головы: рыжая, каштановая и белая от бинтов.

Квакнула на болоте осмелевшая лягушка. Примолкла. А потом загомонил лягушачий хор.

— Пора! — шепнул Владимир и, разорвав круг, крикнул: — Начали!

Стащили чехол с куска прорезиненной ткани. Восемь красноармейцев одновременно повернули вентили

газовых баллонов. Сжатый в них гелий с шипением рванулся по шлангам, и ткань начала вспухать, принимать форму шара. Шар рос, и его веревками оттягивали в сторону от кривобокой ольхи. Развернулись стропы, соединяющие шар с четырехугольной корзиной из ивовых прутьев. Через несколько минут неуправляемый сферический аэростат натянул веревки. Лучи фонарей плющились о блестящую оболочку.

— СССР — М, — прочитал капитан большие глянцевые буквы.

Владимир невольно вспомнил слова полковника Старикова: «Выбор пал на вас, как человека, имеющего две летные специальности». Разве думал Владимир, что его мирное увлечение пригодится на войне. До планерной школы он летал на сферических и змейковых аэроста-тах просто для спортивного удовольствия. Манила высота, загадочная воля ветра, уносившая аэроавтов в самые неожиданные места. Нравилось медленно плыть над городами и селами, сбрасывать цветы и яркие вымпелы, ошарашивать глазающих снизу людей вопросом: «Как добраться до Татищева?» И хотя шар почему-то тянет к грозovým облакам или высоковольтной линии, а его посадку окрестили «управляемой катастрофой», он никогда не казался ему беззащитным пузырем, который одна капля раскаленного свинца превратит в тряпку.

Владимир посмотрел вверх. Ветер почти не дышит. Хорошо, а то он весь день дул на запад, к немцам. Кроме полета, нет выхода. Надо уходить в небо, уходить рывком. Прыгнуть... И все. Хорошо бы оправдался прогноз ветра.

— Ждать больше нельзя! — строго сказал капитан.

— Да! Если завяжется бой, аэростат испустит дух от первой бродячей пули, а газа нет. Последний баллон беру как балласт и подпитку к шару. Не поминайте лихом, товарищ командир! — Капитан протянул Владимиру руку и сказал:

— Насчет Жени решено твердо? Не мешает она тебе.

— Несите!

— Если во вред полету...

— Все будет нормально, товарищ капитан.

— Ну, спасибо... Эй! Вы чего там? Это нельзя! — Капитан схватил за руку Короты, пытавшегося что-то бросить в корзину.

— Парашюты я с планеров вытащил, могут пригодиться им.

— Пусть кладет, — сказал Владимир. — Где Женя?

На носилках принесли Женю, закутанную в две солдатские шинели. Она не лежала, а сидела, схватившись руками за жерди. Когда ее подняли и стали пересаживать в корзину, она, постукивая зубами, пыталась говорить.

— Я с-сама. Я мог-гу. До свидания, м-мой милые!

— Чего уж там сама. Она сама! — Ворчал Владимир, поддерживая ее замотанную в бинты негнущуюся ногу.

— Старшина! — тихо позвал капитан и протянул мешок. — Здесь все бумага. И наши письма. И сам рассказ. В случае чего... — И он осветил гранату, привязанную к мешку. — Прощай, сынок! Привет живым. Прощай!

— Приготовиться! — срывающимся голосом крикнул Владимир. — Подтрави!

Шар приподнял макушку над кронами сосен. Стropy еще висели по бортам гондолы. Выше отпускать шар нельзя: немцы изредка пускают ракеты, увидят. Владимир перерезал якорный канат у ольхи. Лучи фонарей скрестились на гондоле.

— Отпускай концы! Прощайте!

Аэростат прыгнул в небо. Застучали винтовочные выстрелы, автоматные очереди дробились в ночном лесу, чавкали редкие мины: десантники опустошали диски и подсумки, отвлекая внимание немцев к земле. И, наверное, зря, — как только началась стрельба, немцы осветили округу ракетами. Увидели ли они шар?

Мощный рывок свалил Владимира. Под его тяжестью застонала Женя. Гондола еще дергалась, а Владимир встал, ухватился за края, взглянул на маленький бортовой альтиметр. За несколько секунд аэростат набрал триста метров высоты, стрелка прибора энергично бежала по шкале. Вниз уходила посеребренная луной земля. Сжав руками забинтованную голову, Владимир попробовал унять боль, вызванную резким подъемом. Потом начал искать контуры леса, в котором

остались его друзья и десантники. Вон черное пятно, похожее на трапецию со срезанными углами. Липкая засветка болот. Вот Плюй-омут, через который сейчас, наверное, продираются первые бойцы комбата... Владимир торопливо расстегнул пуговицу нарукавного манжета, оголил кисть с наручным компасом. Развернул грудь на северный румб и снова посмотрел на лес.

Лес, мерцающий в свете ракет, остался справа. Лес плыл на восток, аэростат — на запад. Скорость полета росла, ветер был явно сильнее, чем рассчитали московские синоптики. Несколько часов такой гонки — и они с Женей могут быть в Берлине!

Подогнув вялые ноги, Владимир сел на дно рядом с Женей, безразлично уставился на черное брюхо шара. Шланг к баллону с гелием и клапанная веревка перекручивались над головой, как змеи.

— Ка-ак тихо! И луна... Вон выглядывает из-за шара луна, — с трудом дошел до Владимира шепот девушки. — Мы висим, да?

— Летим, к черту в зубы!

Низ шара осветился — раздался приглушенный треск. Как на пружине вскочил Владимир. Сначала внизу, потом далеко справа за клубились два розовых облачка и, выбросив искры, потухли. Звук зенитных разрывов докатился через секунду. Еще одна розовая клякса вспыхнула на севере. Немцы просто палили в небо, но это могло значить только одно: они видели или догадались, что из леса поднялся шар...

Аэростат набирал высоту. Владимир отодрал пальцы от бортов, полез в карман за папиросами.

— Женя, давайте на всякий случай я подгоню вам парашютные лямки?

— Я все равно не прыгну... не умею... не смогу.

— Видите на северо-западе черноту? Облака. Добраться бы!

— Там лучше?

— Они мягкие, Женечка. Вам ни разу не приходилось бегать по облаку, хотя бы во сне?

Девушка что-то тихо ответила, но Владимир уже думал о своем: ветер подворачивал аэростат к северу — сумеют ли они подняться до облаков? Там, в черной мути, их тайник — оправдается ли метеорологический про-

гноз, изменит ли ветер направление на сто восемьдесят градусов с высотой?

Бросив папиросу за борт, Владимир прислушался к нарастающему прерывистому звуку. Он рос, двоился, захлестывал. Между луной и шаром пронеслись густые резко очерченные тени. Пара немецких истребителей прочесывала небо. Они прошли довольно далеко, но Владимир различил короткие угловатые крылья с каплями огня на концах, длинные хищные фюзеляжи. Самолеты были похожи на кресты. Черные кресты ходили большими кругами, искали. Звук их моторов почти удалялся до неслышного, потом снова нарастал и с каждым кругом становился громче. Так прошло несколько минут, а Владимиру показалось, часов. Несколько часов, когда на приставленный к горлу нож давят сильнее и сильнее, ни вздохнуть, ни крикнуть и вздрогнуть даже нет сил...

Истребители включили фары. Лучики света потянулись от их крыльев. Воздушный шар набирал высоту, самолеты оставались ниже. Но это и помогло им увидеть шар, а может быть, все случилось случайно. Только вдруг два ярких световых столба потянулись снизу к аэростату. Два слепящих круга, вырастая с невероятной быстротой, выхватили из ночи блестящую оболочку, конус строп, квадратную гондолу и аэронавтов, застывших статуями. Владимир и не заметил, как рядом с ним встала Женя. Самолет, видимо, не ожидая такого быстрого сближения, отвернул, ударив шар жесткой струей, оторвал вонючий выхлоп мотора в гондолу. Теперь им нужно сделать только один боевой заход. Развернуться, выцелить шар... Раскаленные трассы коснутся оболочки, и она лопнет, как мыльный пузырь. Владимир зажмурился, стало жутко от сознания своей беспомощности, сердце стучало где-то у горла. Он заставил себя выйти из оцепенения, нагнулся к газовому баллону, остервенело закрутил вентиль. Шланг от баллона туго завибрировал: оболочка глотала новую порцию гелия.

— Выкусят, сволочи, выкусят! — не слыша себя, твердил Владимир, а руки ласково поглаживали пустующий баллон.

В новом заходе истребитель не вышел на цель, разворачиваясь, он потерял шар из виду, но стрелять

начал, как только нос машины повернулся в сторону, где раньше был аэростат. Лоскутки огня рассыпались будто по всему небу. Прямо над головой Владимира мелькнула молния, на плечи упала перерезанная стропа. Он взялся за баллон и почувствовал, как трясется от злости руки. Тяжело разогнувшись, поднял баллон над головой и швырнул за борт. Аэростат, лишившись балласта, скакнул вверх. Мигнула и закрылась облаком луна. Гондола завязла в черной влажной мгле. Рокот самолетов доносился, как сквозь вату.

— Достали тучку! Садись, Женя, садись, родная!

Облака проткнули несколько светящихся игл, одна из них прошла совсем рядом. Владимир помог девушке спуститься на дно корзины и сам сел на корточки, закрыл глаза.

Гондола покачивалась. Тело расслаблялось. Наплывали и размывались в сознании обрывки каких-то мыслей, образов. То блестящий нож Борькиной работы крутится перед носом в зловещем танце, то виделся резной домик Аэлиты в деревне, а на крыльце она, в ярком красном платье, но почему-то с белым меловым лицом санитарки Жени и голосом полковника Старикова. Акуля пасть истребителя в праздничном фейерверке. Потом луна с глазами, носом и улыбающимся ртом...

Проснулся Владимир от слабых толчков в плечо:

— Не могу дышать... Пи-ить...

Он ощупал мокрый воротник, влажное лицо Жени и понял: они в облаках на большой высоте.

— Прости, более суток по-человечески не спал,— сказал, нашарил веревку клапана, потянул ее. И вдруг осознал, что все делает с закрытыми глазами. Поспешно открыл. Кругом светло. Женя сидит, привалившись боком к стенке корзины, голова запрокинута, рот широко открыт. Оболочка, стропы, прутья гондолы и одежда мокрые. Он снял фляжку с ремня, поддерживая голову девушки, помог ей напиться.

— Как теперь, Женя?

— Спасибо.

— Снижаемся помаленьку,— он протер стеклышко альтиметра от капелек воды. Спуск не ощущался, шар будто застрял между небом и землей. Владимир взглянул на часы.

— Почти шесть часов в воздухе.

— Куда нас несет, вы, конечно, не знаете?

— Знаю!— соврал Владимир.— Ночью мы набрали пять тысяч. Летим в восточном направлении. Вам надо подкрепиться. Есть плитка шоколада. Берите... Как бед-по?

— Я совсем не чувствую левую ногу, ее нет вроде.

— Ничего, Женечка, мы с вами еще плясать будем! Потерпите: ближе к земле — больше силы.

Они увидели землю на двенадцатом часу полета. За это время девушка дважды теряла сознание, и Владимир суетился около нее, не зная, что делать, чем помочь. Он пытался влить в ее горячий рот капельку воды, потихоньку бил по щекам. Женя приходила в себя, вымученно улыбалась, благодарно хлопала ресницами. Сейчас Владимир, вцепившись в скользкие борта гондолы, жадно рассматривал бурые покатые холмы и зеленые перелески, быстро бегущие под аэростат.

— Ветер свирепый!— Посмотрел на компас.— Плы-вем на юг! Посмотрим карту.

Карта перекечовала из-за голенища сапога в руки. Взор аэронавта скатывался с нее на землю, обратно и опять на землю.

— Вот речушка... Это она, безусловно она! И деревня подковой изогнута, очень похожа! И лес! Прямо как это пятно!

Владимир бодро говорил для Жени, сам же не поддавался иллюзии. Они прошли в облаках по какому-то зигзагообразному маршруту, им неизвестен, даже приблизительно, район местонахождения, а в этом случае карту невозможно сличить с местностью, если нет крупных и очень характерных ориентиров. И все же он, засунув карту за пазуху, мягко сжал бледные щеки девушки и стал целовать в нос, в запекшиеся губы, в худой подбородок.

— Это наша земля!— закричал он и, перегнувшись через борт, неистово замахал руками приземистым из-бам, крытым соломой, стайке босоногих ребятишек, поднявшей пыль на околице, красному флагу над кирпичным зданием сельсовета.— Бросаю якорь, Женя!

Гайдроп с железной кошкой на конце упал за борт. Кошка ударилась о дорогу, подскочила и, перелетев кювет, вцепилась гнутыми лапами в кусты дикой смородины.

Теряющий скорость аэростат облаивали невесть откуда взявшиеся собаки. Они уже допрыгивали до гондолы, и Владимир поприветствовал их торжественным взмахом руки.

— Это наша земля,— тихо произнес он и вытер рукавом комбинезона остатки облачной влаги у глаз...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Летом 1979 года ветераны боевого планеризма собрались в одном из городов Вологодской области на открытие крылатого обелиска.

Там, где в годы войны базировался гвардейский планерный авиаполк воздушно-десантных войск, как в былое время, выстроились бывшие командиры, летчики-испытатели, инженеры, пилоты. И в годы войны боевых планеристов было немного — сотни. Сейчас же стояли лишь десятки из них... Над ровной шеренгой седовласых ветеранов раскинул крылья металлический макет военнотранспортного планера А-7 почти в натуральную величину, на поддерживающей его стеле слова: «Во имя живущих».

На торжестве присутствовали партийные и комсомольские работники города. Почетными гостями были Борис Дмитриевич Урлапов, сконструировавший первый в мире десантно-транспортный планер в 1932 году; Павел Владимирович Цыбин — это его планер КЦ-20 верно служил пилотам для полетов к партизанам. Были и другие знатные люди, о которых можно рассказывать целые легенды.

Не смог приехать на открытие обелиска Генеральный конструктор авиационной техники Герой Социалистического Труда академик Олег Константинович Антонов, но именно его безмоторные машины А-2 и А-7 были основой наших планерных авиационных частей.

Бывший военный пилот, ныне генерал-майор Бредихин Борис Алексеевич, начал торжественную переключку по алфавиту:

- Агапов!
- Здесь.
- Анохин!
- Здесь.

Известнейший летчик-испытатель, мастер планерного

спорта Герой Советского Союза Сергей Николаевич Анохин дал путевку в небо многим десантным планерам, в том числе экспериментальной конструкции О. К. Антонова «крылатому танку».

Он первым открыл маршрут к белорусским партизанам, приземлив транспортный планер на Бегомльском аэродроме...

— Альбистеги!

За отсутствующих отвечал правофланговый:

— Пилот-планерист Исаиэс Альбистеги, испанец по национальности, коммунист, сделавший два ночных полета в тыл врага, после Великой Отечественной войны возвратился на родину.

— Барышников!

И опять правофланговый:

— Погиб при десантировании под Орел.

— Беляев!

— Здесь.

— Водяной!

— Здесь.

— Григорьян!

— Погиб при выполнении операции под Сталинградом.

— Галахов!

— Погиб при посадке в белорусских лесах.

— Долич!

— Здесь.

— Донсков Алексей!

— Погиб при полете к аэродрому «подскока».

Было два брата Донсковых. Старший — Владимир — пионер ночных десантных полетов на планерах в тыл врага. Алеша, весельчак, балагур, любимец планерной братии, так и остался в памяти друзей восемнадцатилетним.

Выкликались по алфавиту фамилии. Ильин Виктор... Ильин Василий... Ильин Михаил. На последнее имя отозвался невысокий коренастый мужчина. Ничего примечательного, броского. И в то же время именно Ильин Михаил Григорьевич единственный в мире пилот, совершивший ночью на десантном планере пять боевых вылетов в глубь территории, занятой врагом. Иной удивится: «Всего пять! Ведь известно, что истребители производили по пять-шесть вылетов в день!» Несравнимо. Планер был

рассчитан на один полет. После приземления у партизан его сжигали.

Планерист становился наземным бойцом до тех пор, пока он снова как пилот не понадобится на Большой земле. Возвращение откладывалось на неделю, месяц, полгода, иногда на год. Да и при посадках в кромешной тьме на незнакомую лесную площадку планерист очень нуждался в дружбе с госпожой Удачей.

— Ильченко...

Международный мастер планерного спорта, неоднократно мировой рекордсмен, летчик-испытатель Виктор Михайлович Ильченко и в годы Великой Отечественной войны был воспитателем молодых планеристов, занимал должность заместителя начальника Саратовской военно-авиационной школы ВДВ КА по летной подготовке.

Следующим в списке ветеранов стояло имя Малиновского Григория Степановича. По заслугам его бы надо прочитать одним из первых. Мастер планеризма, летчик-испытатель, изобретатель и экспериментатор, он один из создателей «воздушного моста» с Большой земли в партизанский край Белоруссии. Первый начальник партизанского аэродрома в Бегомле. Григорий Степанович не только принимал большие группы аэропоездов на созданных им лесных аэродромах, но и активно участвовал в боевой партизанской жизни как летчик-боец, как разведчик, как политический организатор. Больше года он пробыл в партизанской зоне, руководил авиацией и дрался с карателями. Награжден за эту работу орденами Ленина и Красного Знамени. Награды Родины ему, Комиссарову и Ключкову — его помощникам — вручал в Кремле Михаил Иванович Калинин...

— Малофеев!

— Здесь.

— Мороз!

— Сбит «мессершмиттом» в полете, — ответил правофланговый.

— Педченко!

— Погиб на ложной площадке, выложенной фашистами как ловушка.

— Расторгуев...

— Мастер планерного спорта, летчик-испытатель планеров и самолетов Виктор Леонидович Расторгуев сгорел при испытании ракетного самолета. По предложению

Главного конструктора космической техники академика Королева именем Расторгуева назван кратер на Луне.

— Снятков!.. Тетерев... Шмелев...

Вадим Федорович Шмелев и Алексей Владимирович Фролов первыми из планеристов мира побывали над Северным полюсом.

— Юферов!

— Погиб при десантировании к партизанам Белоруссии.

— Янусов!..

О Вадиме Николаевиче Янусове — особый рассказ. Его жизнь, как чистая капля воды, отражает послевоенную жизнь и деятельность бывших военных планеристов. Он — зеркало их славных дел.

В самом начале Великой Отечественной войны техник 2 ранга Вадим Янусов совершил подвиг. Посланный командованием подорвать самолеты, которые нельзя было из-за их неисправности эвакуировать с разных аэродромов и площадок при отходе Красной Армии, Янусов выполнил задание и вернулся в свою часть... на «мессершмитте». Добыл вражеский самолет в смертельном бою с фашистским летчиком на земле.

Это событие подробно описано в книге «Сотвори себя», выпущенной Приволжским книжным издательством в 1980 году.

Инженер и пилот, изобретатель и рационализатор военной техники после войны демобилизовался. Став инженером-конструктором на Вологодском станкозаводе, через некоторое время он подал заявление с просьбой перевести его слесарем.

— Для того чтобы было время заниматься с ребятами, — утверждает он.

Крепкая дружба с подростками завязалась у него после первой встречи с воспитанниками Вологодской школы-интерната. Увидев его один раз, целая группа мальчишек, увлеченная рассказами и делами Янусова, не захотела с ним расстаться. Ребята желали строить планеры и летать на них. И еще их тянуло к доброму, верному старшему другу, так как у большинства не было отца или матери, а то и обоих родителей — умерли, погибли или лишены родительских прав. В общем, «облепили» Вадима Николаевича пятиклашки, в период учебного года обутые-одетые, обеспеченные всем прекрасно, а вот в кани-

кулы в какой-то мере обездоленные, лишённые родительской ласки.

Так в Вологде на станкозаводе образовался кружок планеристов имени Саши Русинова.

Занимались всерьёз. В школе — теория, на заводе — практика. Вадим Николаевич учил ребят труду и мечтал с ними. Поставили цель: построить настоящий планер для обучения полетам.

Ребята неумелыми руками начали пилить железо, потом «дюралюминий», а через три года создали «комплекс» первоначального планерного обучения, куда входит двухместный летающий планер «Аня», средства запуска, перевозки и хранения. Теперь в каникулы ребята летают. 18 июля 1978 года автор этой книги вместе с Генеральным конструктором знаменитых «анов» О. Антоновым были «в гостях» у Янусова в Крыму на горе Клементьева, куда из Вологды он привёз ребят, чтобы учить их летать.

Освещённая солнцем пурпурная «Аня» (Антонов — Янусов) поднималась над горой, управлял ею шестидесятилетний, но вечно молодой Вадим Николаевич, а за ним в кабине сидел совсем юный учлёт из его группы.

Девиз питомцев Янусова: «Память о погибших героях нетленна». Они не забывают о первопроходцах неба, о воинах-летчиках, стараются увековечить память о них вobelisksах.

Так, по собственной инициативе и на заработанные своим трудом средства Янусов и его ребята установили в Крыму на турбазе «Приморье» памятник советскому планеризму — цельнометаллический рекордный планер «Антонов-13».

А в мае 1979 года у въезда в город Кирхач на металлической стеле распахнул многометровые крылья транспортно-десантный планер А-7 — идея постройки и воплощение памятника в металле принадлежит Вадиму Николаевичу Янусову и его счастливым ученикам из кружка имени Саши Русинова — Коле Балаеву, Алику Кудряшову, Андрею Никитину, Коле Смирнову и Саше Стамову, теперь уже выпускникам школы-интерната № 1 города Вологды, планеристам-спортсменам...

Вот и вся бесхитростная, простая история. Но простая ли? А может, в ней и кроется секрет бессмертия нашей прекрасной советской жизни — вечная связь поколений.

Содержание

От автора	3
Почти мальчишки	5
Начало испытаний	29
Наш капитан	45
Хлеб насущный	54
Крылья крепнут в борьбе	59
Софиевские дачи	72
Крутые дороги отцов	102
Операция «Тихая ночь»	115
Вместо эпилога	138

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ КАЗАКОВ

А-7 УХОДЯТ В НОЧЬ

Повесть

Заведующий редакцией *Г. М. Некрасов*
Редактор *Е. А. Подольный*
Художник *А. И. Федотов*
Художественный редактор *Г. Л. Ушаков*
Технический редактор *С. А. Бирюкова*
Корректор *В. Д. Синева*

ИБ № 1105

Сдано в набор 08.12.80. Подписано в печать 15.06.81. Г-44721. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,74. Тираж 100 000. Заказ № 1418. Цена 45 к. Изд. № 1/е-3.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР
129110, г. Москва, И-110, Олимпийский просп., д. 22.

Киевская книжная фабрика, 252054, Киев, ул. Воровского, 24.